ВЕСТНИК

ЧИТИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 3 (48)
2008

Федеральное агентство по образованию
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«ЧИТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ЧитГУ)

Вестник ЧитГУ

№ 3 (48)

Научные направления журнала

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ:
- философские и социокультурные аспекты отношения человека к обществу и природе;
- генезис и теоретико-методологические основы психологии и педагогики;
- юриспруденция;
- проблемы организации и управления высшей школой;
- экономика и управление;

ЕСТЕСТВЕННЫЕ И ТОЧНЫЕ НАУКИ:
- математика;
- физика;
- химия;
- экология и окружающая среда;
- биология;
- геология;
- география;

ТЕХНИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ:
- машиностроение и транспорт;
- энергетика;
- современные горные технологии;
- поиск и разведка месторождений полезных ископаемых;
- строительные конструкции и материалы.

Как оформить подписку?

Подписку на журнал «Вестник ЧитГУ» можно оформить в любом почтовом отделении. Подписной индекс по общероссийскому каталогу 78760.
Подписка осуществляется и через редакцию. Также журнал можно приобрести в розницу. Цена 250 рублей. За информацией обращаться по телефону:

* (3022) 41-69-06.
E-mail: rik@chitgu.ru

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов. Качество печати иллюстраций полностью соответствует качеству представленных оригиналов.

Читинский государственный университет был основан в 1974 г. На сегодняшний день он является крупным центром образовательных услуг Забайкальского края. Мы ведем подготовку специалистов по всем основным отраслям промышленности и сферы услуг нашего региона. За годы своего существования наш вуз заслужил репутацию солидного учебного заведения в подготовке специалистов, обладающих высоким уровнем теоретических знаний и практических навыков.

В состав университета входят 8 институтов: горный институт, энергетический институт, институт строительства и экологии, юридический институт, институт социально-политических систем, институт экономики и управления, институт технологических и транспортных систем, институт переподготовки и повышения квалификации.

Чита 2008

Вестник Читинского государственного университета: Вестник ЧитГУ № 3 (48). – Чита: ЧитГУ, 2008. – 141 с.

Теоретический и научно-практический журнал

Редакционная коллегия

Резник Ю.Н. – гл. редактор, д-р техн. н., профессор, ректор ЧитГУ;
Кудряшов Е.А. – зам. гл. редактора, д-р техн. н., профессор, проректор по научной и инновационной работе ЧитГУ;
Романова Н.П. – научный редактор, д-р социол. н., доцент;
Эпова Т.А. – литературный редактор;
Витовская М.А. – технический редактор.

Редакционный совет

Председатель редакционного совета: Ю.Н. Резник, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, ректор Читинского государственного университета.

Члены редакционного совета: Н.А. Абрамова, д-р филос. н., профессор (Чита), С.Я. Березин, д-р техн. н., профессор (Чита), И.В. Бычков, д-р техн. н., профессор (Иркутск), Е.Т. Воронов, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ (Чита), И.П. Глазырина, д-р эконом. н., профессор (Чита), С.А. Иванов, к. техн. н., профессор (Чита), Н.Б. Иметинов, к. техн. н., профессор (Чита), К.И. Карасев, д-р техн. н., профессор (Чита), Е.А. Кудряшов, д-р техн. н., профессор, заслуженный работник Высшей школы РФ (Чита), В.И. Летунов, к. техн. н., профессор (Чита), А.В. Макаров, д-р юрид. н., доцент (Чита), В.Н. Опарин, д-р физ.-мат. н., профессор, член-корр. РАН (Новосибирск), И.И. Осинский, д-р филос. н., профессор (Улан-Удэ), А.Б. Птицын, д-р техн. н., профессор (Чита), Н.П. Романова, д-р социол. н., доцент (Чита), Г.В. Секисов, д-р техн. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, член-корр. Национальной Академии наук Киргизии (Хабаровск), Н.Я. Смольников, д-р техн. н., профессор (Волгоград), В.А. Стетюха, д-р техн. н., доцент (Чита), И.Ф. Суворов, д-р техн. н., профессор (Чита), М.Л. Титаренко, д-р филос. н., профессор, академик РАН (Москва), М.Н. Фомина, д-р филос. н., профессор (Чита), И.И. Швецова, к. физ-мат. н., доцент (Чита), К.Г. Эрдынеева, д-р пед. н., профессор (Чита).

ISBN 5-9293-0202-2

Научный журнал «Вестник Читинского государственного университета» является реферируемым изданием по следующим научным направлениям:
– для результатов исследований на соискание ученой степени доктора наук (педагогика и психология, филология и искусствоведение, философия и культурология);

За более чем 30 лет работы университета из его стен вышло свыше 20 тысяч специалистов. Наши выпускники работают в различных регионах России. Среди них есть руководители крупных предприятий и компаний, академики и члены-корреспонденты различных академий наук.

– для результатов исследований на соискание ученой степени кандидата наук (политология, право, науки о земле).

Ответственный за выпуск Н.П. Романова, д-р социол. н., доцент.

Утверждено и рекомендовано к изданию решением редакционно-издательского совета ЧитГУ.

© Читинский государственный университет, 2008

Вестник

Читинского государственного университета

№ 3 (48) 2008

Научный редактор д-р социол. н. Н.П. Романова
Литерат. редактор Т.А. Эпова
Технический редактор М.А. Витовская
Подписано в печать 25.06.2008
Сдано в производство 27.06.2008
Форм. бум. 60 x 84 1/8
Печать офсетная
Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 500 экз.

Бум. тип. № 2
Гарнитура литературная
Усл. печ. л. 10,7
Заказ № 83

Читинский государственный университет

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30
41-69-06

Уважаемые читатели!

В апреле в Читинском государственном университете в соответствии с распоряжением Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки была проведена плановая экспертиза соответствия содержания и качества подготовки выпускников требованиям государственных образовательных стандартов и показателей деятельности. Это был своего рода экзамен, который успешно сдал весь вуз, его студенты, преподаватели и руководители.

В выводе комиссии, проводившей экспертизу, сказано: Читинский государственный университет является многопрофильным учебно-научно-инновационным комплексом с широко развитой инфраструктурой и современной материально-технической базой, обеспечивающим многоуровневую подготовку квалифицированных специалистов, соответствующих современным требованиям производства.

Подготовка специалистов высшего профессионального образования в ЧитГУ осуществляется по 62 специальностям, 26 направлениям бакалавриата и 12 направлениям магистратуры, а специалистов среднего профессионального образования – по 10 специальностям. Университет реализует программы дополнительного профессионального образования, повышения квалификации, профессиональной переподготовки.

Научно-производственная и технологическая база университета включает два филиала академических научно-исследовательских институтов – Института Дальнего Востока РАН и Института горного дела СО РАН, Восточный филиал ФГУП Российского НИИ водного хозяйства, технопарк, 14 проблемных лабораторий и 17 научных центров и др. Научная работа ведется по 24 направлениям. По результатам научно-исследовательской работы защищено около двухсот кандидатских и докторских диссертаций. За аттестуемый период в ЧитГУ выполнено свыше шестисот НИР, выиграно 16 грантов. Объем финансирования научных исследований за отчетный период составил свыше 120 млн руб. В рамках изобретательской деятельности в вузе получено 66 патентов на изобретения, 6 свидетельств об официальной регистрации программ для ЭВМ и одно свидетельство на товарный знак.

Подготовка в аспирантуре ведется по 32, в докторантуре – по 5 специальностям. В аспирантуре и докторантуре проходят обучение 250 чел. В диссертационных советах университета защищено 127 диссертационных работ.

В вузе функционируют 18 студенческих научно-исследовательских объединений и лабораторий. 80 процентов студентов принимают участие в научной работе, в выставках, различных научных конференциях, мероприятиях регионального, всероссийского и международного уровня. Журнал «Вестник Читинского государственного университета» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК.

Как подчеркнула, выступая по итогам проведенной экспертизы на ученом совете Маргарита Валентиновна Короткова – главный специалист-эксперт Управления лицензирования, аккредитации и надзора в образовании Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, Председатель экспертной комиссии – в нашем университете имеется соответствующее нормативно-правовое обеспечение, продуманная структура институтов и факультетов. Специальности и направления соответствуют потребностям региона.

Заключение экспертной комиссии будет представлено на Аккредитационной коллегии Министерства образования и науки, где будет приниматься решение о повторном лицензировании всех образовательных программ ЧитГУ на последующие пять лет и аккредитовано право университета на выдачу дипломов государственного образца. Следовательно, на ближайшую пятилетку у нас все определено, необходимо ставить перед собой и решать новые задачи, способствующие сохранению статуса ведущего университета как центра науки, образования и культуры региона.

Ю.Н. Резник, д-р техн. н., профессор, ректор

Читинского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ

Юбилейные даты

К 50-летию
Почетного работника
высшего профессионального образования РФ,
заведующей кафедрой психологии
института социально-политических систем,
доктора педагогических наук, профессора
Эрдынеевой Клавдии Гомбожаповны

Сплав творческой активности, научного мышления и обаяния личности

26 мая отметила свой пятидесятилетний юбилей одна из самых ярких представительниц ученых-гуманитариев нашего университета заведующая кафедрой психологии института социально-политических систем Клавдия Гомбожаповна Эрдынеева.

Когда смотришь на эту молодую, обаятельную, излучающую задор и энергию женщину, как-то забываешь и о солидной юбилейной дате, и о служебном положении юбилярши, и о заслуженных ею за долгие годы работы в системе высшего образования почетных званиях. Но, тем не менее, это действительно так – Клавдия Гомбожаповна – доктор педагогических наук, профессор, автор многочисленных научных работ, преподаватель высокой квалификации с большим трудовым стажем.

Клавдия Гомбожаповна работает в ЧитГУ более десяти лет, а с 2003 года возглавляет кафедру психологии. Под её руководством ученые кафедры реализуют широкую программу научно-исследовательских работ в различных областях психологии и педагогики, разрабатывают психологические основы и методическое обеспечение вузовского и регионального компонента образования по проблемам здоровьесберегающих технологий, проводят психологическое консультирование по психологии развития личности.

Клавдия Гомбожаповна – не только выдающийся ученый с гибким, системным мышлением, но и прекрасный педагог, отличающийся умением выслушивать и понимать людей, доброжелательностью, коммуникабельностью. Она прививает своим ученикам такие прекрасные качества, как самостоятельность, дисциплинированность, нацеленность на результат, обязательность в выполнении взятых на себя обязательств и ответственность за возможные последствия своей работы. Под ее руководством уже защищены пять кандидатских диссертаций (Д.В. Багин, Л.В. Галыгина, И.М. Наумова, В.П. Филиппова, А.А. Насонова) и одна докторская диссертация (А.А. Седов).

К.Г. Эрдынеева активно занимается популяризацией научной мысли, являясь научным редактором международного сборника научных трудов Москва – Чита, руководителем секции «Генезис и теоретико-методологические основания профессионального образования» журнала «Вестник ЧитГУ», а также членом редакционной коллегии российско-американского журнала «Бизнес. Экономика. Психология».

Научные и педагогические заслуги К.Г. Эрдынеевой не остаются незамеченными. Ей присвоено звание «Почетный работник высшего профессионального образования РФ», она является также лауреатом Премии Читинской области за профессиональные успехи в сфере образовательной деятельности.

Редакция «Вестника Читинского государственного университета» сердечно поздравляет прекрасного ученого, педагога и свою коллегу Клавдию Гомбожаповну Эрдынееву с юбилеем и желает ей крепкого здоровья, активной, плодотворной, твор-

ческой деятельности и, конечно, личного, семейного благополучия.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 60.028.132+60.524.126.3

В.И. Залунин
V. Zalunin

ДИАЛЕКТИКА МИФОЛОГИЗАЦИИ И ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В КРИЗИСНОМ СОЦИУМЕ

MYTHOLOGIZATION AND DEMYTHOLOGIZATION DIALECTICS OF SOCIAL REALITY IN CRISIS SOCIUM

В статье рассматривается сущность мифа и роль мифотворчества в механизме конструирования социальной реальности и историческом развитии общества. Раскрывается диалектика мифологизации и демифологизации в процессе реконструкции социальной реальности в переходном и кризисном социуме. Обосновывается зависимость логики социального исследования от состояния социально-культурной системы и логики социального развития

The myths essence and the role of the myth-creation in the process of constructing of social reality and historical development is researched in this article. The author disclosed the dialectics of mythologization and demythologization in the mechanism of the reconstruction of the social reality in the condition of social crisis. The connection between logic of the social research and social and cultural system and logic of social development is proved in the article

Ключевые слова: мифологизация, демифологизация, социальная реальность

Key words: mythologization, demythologization, social reality

В самоорганизующихся системах, к каковым можно отнести и общество, особую роль приобретает информационная причинность. Переход к информационной стадии развития цивилизации все отчетливее обнаруживает телическую, номическую, инверсивную и конструктивную природу социальной реальности. Становится все более очевидным отмеченное еще в античности (софистами, Аристотелем, Платоном) положение о том, что культура “растет” как бы своими корнями вверх, “питаясь в своем развитии идеями”.

Драматизм общественного развития во многом связан с тем, что самое фундаментальное основание социальной реальности – идеи – вместе с тем является и самым зыбким, требует для своего воспроизводства усилий, а также способов и средств реализации и объективации этих усилий. Этим, на наш взгляд, в основном, определяется обращение к феномену мифа, исследование которого в существенной мере и позволяет дать ответ на один из

основных вопросов социологии – «как возможно общество?».

Поскольку источником конструирования социальной реальности являются интуиции жизненного мира (первичные интерактивные значения, типизации), постольку социология жизненного мира и будет представлять собой «протосоциологию». Поскольку же миф, в свою очередь, можно считать тем жизненным миром, поисками которого долгое время занималась наука (Л.Г. Ионин), миф становится категорией протосоциального (П. Бергер, Т. Лукман), а с позиции абсолютной мифологии (А.Ф. Лосев, Ф. Ницше), утверждающей, что «за пределами мифа нет ничего, кроме нового мифа» (за исключением хаоса – ничто) – метасоциального анализа.

По мнению ряда исследователей (Ф. Шеллинг, М. Элладе), миф есть повествование о первособытиях, отражающих ступени выхода человека из докультурного хаоса в социокультурный космос. Только корням ведома тайна превращения неорганического в органическое, «биохимия жизни». Только миф непосредственно сопричастен «биохимии» социальности, тайне перехода от натуры к культуре, от хаоса к космосу (порядку), от психики животного к сознанию человека, от состояния объективной к субъективной необходимости (и это верно не только в филогенетическом, но и онтогенетическом смысле). Человечеству никогда не уйти (опять же как онтогенетически, так и исторически) от необходимости этого перехода и разрешения связанных с ним прафеноменальных противоречий человеческого бытия. Следовательно, проникновение в этот связанный с мифом субкультурный, протосоциальный мир по своему значению и последствиям сопоставимо с проникновением в структуру и энергетику субатомного мира [2; С. 171].

Миф выступает фундаментальной, непреходящей, исторически и логически первичной формой мироотношения, описания, моделирования и конструирования социальной реальности. Он представляет собой фундаментальное условие возможности собственно человеческого, исторического способа бытия. Иногда считают, что миф обращен в прошлое, что архаическое общество, где господствовало мифологическое сознание, не знает подлинной истории как сознательной устремленности (направленности) в будущее. С этим можно согласиться лишь отчасти. Человек не имеет истории, он сам есть история (В. Дильтей). Историчность – имманентное свойство человеческой природы. Миф в этом смысле является поэтикой исторической идеи. История, в конечном счете, есть история идей как идеальных проектов преодоления противоречия человеческого бытия в процессе становления и культивирования природы человека. История, как бытие во времени, возможна лишь в горизонте вечного. Миф посредством механизмов натурализации, реификации, сакрализации, освящения идеи обеспечивает это условие. С позиции Р. Барта, миф есть похищение, оестествление исторического, «сокрытие сотворенного под вневременной маской очевидности». В этом смысле миф, освещающий и охраняющий определенную традицию, есть аисторичное (или трансисторическое) условие временности и историчности человеческого бытия и собственно истории, связанной с возникновением позиции бытийного способа исторического спрашивания (М. Хайдеггер).

Миф – специфическая, филогенетически и онтогенетически первичная духовно-практическая форма, отражающая некоторые всеобщие свойства этих форм, связанные с «переживанием» и преодолением разрывов культурно-исторической жизни, снимается и сохраняется другими формами в качестве базисного условия возможности мыслеобразования и семиосиза. Фундаментальные феномены жизни духа, обусловливающие ее наиболее общие формы, помещаются в план бессознательного. Эти бессознательные структуры духа, релевантные соответствующим структурам социальной реальности разной временной размерности (этнические, социальные, социально-психологические), представляют собой искомый геном культуры – зачастую нереф-

лексированные, объективированные и реифицированные, внегенетически наследуемые программы поведения. Миф, как предметно существующая и особая модальность мысли и ее логики, является своеобразным способом дифференциации и интеграции деятельности, синтеза ее во времени, своеобразной "машиной времени". Поскольку миф имеет дело с вневременностью, вечностью, с разрешением прафеноминальных противоречий человеческого бытия (хаос – космос, натура – культура, психика – сознание), он, в известном смысле, является условием всякого социального времени, перехода по ту сторону «нулевой степени» социальности, а его логика может быть рассмотрена как логика культуры и металогика. Мифология и ритуалы, по мнению Кэмпбелла, функционально выступают как ключ к универсально-постоянным началам человеческой природы либо как выражение культурно-исторического контекста [4; С. 71].

Миф – одно из решающих средств конструирования и легитимации социального порядка на основе процедуры натурализации и реификации идей, составляющих подлинное основание истории и социальной реальности. Миф в существенной мере отвечает на вопросы: "Как возможна социальная реальность? Как возможно ее устойчивое существование и воспроизводство на таком внеестественном и метафизическом основании, как идеи?" Именно миф, как полагает Р. Барт, представляет собой средство превращения антифизиса (идей, человеческих установлений) в псевдофизис, в квазиестественное. В связи с этим можно предположить, что «мифологика» должна стать одним из базовых разделов механизма и логики развития идей – «идеологики». А идеологика – основанием культурологии и истории как процессуально представленной культуры.

Миф представляет собой первообраз человеческой идеи (Ф. Шеллинг) и является первичным способом идеальной связи распавшегося на объект и субъект единого универсума; первичной формой переживания, продуцирования смыслового единства в образовавшихся разрывах «пуповины» естественных связей, духовной «ликости» становящейся субъективности. Он же выступает в качестве первичной формы продуцирования идеальности как исторически развивающейся границы между культурной и натурой, разделяющей и связующей их в некоторое «сверхъестественное», естественно-историческое единство. Миф есть выход из точки индифференции культуры и натуры, природы и рода; пространство перехода во вторую, искусственно воспроизводимую и поддерживаемую человеческим усилием природу. Миф здесь – одна из форм проявления родовой природы человеческого сознания, его исцеляющей интенции, направленной на восстановление и реконструкцию распавшейся естественной связи – в качестве смысловой, искусственной. Миф – это некоторый эйдос (структура влечений) этнического эроса как устремленности к абсолютному, единому, определяемый условиями выхода человека из природы, особенностями родовой травмы, первичными «базальными тревогами». Первичный, базовый, исторически апробированный опыт связи рода со средой как некая «первосоциальность», сверхценность, объективируется в структурах мифа, табуируется, сакрализуется, становится основанием исторической идентичности этноса, его особой второй природы (культуры). Страх и отчаяние перед хаосом, превосходящими человека силами природы, сменяется благоговейным трепетом и преклонением перед «социальной субстанцией», через которую в него входят «сверхчеловеческие», «сверхъестественные» силы.

Миф выступает в качестве исходной формы епифании и иерофании, посредством которой и достигается воспроизводство оппозиции объекта и субъекта, природы и культуры, обеспечивается постоянно возобновляющийся и воспроизводящийся процесс выхода человека из природы, становления природы человеком. На эту сторону мифа, как «опыт священного» – важнейший элемент сознания и

форму идеального, наряду с Ф. Шеллингом обращали внимание Э. Кассирер, М. Эллиаде. Миф как опыт священного есть духовный способ обеспечения бесконечности конечного, обращения результата на процесс, зацикливание рекурсивности (фундаментального условия бытия всякой системы и, может быть, бытия вообще) через отнесение преходящего к священному, вечному, сохраняющемуся – условию всякой временности, идентичности, тождественности и историчности. Миф – первичная устная форма «священного писания». Мифы означают дух, их созидающий, с помощью того самого мира, частью которого он является [5; С. 30].

Пренебрежение ритуалами и запретами буквально провоцирует трансцендированные хаос и насилие, окружающие каждую точку культуры и до времени сдерживаемых объективированными в мифе культурными усилиями. У новых поколений уже нет тех причин, которые заставляли их предков блюсти и уважать запреты. Но чем дальше человек удаляется от хаоса и насилия, тем больше вероятность их катастрофического возвращения и божественного возмездия. Пока смысл «ведет себя хорошо», священное как бы скрыто и с особой силой проявляет себя там, где еще не начал или уже перестал функционировать культурный порядок. Чтобы порядок мог возродиться, потребность в иерархии обострилась до предела, беспорядок, анархия, «демонизм» должны достичь предела; чтобы мифы могли сложиться заново, они изначально должны полностью разложиться (Жирар Рене). Диалектика развития мифа, таким образом, является моментом диалектики организации и дезорганизации общественной жизни.

С известными оговорками можно утверждать, что глубинную тайну диалектики социальности, ее конструирования и деконструкции составляет диалектика социального мифа, диалектика мифологизации, демифологизации и ремифологизации или, другими словами – сакрализации и секуляризации, которую мы наблюдаем как на всем протяжении развития человеческого общества, так и в рамках отдельных его этапов.

Длительное время (в течение несоизмеримо большей части человеческой истории) почти безраздельно господствовавшее в древности мифологизированное сознание (образующее в дальнейшем его архаические, «автохтонные» слои) сменяется процессом его демифологизации и рационализации (как доминирующая тенденция) в эпоху античности. Причем сам процесс исторического перехода от мифа» к «логосу», от телеологического объяснения социальных и природных сил посредством персонификаций сверхъестественных сил к их детерминистской понятийно-категориальной интерпретации хорошо прослеживается в деятельности досократиков, Платона. Данный процесс во многом определялся переходом от естественно возникших и традиционных, ориентированных на прошлое родовых связей, к рационально преобразуемым функциональным социокультурным связям.

На смену демифологизации, как доминирующей тенденции в эпоху античности, приходит процесс ремифологизации в эпоху средневековья в форме религиозной мифологии, сакрализующей откровенные истины человека «осевого времени». Здесь мы не останавливаемся на проблеме соотношения мифологии и религии, в основном, соглашаясь в решении этого вопроса с точкой зрения А.Ф. Лосева [3; С. 408-491]. Процесс снятия и мифорелигозного преобразования достижений античной мысли ассоциируется, прежде всего, с деятельностью представителей гностицизма, неоплатонизма и патристики.

На фоне явно доминирующего в рамках просвещенческого и модернистского проекта процесса демифологизации и рационализации тенденция к ремифологизации у романтиков многим представляется как незначительные флуктуации. Современную кризисную стадию развития европейской цивилизации, сравниваемую с новым «осевым временем», зачастую характеризуют как эпоху новой ремифоло-

гизации, осознания мифа как непреходящей и фундаментальной формы общественного сознания, стадию формирования идеи «абсолютного мифа», связываемую с именами Ф. Ницше, А. Лосева, К. Хюбнера, Р. Барта и др.

Диалектика мифологизации и демифологизациии равертывается не только на пространстве глобального исторического времени и структур большой временной размерности, но и в рамках структур среднесрочной (формационной и внутриформационной) и даже ситуативной размерности (например, политические или потребительские мифы, отражавшие краткосрочные политические и потребительские структуры).

В диалектике процессов мифологизации и демифологизации, на наш взгляд, обнаруживаются «несущие конструкции» как природы социокультурной реальности, так и механизмов ее динамики. В силу той важности, которую приобретает феномен мифа и, соответственно, диалектика мифологизации и демифологизации в обеспечении условий возможности существования социальной реальности, ее конструирования и деконструкции, основополагающее значение для социологии приобретает вопрос о причинах этих процессов.

Эти процессы, с нашей точки зрения, имеют свои антропологические и социологические, онтологические и гносиологические основания и своими корнями уходят в диалектику сохранения и изменения в бытии; диалектику консервативного и прогрессивного в процессе конструирования и деконструкции социального; диалектику сакрального и профанного, сакрализации и десакрализации; диалектику веры и разума как способов волеопределения человека, догмы и ереси, тавтологии и парадокса.

Условием возможности всякого существования, бытия является единство сохранения и изменения. Чтобы нечто изменялось, оно должно быть тождественным себе, сохраняться. Сохранение, бытие тождественным, в условиях изменяющейся среды невозможно вне изменения. Человек как существо открытое инстинктивно определяется в своих социальных действиях не столько генетическими программами, сколько культурными – знаниями, значениями, смыслами, идеями. Социокультурная реальность имеет ценностно-смысловую природу. Культура, представляющая собой системообразующее основание общества, имеет ментальную природу и, как мы уже отметили, «растет как бы корнями вверх, питаясь идеями».

Идеи, будучи самым фундаментальным, являются, вместе с тем, достаточно зыбким и уязвимым основанием социальной реальности, требующим специфических усилий для своего воспроизводства и соответствующих способов закрепления, оестествления, преобразования в устойчивые, само собой разумеющиеся, квазиестественные образования. Не случайно культуру в религиозной мысли отождествляют с культом. Без натурализации, реификации идей на основе их мифологизации, сакрализации невозможно взаимопонимание, единство действий и, следовательно, сохранение социального порядка. Может быть именно в связи с этим ценности священного занимают в иерархии ценностей М. Шелера высшее место.

Вместе с тем, как уже было отмечено, сохранение порядка невозможно вне его изменения, что, в свою очередь, немыслимо без той или иной степени денатурализации идей, десакрализации порядка, демифологизации и деидеологизации как непременном условии деструкции, дезорганизации. Тот или иной уровень дезорганизации – необходимое условие реорганизации. В тех же случаях, когда дезорганизация начинает выходить за пределы необходимого и начинает доминировать над организацией и приобретать глобальный характер, распространяясь с поверхностных политических и социальных структурах на уровень фундаментальных культурных, этнических и антропологических констант, мы имеем дело с тотальной обратной разверткой социкультурного порядка и логикой, дезорганизации, развития социального хаоса или даже

коллапса социальной системы.

Гносиологическим выражением и основанием диалектики названных процессов является диалектика верований и сомнений, веры и разума, науки и религии как двух основных форм открытия истины, оформления убеждения и определения воли. Вопреки радикально антимифологическому просветительскому пафосу, подвергнутому критике в романтической и религиозной философии, концепциях абсолютной мифологии, следует, видимо, говорить не о замене одного типа и рациональности другим (О. Конт), а лишь о смене доминант фундаментальных взаимодополнительных типов духовного освоения действительности, характеризующихся в своих взаимоотношениях определенным циклизмом (М. Шелер, П. Сорокин). Сам же циклизм, как известно, имеет глубинные онтологические основания, связанные с движением различия, взаимоопосредствованием противоположных сторон единого.

Возникновение на определенном этапе исторического развития в дополнение к классическому мифу вторичных, превращенных и искусственных форм мифов, есть свидетельство перехода социальной реальности в новый регистр бытия в эпоху цивилизации, где миф становится предметом конструктивной и реконструирующей деятельности, критической рефлексии в рамках теоретического (философского и научного) мышления.

Конечно, рефлексированный миф уже не только миф, а переход в иное. Но всякое иное есть в себе иное себя. Каковы границы и предельные возможности рефлексии и возможен ли полный разрыв с мифом как исторически первичным, господствовавшим многие тысячи лет способом существования идеи, основанием сознания и средством постоянного возобновляющегося перехода от натуры к культуре? Научно-теоретическое мышление, видимо, может самоопределяться лишь через постоянное различение и отталкивание от мифологического. Вопрос о соотношении мифа и науки относится к числу важнейших метафизических вопросов, обретающих особую остроту в кризисных ситуациях. О рациональности мифа и науке как не всегда до конца и радикально снимающем свою бессознательную форму рефлексивном мифе говорят многие исследователи (А. Лосев, П. Фейерабенд, К. Хюбнер). Мнение же о превращении определенного, сциентистского варианта науки и инструментального разума в своеобразную квазирелигию ныне является общим местом.

Философия в лице своего наиболее рационалистического направления – феноменологии также вольно или невольно подходит к своей мифологической подпочве и перерастает в мифологику в форме вопроса о происхождении ментальной структуры трансцедентального субъекта из жизненного мира самочевидных значений. Отталкиваясь от мифа, она в своей протофилософской, феноменологической части денатурализует миф как форму жизни, раскрывая ее духовные истоки, исторические границы. Но идеируя те или иные феномены в горизонте интуитивно открываемой новой смысловой целостности, она, как нам представляется, запускает в действие снятые ею механизмы мифотворчества, признавая некоторые значения и смыслы самоочевидными, бытийными истинами, тем самым онтологизируя их. В этой своей части философия представляет собой некоторую рационализированную мистерию откровения сокрытого, за – бытийного, пока еще закрытую для большинства новую размерность мира. В своей метафизической части, против которой ополчился весь постмодерн, философия зачастую, хотя и в иной форме, продолжает дело мифологии, связанное с реификацией, натурализацией, онтологизацией открытых феноменологией новых горизонтов. Эти механизмы не могут не использоваться и в процессе превращения самой феноменологической установки в естественную, самоочевидную установку философского сознания как соответствующую его природе.

Мифология и мифологизация, таким образом, являются выражением и способом,

осуществлением структуры и структурации в противоположность демифологизации. Структура в системе является выражением устойчивого, повторяющегося, «вечного» в преходящем системы и, тем самым, условием ее «времени». Она выступает способом вытеснения небытия на периферию системы, сброса хаоса в среду. Демифологизация, выражающая и оформляющая процесс дезорганизации, необходимый в качестве условия реорганизации, в кризисной ситуации запускает центробежный процесс обратной развертки «геологических напластований» социальных форм (начиная с наиболее уязвимых новообразований), социальной дезорганизации, социальной деструкции и выступает в качестве реальной аналитики и «археологии социальности». Фасад, прикрывающий подлинную сущность, ветшает, дает трещину и в итоге обваливается, обнажая сокрытую бытийную истину. Последняя и проговаривается самим бытием посредсвом языка, как «дома бытия» (Хайдеггер). В этом смысле развитие «мифологики» как фундаментальной части «идеологики» и «культурологии», а также феноменологии и деконструктивистики, как их методологической базы эпифеноменально по отношению к движению тотальности социальной системы от «иерархии» к «анархии» в сторону кризиса, от структурации к деструкции.

Постструктурализм, делающий акцент на разотождествлении себетождественного – дериват поструктурного и безструктурного, виртуализированного состояния социальности, когда сознание, «искушенное дьяволом», «попутанное бесами», оказывается перед лицом «бездны», «ничто», у последней черты и буквально натыкается на священное и начинает обратное движение, обнажая тем самым несущие конструкции всякого культурного порядка и циклиз в развитии сознания и культуры. Постструктурное (и постсоциальное) состояние общества может обернуться внесоциальным или досоциальным. Время постструктурализма – время безвременья, без времени, которое есть мера бытия и небытия (по Гартману), сущность всякого понятия и которое, как мы отмечали, возможно лишь в горизонте вечного. Говоря словами М. Волошина, это время, когда «вечность лишь изредка блещет зарницами». Время структурализма – это момент, когда системы рушатся почти везде. Знание должно расчистить завалы, прежде чем запрет выйдет наружу и заставит себя признать. Но это и время, как мы отметили ранее, максимально бурной иерофании, явления священного, которое господствует везде, где еще не функционировал, не начал функционировать или перестал функционировать культурный порядок. Объективная логика движения социальной реальности и мысли неизбежно должна столкнуть постструктурализм и деконструктивизм, осуществляющих изыскания в области до-, вне- и постструктурных состояний лицом к лицу со священным.

«Структурализм – это негативный, но необходимый момент в открытии священного. Он дает шанс вырваться из прежней неразрешимой путаницы. Благодаря ему, становится возможным построить конечность смысла, структуры, на бесконечности священного – неистощимого хранилища, куда валятся и откуда выходят все различия. Есть предел, которого структурализм не переходит и который заставляет его считать исчезновение священного вполне естественным. Он не может ответить тем, кто спрашивает его «куда делось священное?» [1; С. 294]. Чтобы выйти за пределы структурализма, нужно обратить внимание на подозрительные знаки, значащие сразу и чересчур много, и чересчур мало.

Всеми аспектами знания, его полемическим характером, ритмом его прогресса управляет текущий кризис – логика интеллектуального движения во много определяется социальной онтологикой, логикой движения социальной системы как смысловой, ценностно-нормативной и коммуникативной системы. Вполне возможно, что именно логика развития кризиса диктует нам этапы исследования, очередность открытий, порядок смены одних теоретических предпосылок другими. Радикаль-

ный историзм задает все приоритеты в сфере знания [1; С. 286]. В нашей, как и в любой культуре, эрозия распространяется от периферии к центру. Деконструкция «напластований» социальной формы имеет свою архитектоническую последовательность. Предметом объективного познания (по Жирару) всегда становятся остатки процесса распада и социальная принудительность, логика социального, преобразуясь в логическую принудительность, становится социологикой – соответствующей последовательностью артикуляций и тематизаций, способов определения социальной ситуации с целью ее реорганизации.

Литература

1. Жирар Р. Насилие и священное/ Р. Жирар.– М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 400 с.

2. Залунин В.И. У истоков жизненного мира – «археология» и «биохимия» социальной жизни / В.И. Залунин // Труды Дальневосточного государственного технического университета. – Вып. 125. – Владивосток: ДВГТУ, 2000. – С. 17-173.

3. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Лосев А.Ф. // Из ранних произведений.– М.: Правда, 1990. – С. 393-599.

4. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Мелетинский Е.М. – М., 1976. – 407 с.

5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Эко У.– СПб.: Петрополис, 1998. – 432 с.

Коротко об авторе Some facts about author

Залунин Владимир Иванович, к. филос. н., профессор кафедры социологии и социальной работы, Дальневосточный государственный технический университет, zaluninv@mail. ru

Zalunin Vladimir, Candidate of Philosophy, professor of sociology and Social Work Department of the Far Eastern State Technical University (FESTU), zaluninv@mail. ru

Научные интересы: проблемы конструирования и деконструкции социальной реальности, трансформации и дезорганизации социальных систем, кризисного социума и кризисного сознания

Scientific interests: problems of formation and deconstruction of social reality, transformation and disorganization of social systems, crisis socium and consciousness

ПЕДАГОГИКА

УДК 316.647.6

Е.А. Балданова
E. Baldanova

ФОРМИРОВАНИЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ У МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

THE PROBLEM OF FORMING YOUTH PEOPLE TOLERANCE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Анализируются социальные предпосылки в современной России для формирования толерантности у молодежи, в частности, данные «мегаопроса» Фонда «Общественное мнение», проведенного в мае 2006 г. в 62 российских регионах. Раскрывается роль и значение толерантности как качества личности и принципа межличностного общения в полиэтническом обществе. Подчёркивается роль высшего образования в формировании толерантности у молодёжи

Social premises in present Russia and reasons of youth upbringing and forming of tolerance are analyzed. Data of the “Public opinion” fund interrogation of May 2006 carried out in 62 Russian regions are considered. Tolerance is a person’s quality and principle of interpersonal communication in the multiethnic society. The role of higher education in the forming of tolerance is emphasized

Ключевые слова: толерантность, межличностное общение

Key words: tolerance, interpersonal communication

Человеческая цивилизация на современном этапе вошла в качественно новую фазу развития, для которой характерны усиление интернационализации жизни, рост информационного, культурного, экономического обмена и сотрудничества. Обособленное существование народов и культур становится невозможным, так как рост миграционных и демографических процессов, увеличение числа этнически смешанных семей, образование многонациональных коллективов в социальных институтах значительно расширяют рамки межкультурного и межэтнического общения.

Современное человечество составляет около 3000 этнических сообществ. Обеспечение сожительства различных этносов в рамках единого социума и стабильность общественного развития в нем представляют серьезную проблему для каждого полиэтнического государства. Из более 200 государств, существующих сегодня, лишь 20 считаются этнически гомогенными, этнические меньшинства составляют в них менее 5 % населения. Поэтому на сегодняшний день единственно разумной идеологией и политикой современных государств, которые все больше становятся по-

лиэтническими, является соблюдение принципа толерантности, то есть позитивное отношение к присутствию в социуме всевозможных этнических сообществ и добровольная адаптация социальных и политических институтов к потребностям и интересам разных социокультурных групп.

Двадцатый век продемонстрировал различные формы военного, физического и морального насилия: от тоталитарных форм государственного террора, мировых войн, глобальных конфронтаций различных политических систем к многочисленным локальным войнам и политическим конфликтам, обозначившимся в конце столетия.

Сегодня по-прежнему в мире весьма сильны расистские, религиозно-экстремистские, профашистские настроения. Эта проблема весьма актуальна для современной России – страны многонациональной, многоконфессиональной, поликультурной.

В настоящее время со всей остротой стоит вопрос о сохранении целостности Российского государства, нахождении стержня, объединяющего всех россиян. Русский философ Г. Федотов еще в 1929 г. писал: «Россия не Русь, но союз народов, объединившихся вокруг Руси. И народы эти не безгласны, но стремятся заглушить друг друга гулом нестройных голосов. Для многих из нас это все еще непривычно, мы с этим не можем примириться. Если не примиримся — то есть с многоголосностью, а не с нестройностью, то и останемся в одной Великороссии, то есть Россия существовать не будет» [9; С. 59]. Проблема состоит в поддержании этого многоголосия, чтобы в итоге вышла мощная симфония, а не какофония нестройно звучащих голосов. В стратегической перспективе оптимальным представляется путь создания дружественной среды межэтнического общения без изменения полиэтничности социума [4; С. 11].

Очевидно, что целостность и будущность России связаны с ее полиэтничностью. В России проживают представители более 150 национальностей, которые относятся к различным этнолингвистическим семьям и группам, имеют разное вероисповедание, собственную культуру, сложную и особую историю. Все это обусловливает вовлечение представителей разных национальностей в непрерывное взаимодействие и непосредственный обмен информацией между ними.

Закон Российской Федерации «Об образовании» гласит, что «содержание образования должно содействовать взаимопониманию и сотрудничеству между людьми, народами, независимо от расовой, национальной, этнической, религиозной и социальной принадлежности, учитывать разнообразие мировоззренческих подходов, способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений» [6].

Концепция модернизации российского образования, выстраивающая государственную политику на ближайшее десятилетие, определяет воспитание как первостепенный приоритет в образовании, а важнейшими задачами воспитания считает гражданскую ответственность, правовое самосознание, духовность и культуру, инициативность, самостоятельность, толерантность, способность к успешной социализации в обществе.

В связи с этими важными задачами образования представляется возможным формирование у современной личности системы значимых ценностей и новых жизненных установок. Важной задачей является и решение такой проблемы, как формирование толерантной личности. Формирование толерантности у молодежи рассматривается также как средство профилактики экстремизма, национальной, расовой и религиозной ненависти, жестокости и агрессивности.

Мы определяем толерантность как терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям. Принцип толерантности, согласно Декларации принципов толерантности, требует, с одной стороны, терпимости к иному мнению, культурным традициям, вере и др., но, с другой стороны, и твердости в отстаивании своих

жизненных позиций и ценностей. Реализация в реальной практике принципа толерантности подразумевает не только принятие позиции терпимости, но и формирования у личности особых способностей и умений: культуры переговоров, искусства поиска компромиссов, продуктивной конкуренции и др.

Толерантность значима и там, где в данный момент не наблюдается перемещения населения, но оно этнически неоднородно. К примеру, в полиэтнической Читинской области в течение многих лет отсутствуют острые межнациональные конфликты. Однако это не исключает скрытого, неосознанного противоречия ценностей, норм этических культур, а также конкурентных интересов этнических групп в некоторых видах деятельности (торговля, строительство, обслуживание).

Вместе с тем, никаких столкновений на национальной почве в Читинской области не было. Народы, населяющие область, живут относительно мирно. Но было бы неверным утверждать, что такой проблемы не существует. П.С. Бавин анализирует данные «мегаопроса» Фонда «Общественное мнение», проведенного в мае 2006 г. в 62 российских регионах. Выборка в каждом из регионов составляла 500 чел. (в сумме было опрошено свыше 30 тыс. респондентов). Данные по России в целом пересчитывались с учетом доли населения каждого региона в населении Российской Федерации. Поскольку 85 % респондентов причисляли себя к русским, приводимые данные характеризовали установки этой национальной группы.

В рамках этого опроса теме ксенофобии в российском обществе был посвящен блок вопросов. В греческом языке существует слово «ксенос». Оно означает «странный, необычный, неслыханный, чуждый, посторонний», но в первую очередь «чужеземный», а значит – «чужой». И существует слово – «фобос» «страх, ужас, боязнь; опасение, повод сомневаться, не доверять». Так образовалось слово, «ксенофобия». Нарушение терпимости изначально коренится в бездумной ксенофобии: раз не по-нашему, значит, плохо, раз плохо, значит, достойно неприязни. На основе различий в системе нравственных и этических норм, обычаев и традиций уже в первобытную эпоху появились противопоставления: «мы – они», «свои – чужие», «я – другой». Ксенофобия – это отзвуки древних поверий. Иноземцы часто представляются невежественными и опасными. «Свой» – это существо одной с нами крови, «чужой» так же чужд, как существо другого биологического вида.

В дальнейшем, с зарождением этнического сознания, происходит вытеснение биологических аргументов и замена их символическими, духовными. И антиномия «свои – чужие» продолжает служить формой рефлексии. Однако представление «о чужом» выступает как проекция о себе и «своем». «Чужой» – не значит «враг», он осмысляется как «иной», «другой». И через другое мы пытаемся оценить собственный образ жизни [1].

Проблема миграции, остро вставшая в последние годы перед странами христианского мира в связи с ростом иноэтнических миграционных потоков, имеет множество аспектов. П.С. Бавин [2] рассматривает аспект о том, как воспринимает эту проблему российский человек, не располагающий знаниями по этому вопросу и опирающийся в своих суждениях на личный опыт, факты и оценки, почерпнутые из СМИ.

По данным опроса Фонда «Общественное мнение», в целом по России в неприязни к лицам иной национальности признались 24 % респондентов, тогда как 73 % объявили, что ничего подобного не испытывают. В списке наиболее толерантно настроенных субъектов РФ преобладают поволжские регионы. Самым же проблемным в плане межнациональных отношений является Сибирский Федеральный округ. Причем прослеживается тенденция: по мере продвижения на восток – от Челябинской области (11 %) к Читинской (37 %) – доля респондентов, испытывающих неприязнь к представителям иной национальности, возрастает. Тот факт, что почти 40 % наших сограждан в

Читинской области открыто выражают националистические установки, не может не настораживать. Как показывает распределение ответов, свыше половины россиян (58 %) хотели бы ограничить доступ в свой регион мигрантам определенных национальностей. Против подобной меры выступает лишь треть респондентов в целом по России, в то время как в Читинской области доля от числа опрошенных составляет около 30 %, что опять же настораживает. Показательны ответы опроса: относительное большинство респондентов (46 %) одобрили бы национальные депортации и только 40 % считают их неприемлемыми, в Читинской же области – менее 37 %.

П.С. Бавин [2] разделяет респондентов на четыре группы, различающиеся по своему отношению к проблеме инонациональных мигрантов в регионе.

1. «Толерантные» (респонденты, декларирующие отсутствие национальной неприязни и не поддерживающие действия властей, направленные против мигрантов) – 26 % опрошенных.

2. «Охранители» (респонденты, выступающие за ограничение притока инонациональных мигрантов в регион, но не стремящиеся к выселению уже приехавших и не испытывающие к ним неприязни) – 9 % опрошенных.

3. «Этнопуристы» (одобряющие любые меры, способствующие «очищению» региона от мигрантов иных национальностей, но декларирующие отсутствие неприязни к ним) – 21 % опрошенных.

4. «Ксенофобы» (не скрывающие своей неприязни к лицам иной национальности и одобряющие любые направленные против них действия властей) – 19 % опрошенных.

Рассматривая распределение выделенных групп по крупным территориальным единицам – федеральным округам, П.С. Бавин отмечает, что Приволжский округ отличается большей толерантностью относительно других округов, а Сибирский – большей нетерпимостью. Три самых толерантных субъекта Российской Федерации имеют статус национальных республик (Мордовия, Башкирия, Чувашия) [2]. Можно предположить, что сама жизнь в многонациональном окружении делает людей более терпимыми.

По мнению П.С. Бавина [2], Сибирский Федеральный округ можно назвать «оплотом» ксенофобии в России. Особенно им выделяется в этом плане Читинская область, 29 % жителей которой настроено ксенофобски и только 17 % – толерантно. Отмечается также, что в большинстве сибирских регионов высока доля «этнопуристов», где сложилась ситуация, когда более половины населения готово поддержать любые направленные против инонациональных мигрантов меры властей, вплоть до этнических депортаций. Сходная картина наблюдается в Амурской области и Приморском крае, относящимся к Дальневосточному ФО, который по многим показателям близок к Сибирскому. Таким образом, констатируется, что в азиатской части страны проблема ксенофобии в целом стоит острее, чем в европейской России, особенно в приграничных регионах (Читинская и Амурская области, Приморье).

Относительно социально-демографических характеристик П.С. Бавин отмечает, что доли «охранителей» и «этнопуристов» в большинстве возрастных групп идентичны. Что касается «толерантных» и «ксенофобов», то характерна зависимость как для мужчин, так и для женщин – с возрастом уровень толерантности усиливается, а ксенофобии, соответственно, понижается, причем у мужчин это выражается сильнее: среди юношей «ксенофобов» заметно больше, чем «толерантных», тогда как среди пенсионеров – наоборот. У женщин в 18…25 лет наблюдается паритет «ксенофобов» и «толерантных», который затем все больше нарушается в пользу толерантности [2]. Отсюда особого внимания заслуживает возрастная группа 18…25, так как часто именно люди этого возраста и моложе оказываются вовлеченными в столкновения с мигрантами.

По данным «мегаопроса» Фонда «Общественное мнение», наиболее радикально настроена молодежь в Читинской области. Здесь уровень ксенофобских настроений среди молодежи особенно высок – более половины юношей в возрасте 18…25 лет. Доля «ксенофобов» среди молодых мужчин составляет 58 %, причем они не имеют противовеса в своей возрастной группе: лишь 5 % читинских юношей относятся к группе «толерантных», и еще 9 % – к группе «этнопуристов». В других регионах России доля «толерантных» среди юношей несколько выше.

Данные «мегаопроса» свидетельствуют, что расположение на оси «толерантность – ксенофобия» коррелирует с возрастом респондентов (чем старше россиянин, тем он толерантнее), их социальным статусом (чем выше на иерархической лестнице находится человек, тем менее характерны для него ксенофобские взгляды) и уровнем дохода (в данном случае зависимость обратная – люди с низкими доходами не демонстрируют повышенной склонности к ксенофобии). И все же социально-демографические характеристики, за исключением возраста, оказывают не слишком заметное влияние на позицию респондентов по этому вопросу. Значительнее различия между регионами, и проявляются они на примере молодежи 18…25 лет. Таким образом, самая неблагополучная ситуация – полное преобладание ксенофобов – наблюдается в Читинской и Амурской областях, обладающих протяженной границей с Китаем.

Наряду с потребностями общества в воспитании толерантных граждан П. Степанов [8] выделяет факторы, препятствующие этому.

К социально-политическим факторам он относит отсутствие устойчивых традиций свободы, плюрализма, уважения прав и свобод других, которое явилось результатом многовековых усилий государства унифицировать жизнь граждан. После веков подданства и бесправия людям сложно научиться уважать права других, обрести чувство свободы, привыкнуть к многообразию взглядов и жизненных ориентиров.

К социально-психологическим факторам относится развившееся в последнее время в российском обществе чувство «национального унижения», связанное с поражением в холодной войне, распадом СССР, финансовой зависимостью от других стран. Следствием чего и стал рост популярности экстремистских идей, особенно среди молодежи. Играют свою роль и весьма распространенные в массовом сознании стереотипы по отношению к представителям других культур. Они довольно устойчивы, усваиваются уже в детском возрасте и используются детьми задолго до появления их собственных мнений о тех или иных культурных группах.

К собственно психологическим барьерам П. Степанов относит характерные для молодежи эгоцентричные установки сознания. Эгоцентризм – это видение мира через призму только своих интересов. Эгоцентристу свойственно считать свои взгляды и свой образ жизни единственно верными; он осуждает, может быть агрессивен по отношению к тем, кто живет иначе; он не желает понимать других, принимать их точку зрения, менять собственные убеждения [7].

Таким образом, в настоящий момент в трансформирующемся поликультурном российском обществе проблема культивирования толерантности особенно значима в сфере отношений между различными этническими общностями. Исторически сложившийся многонациональный состав населения Российской Федерации обязывает пристально изучать, сохранять и развивать все богатство и многообразие культур. Внимание к развитию культуры межнациональных отношений и гармонизации этнических взаимоотношений вызвано и геополитическим положением России как евроазиатского многонационального государства, в котором проживают более 150 этносов, в том числе 89 коренных народов. При этом коренные этносы принадлежат:

– к различным расовым и этническим группам (индоевропейской, северокавказской,

уральской, алтайской, чукотско-камчатской и др.);

– к нескольким большим лингвистическим группам (славянской, тюркской, финно-угорской, кавказской, монгольской, палеоазиатской и др,);

– к различным религиозным и культурным зонам и традициям (христианской, мусульманской, буддистско-ламаистской, локальным шаманистским культам) [3].

Следует отметить и тот факт, что в России увеличивается этническая мозаичность состава населения. Это происходит из-за того, что у русских (славянских народов) довольно низкая рождаемость, в то время как в мусульманских и буддийских культурах уровень детности в 2…3 раза выше. К этому следует добавить достаточно высокий приток населения в поисках работы из Азербайджана, Казахстана, Узбекистана и других стран ближнего зарубежья, а также китайских, вьетнамских и корейских рабочих-мигрантов.

Все эти представители различных групп живут в мире своих правил и норм, обычаев и традиций, которые выражаются в особом языке, манере поведения, религии, системе взглядов, социальных институтах. В то же время следует отметить, что человек неизменно «погружается» во многие социальные сообщества, которые постоянно взаимодействуют. Тем самым встает вопрос о последствиях межкультурных контактов для групп и индивидов.

Программа действий в области культуры мира, принятая 53-й сессией Генеральной ассамблеи ООН 10 ноября 1998 г., является ответом на распространение в обществе различных форм экстремизма, острых проявлений отчуждения и маргинализации личности, культивирования жестокости и насилия. Генеральная ассамблея ООН единодушно провозгласила период 2001-2010 гг. Международным десятилетием за культуру мира и ненасилия в интересах детей планеты.

Культура мира – динамичная инициатива, направленная на переход от логики силы и страха к этике ненасилия, к логике разумного поведения, взаимного уважения и любви. Цель культуры мира – не устранение конфликтов как таковых, а построение такого мира, в котором бы их урегулирование осуществлялось на основе системы нравственных ценностей. Осуществление этой программы предполагает привлечение людей из всех социальных слоев к общим усилиям в рамках глобального движения за культуру мира.

Очевидно, что в современном мире накопился целый клубок проблем, которые поставили под угрозу благополучное развитие человека и всего человечества. Решение общецивилизационных проблем возможно только при сотрудничестве, сознательном, ответственном отношении к этим проблемам всех жителей планеты.

В основе решения проблем, по мнению И.М. Ильинского, лежит понимание необходимости мобилизации, развития и эффективного использования всех существующих ресурсов человечества (природных, экономических, финансовых, управленческих), но, прежде всего, главного из всех ресурсов – человеческого [5].

Человек XXI в. должен быть не только высокопрофессиональным специалистом, но и творческой личностью, способной принимать правильные решения, человеком высоконравственным, мобильным и толерантным. Эта задача решается нашим обществом впервые, поэтому ощущается недостаток социального опыта у большинства воспитателей и воспитуемых, в научных рекомендациях, методиках формирования толерантного сознания. Представляется, что толерантность должна стать общепринятой социальной позицией.

Система высшего образования может стать благоприятной средой для формирования толерантности, поскольку она предполагает не только вооружение будущего специалиста профессиональными знаниями, но и процесс социализации личности, привитие общечеловеческих ценностей: уважение к другому человеку, к правам, свободам и равноправию, и других ценностей демократического общества. Таким образом, формирование толерант-

ных отношений, культуры поведения у молодёжи, студенчества является насущной проблемой образования, требующей конкретных практических шагов.

Литература

1. Апитян Т.А. «Свой» и «чужой»: прямая и обратная перспектива / Т.А. Апитян // Реальность этноса. Образование и проблемы межэтнической коммуникации: Материалы 4-й Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 17-20 апреля 2002 г.) / Под науч. ред. И.Л. Набока. СПб., 2002.

2. Бавин П.С. Социальная география ксенофобии и толерантности / П.С. Бавин // Полис (Политические исследования). – 2006. – № 6.

3. Гуров В.Н. Формирование толерантной личности в полиэтнической образовательной среде/ В.Н. Гуров, Б.З. Вульфов, В.Н. Галяпина и др. – М.: Педагогическое общество России, 2004.

4. Ешич М.Б. Развитие системы образования в многонациональной Югославии / М.Б. Ешич // Образование в мире. – 1994. – Вып. 4.

5. Ильинский И.М. Образовательная революция / И.М. Ильинский. – М.: Издательство Московской гуманитарно-социальной академии, 2002.

6. Официальные документы в образовании. – 2004. – Ноябрь – № 31 (274).

7. Пиаже Ж. Избранные психологические труды / Ж. Пиаже. – М.: Международная педагогическая академия, 1994.

8. Степанов П. Толерантный человек: как его воспитать? / П. Степанов // Народное образование. – 2001. – № 8.

9. Федотов Г. Будет ли существовать Россия? / Г. Федотов // Новое время. – 1992. – № 10.

Коротко об авторе — Some facts about author

Балданова Евгения Анатольевна, ассистентка кафедры гуманитарных наук, Забайкальский институт железнодорожного транспорта, раб. тел.: 8- 302-2-24-33-82

Baldanova Eugenia, teaching assistant of «Humanities» Department of Zabaikalsky Rail Transport Institute, Official telephone: 8- 302-2-24-33-82

Научные интересы: педагогика высшей школы, проблемы формирования личности в педагогической науке

Scientific interests: higher school pedagogics, problems of a person formation in pedagogics, the author of twelve scientific studies

УДК 371.21:001.895

Н.В. Григорьева
N. Grigorieva

ПЕДАГОГИКА ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ КАК ИННОВАЦИОННОЕ ЯВЛЕНИЕ

PEDAGOGICS OF INDIVIDUALITY AS AN INNOVATIVE PHENOMENON

В статье рассматриваются характеристики, признаки педагогики индивидуальности как инновационного явления

Characteristics, features of pedagogics of individuality as an innovation phenomenon are considered in this article

Ключевые слова: инновация, критерии инновации, педагогика индивидуальности

Key words: innovation, innovation criteria, pedagogics of individuality

Обращение к проблемам инноватики и выделение их в число важнейших направлений современной научной мысли явилось результатом осознания возрастающей динамики инновационных процессов в обществе.

Накоплен огромный научный потенциал, раскрывающий сущностные характеристики, компоненты, структуру и функции инновационного процесса в системе образования в целом.

Понятие «инновация» означает «обновление», «изменение», «ввод чего-то нового», «введение новизны», «нововведение» [1]. Инновационный процесс — это процесс создания, распространения и использования новшества; его структура определяется внутренней, предметной логикой движения от идеи новшества до его использования конечным потребителем [2].

В научной литературе инновация понимается как целенаправленное изменение, как процесс, который протекает во времени и имеет свою структуру, этапы, стадии. Исследователи отмечают, что развитию инновационных процессов присущи определенные закономерности. Выделяется ряд законов – реализации инновационного процесса, стереотипизации инноваций, цикловой повторяемости, возвращаемости инноваций.

За последнее время инновационных явлений сложилось немало. К таковым можно отнести следующие виды обучения: проектное, дистанционное, онлайновое, организационное. К инновационным явлениям относится и педагогика индивидуальности, основателем которой выступает О.С. Гребенюк.

Педагогика индивидуальности представляет собой область науки, образующуюся на стыке психологии и педагогики, включающую проблемы психологии (закономерности и механизмы развития индивидуальности) и педагогики (управление развитием индивидуальности, средства и условия ее формирования).

О.С. Гребенюк [3] предложил включить в содержание понятия «индивидуальность человека» характеристики семи психических сфер, которые позволили бы увидеть в каждом чело-

веке проявление его природных данных. При этом впервые в состав этих сфер психики была включена экзистенциальная сфера (впервые потому, что в психологии экзистенциальная сфера не рассматривается как самостоятельная характеристика психических свойств и процессов).

Если для психологии данный подход и не имеет определяющего значения, то для педагогики он играет принципиальную, решающую роль. Педагогика получила новое направление развития. Введение нового для педагогической теории и практики понятия «индивидуальность», во-первых, обращает внимание на такую сторону деятельности педагогов, которая ранее не выступала центральной, – на развитие психических свойств и качеств ребенка и взрослого в педагогическом процессе, во-вторых, обращает внимание на перестраивание самого педагогического процесса с тем, чтобы в нем сложились благоприятные условия для развития всех сфер психики учащегося, а именно – на психологическую сторону педагогического процесса, которая должна специально структурироваться таким образом, чтобы способствовать максимальной активизации всех психических процессов человека [4].

Рассмотрение индивидуальности человека как педагогической категории подвело О.С. Гребенюка к новому взгляду на цели, содержание, методы, формы обучения и воспитания, т.е. к пересмотру и обновлению этих сугубо педагогических категорий с новых позиций.

Как отмечается в статье Г.И. Ибрагимова [4], в педагогике индивидуальности:

– человек выступает и как объект социализации, и как ее субъект;

– индивидуальность человека представляет собой высшую ценность;

– достижение целей социализации осуществляется путем развития природных задатков в различных сферах человека (интеллектуальной, мотивационной, эмоциональной и др.), предполагает изменение этих сфер в соответствии с идеалами общества, создает условия для достижения необходимого уровня взрослости. Отсюда следует, что первое решает задачи развития, совершенствования психических качеств, основных сфер человека – его индивидуальности, второе – воспитания личности;

– развитие и воспитание воздействуют на один и тот же предмет (индивида) с одной и той же целью – полной реализации его в обществе, однако развитие обращено к тому, что уже присуще индивиду, а воспитание – к тому, чего у него нет, но что дано в общественной морали, в нравственных нормах и нравственных качествах людей.

Представим признаки, которые характерны педагогике индивидуальности как инновационному явлению, опираясь на критерии оценки инноваций, предложенные А.М. Сарановым [5]. Приведем описание этих критериев:

1) уровень, на котором вводится и реализуется процесс нововведения:

– радикальные преобразования (зарождение объективно нового в педагогической практике);

– модернизация, внедрение новых педагогических идей и технологий (результатов научных исследований с целью совершенствования, улучшения, дополнения существующей практики);

– технологизация (совершенствование существующей педагогической системы школы на основе передового опыта, приемов, способов, форм и методов работы учителя в новых условиях);

2) масштаб инноваций. Как и первый, он отражает неоднородность инновационных процессов в практике учебно-воспитательных учреждений и по содержанию представляет собой широту и радикальность, глубину инновационного поиска, который существенно влияет и определяет значение и характер последствий от введения новшеств;

3) содержание инноваций. Это сфера, в которой осуществляется новшество. По этому критерию можно выделить типы новшеств в

целях обучения и воспитания; содержание образования и воспитания; технологии обучения и воспитания; организацию учебно-воспитательного процесса; системе управления и самоуправления; систему финансирования; материально-техническое оснащении школы, учебно-воспитательного процесса; подборе кадров и системе повышения квалификации учителей;

4) длительность функционирования нововведений в учреждении. Он трансформируется в требование проверки эффективности и результативности новшеств в течение учебного года;

5) степень готовности отдельных педагогов и всего педагогического коллектива школы к инновационному поиску. Инновационная деятельность в педагогической практике имеет свои особенности, связанные в первую очередь с неповторимостью личности учителя и ученика, с особенностями класса, школы и т.д. Степень готовности отдельных педагогов, группы или всего педагогического коллектива к введению новшеств определяется уровнем знаний сущности, значимости и преимущества нововведений и их последствий (положительных и возможных трудностей), а также мотивацией отношения педагогов к нововведениям; умением исследовательской деятельности, уровнем профессионализма и мастерства в определенной сфере педагогического труда; сформированностью тех личностных свойств, которые характеризуют педагога как новатора, исследователя и творческого человека;

6) научная и информационная оснащенность. Установление данного критерия связано с выяснением того, насколько инновационный процесс обусловлен и вызван усилиями педагогов данного учреждения. Он позволяет определить меру соотношения внешней помощи педагогов-теоретиков и их потенциала, профессионализма, педагогических интересов, а также роль и место руководителей учреждения в проведении поисковой, опытно-экспериментальной работы;

7) степень открытости результатов инновационной деятельности в учебно-воспитательном учреждении и за его пределами. Этот признак показывает, интересны ли для других педагогов, отдельных групп, всего педагогического коллектива результаты инновационного поиска. Они могут вызвать интерес у педагогов других учреждений, всего региона, республики, государства, если обобщены и представлены как новый опыт работы на конференциях, семинарах или опубликованы в газетах, журналах, сборниках научных трудов, учебных изданиях.

Анализ материалов, содержащих основные положения педагогики индивидуальности [6, 7, 8], позволяет считать данное научное направление новой научной концепцией, которая имеет ряд принципиальных отличий от других педагогических инноваций.

Во-первых, ее характеризует целостность описания системы образования именно как системы развития, обучения и воспитания. Она построена на определенных философских основаниях: концепции человеческой индивидуальности и на принципах гуманистической философской и психологической традиции.

Во-вторых, ни одна педагогическая инновация не делает акцента на развитие психики в единстве с воспитанием личности.

В-третьих, даже такие прогрессивные новации, как концепции развивающего обучения, ограничиваются развитием мышления, памяти, наблюдательности и рефлексии; педагогика индивидуальности направлена на развитие всех психических свойств, которыми человек наделен от природы.

В-четвертых, ни одна педагогическая инновация не ставит развитие психики в качестве важнейшей педагогической задачи.

В-пятых, ни одна педагогическая технология не требует такой модернизации педагогического процесса, как педагогика индивидуальности, включая совершенствование самого педагога.

В-шестых, ни одна педагогическая инновация не требует такого взаимодействия, таких взаимосвязей между всеми элементами педагогической системы, как педагогика инди-

видуальности.

Идеи педагогики индивидуальности развиваются в работах исследователей, находят свое воплощение в деятельности педагогов средних и высших учебных заведений не только Калининградского региона, но и Волгоградской, Ярославской, Костромской областей. По мнению педагогов, педагогика индивидуальности отвечает духу времени, созвучна их собственным мыслям, направлена на перспективу.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Русский язык, 1994. – 353.

2. Сластенин В.А. Педагогика инновационной деятельности / В.А. Сластенин, Л.С. Подымова. – М.: Магистр, 1997. – 224 с.

3. Гребенюк О.С. Педагогика индивидуальности / О.С. Гребенюк. 2-е изд. – Калининград: КГУ, 2002. – 94 с.

4. Ибрагимов Г.И. Научная деятельность профессора О.С. Гребенюка / Г.И. Ибрагимова // Научная школа профессора О.С. Гребенюка: сборник научных статей. – Калининград: КГУ, 2002. – С. 8-16.

5. Саранов А.М. Технология разработки программы развития инновационной школы (на примере классической гимназии г. Урюпинска) / А.М. Саранов, В.В. Зайцев и др. – Волгоград: Перемена, 1997. – 108 с.

6. Гребенюк О.С. Основы педагогики индивидуальности / О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк. – Калининград: КГУ, 2000. – 571 с.

7. Гребенюк О.С. О концепции педагогики индивидуальности / О.С. Гребенюк, Т.Б. Гребенюк // Реализация концепции педагогики индивидуальности в высшей и средней школе: сб. науч. статей. – Калининград, 2000. – С. 4.

8. Гребенюк О.С. Проблемы развития индивидуальности и воспитания личности / О.С. Гребенюк // Развитие личности и формирование индивидуальности: сборник материалов. – Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 1996. – С. 39-42.

Коротко об авторе / Some facts about author

Григорьева Наталья Владимировна, зам. начальника отдела по международным связям, Российский государственный университет им. И. Канта, (РГУ)
n.grigorieva@mail.ru

Grigorieva Natalia, deputy chief of international contacts, Kant State University of Russia (KSUR),
n.grigorieva@mail.ru

Научные интересы: инновационная деятельность, педагогика индивидуальности, профессиональная деятельность учителя начальных классов

Scientific interests: innovative activity, pedagogics of individuality, professional occupation of primary school teacher

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 42149=942

С.Г. Атсанавонг
S. Atsanavong

ГРАФИЧЕСКИЕ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПАМЯТНИКА «ЭРДЭНИЙН САН СУБАШИД»

GRAPHIC AND SPELLING PECULIARITIES OF “THE TREASURY OF WISE SAYINGS” MONUMENT

Обзор графических и орфографических особенностей памятника «Эрдэнийн сан субашид» показал, что автором были соблюдены практически все правила классического старописьменного монгольского языка. Однако встречаются некоторые отклонения от норм. В результате их исследования мы пришли к выводу, что бурятский автор придерживался написаний, имевших место и в других произведениях монголов. Вместе с тем, подавляющая часть отступлений от норм классического монгольского языка обусловлена языковыми процессами, характерными для живой речи бурят

The review of graphic and spelling peculiarities of “The Treasury of Wise Sayings” literary monument shows that the author complies with almost all rules of classic Mongolian oldwritten language. However, there are some deviations from dialect standards. After studying them the author came to the conclusion that Buryat writer kept the ways of writing found in other Mongolian works. At once, the most number of deviations from classic Mongolian language dialect standards is conditioned by language processes, typical for informal speech of Buryats

Ключевые слова: старописьменный монгольский язык

Key words: the oldwritten Mongolian language

Широкое распространение среди всех монгольских народов получило знаменитое дидактическое сочинение тибетского Сакья-пандиты Гунга-Жалцана (XIII в.) «Субхашита Ратна Нидхи» (досл. «Сокровищница мудрых изречений»). В настоящее время известны разные версии монгольских переводов этого памятника. Среди них – перевод «Субхашиды» (бур. «Эрдэнийн сан субашид»), выполненный в 1864 г. одним из бурятских лам старшего поколения Ринченом Номтоевым, вызывает серьезный научный интерес.

Ксилограф данного сочинения представляет собой книгу большого формата. Он состоит из 268 листов размером 50х9,6 см, бумага китайская, желтая. Книга отпечатана черной тушью. Текст напечатан на обеих сторонах листа, на каждой странице по 37 строк. Пагинация проводится как на старомонгольской письменности, так и тибетскими письменными знаками.

Памятник «Эрдэнийн сан субашид» является крупным произведением. Он состоит из 9 глав, которые заключают в себе 457 назидательных четверостиший. К некоторым из этих

изречений прилагаются комментарии (тайлбури). В них в художественной форме раскрываются этические воззрения буддизма, направленные на воспитание в мирянах высоких нравственных качеств.

Обзор графических и орфографических особенностей данного памятника показал, что автором практически были соблюдены все правила в соответствии с классическим старописьменным монгольским языком. Однако встречаются отклонения от норм этого языка.

В приводимых примерах используется общепринятая в монголоведении научная латинская транскрипция. Из-за отсутствия во многих случаях диакритических знаков в тексте и неправильного их употребления возникли трудности в транскрипционной передаче ряда примеров. В таких случаях приходилось руководствоваться общепризнанным произношением данного слова. Например, не приводится различие в обозначении заднеязычных согласных γ и q, тогда как по правилам классического монгольского языка они имеют графическое разграничение.

В ходе исследования сочинения наблюдается отсутствие в некоторых местах диакритических знаков и перед согласным n. Точка перед знаком, обозначающим согласный n, должна ставиться тогда, когда за n следует гласный и, напротив, должна отсутствовать, если после n следует согласный. В тексте же она нередко пропускается перед предвокальным n и вставляется перед предконсонантным n, что затрудняет правильное чтение текста.

Текст сочинения обнаруживает особенности обозначения согласных s и š. Согласный звук s в конечной позиции обозначается лишь зубчиком с небольшим хвостиком, будучи слегка удлиненным, он больше соответствует знаку n. Что касается согласного звука š, то при его обозначении во многих случаях отсутствуют диакритические знаки.

Очень распространенное обозначение звуков ‘а’ и ‘э’ на конце слова в виде так называемых откидных (орхицо) в письме памятника «Эрдэнийн сан субашид» во многих случаях не регламентирована и иной раз пишется безразлично: degere (13a,1) вместо deger-e; ere üker-i (19a,1) вместо er-e üker-i; dotura (15a,5) вместо dotur-a; qoyina (17a,5) вместо qoyin-a и т.д.

В языке памятника наблюдаются отклонения от правил правописания классического монгольского языка в употреблении гласных букв.

Если в классическом монгольском языке закономерными являлись определенные последовательности в огласовке слова, то в языке нашего сочинения в ряде случаев обнаруживаются иные последовательности. Так, например, встречаются такие написания: küjügün (7a, 3гл) вм. küjegün ‘шея’; eber (13b,5гл) вм. ebür ‘южная (или лицевая) сторона’; dügürün (22b,5гл) вм. dügerün ‘полный’; ürütüsün (11a,1) вм. ürtesün ‘остаток, осколок’ и т.д.

Фонетическое развитие в сторону приведения вокализма слова к единообразию оказывается присущим не только для разговорного языка бурят, но и для языка халха-монголов. Отдельные проявления такого процесса в халха-монгольском языке нашли свое отражение и в литературе монголов. Б.Я. Владимирцов писал: «Сингармонизм, или гармония гласных, выражается в том, что все гласные слова по качеству своему определяются ударенным гласным первого слога» [3; С. 115].

В «Эрдэнийн сан субашид» имеются слова, отличающиеся по своему написанию от соответствующих слов классического монгольского языка лишь дополнительным кратким гласным: odaqu (36b, 1) вм. odqu ‘идти’; γaraqu (23b,5) вм. γarqu ‘выходить’; köndülebei (31a, 1гл) вм. köndülbei ‘угостил, почтил’; abuqu (50b,1гл) вм. abqu ‘взять’; üjegülübei (2a,4гл) вм. üjegülbei ‘показал’; tusalaqu (12b,4) вм. tusalqu ‘помогать’ и т.д.

Это явление образования открытых слогов Д.-Н.Д. Доржиев в своем капитальном труде «Старобурятский язык» называет «бурятским полногласием» [2; С. 81].

Другой известный ученый Ц.Б. Цыдендамбаев полагает, что «открытый слог, по крайней мере, в начальной и средних позициях

слова, был присущ для раннего периода развития языка монголов вообще и, видимо, это иногда служило примером для образования открытых слогов» [1; С. 307]. Правда, по мнению Б.Я. Владимирцова, дополнительные или, как он называет, вставные гласные стали писаться по аналогии с соединительными гласными. «В ряде случаев в халхаском, – пишет он, – наблюдается появление нового гласного, который не является наследником какого-либо прежнего гласного, но оказывается вставным. Вставной гласный появился по аналогии с формами, имеющими соединительный гласный» [3; С. 340].

Автор письменного памятника после сонорных и некоторых других согласных в ряде случаев опускает гласную букву: durlaqu (12a, 4гл) вм. duralaqu ‘любить’; γarbasu (1a, 4гл) вм. γarubasu ‘если выйдет’; neršigsen (44b,1) вм. nerešigsen ‘названный’; γadn-a (18b, 1) вм. γadan-a ‘кроме того’ и другие. В монголоведении широко известно, что в халха-монгольском языке развита редукция и связанное с ней выпадение кратких гласных, поэтому здесь следует отметить, что эти явления отразились и на написании слов в языке не только халхасцев, но и бурят.

Известно, что вместо долгого гласного, характерного для разговорного языка, в классическом монгольском языке обычно имеет место комплекс (или сочетание) букв: гласная + согласная + гласная (ГСГ). Автор сочинения, в основном, придерживался этого же способа обозначения долготы, но, вместе с тем, допускал разного рода колебания. Например, вместо комплекса ГСГ встречается сочетание типа ГСГГ: degüü (2b,1гл) вм. degü ‘младший’; kečegüü (43b,1) вм. kečegü ‘трудный’; kersegüü (3a,5) вм. kerčegü ‘злобный’; ilegüü (5a,5гл) вм. ilegü ‘лишний’.

На месте сочетания ГСГ автор иногда употребляет только одну букву, соответствующую последней гласной (Г) комплекса ГСГ: qan (27b,1гл) вм. qaγan ‘хан’; küjün (13b, 4) вм. küjegün ‘шея’; quraju (2b,3) вм. qaγuraju ‘обманывая’; surγal (17a,4) вм. surγuγal ‘учение, поучение’.

В языке памятника иной раз вместо ожидаемого комплекса ГСГ пишется двойная гласная буква (ГГ), обозначающая долгий гласный: qaquulin (2a, 5гл) qaqaγulin ‘удочка’; quumlang (37a, 1) вм. qaγumlang ‘мешок’; nuur-tur (18a, 1гл) вм. naγur-tur ‘на озере’; usun-u sigüür (8b,3) вм. usun-u sigegür ‘отражение с водоема’; uurlaγsan (35a,1) вместо aγurlaγsan ‘разозлившись’.

Некоторым кратким гласным буквам классического монгольского языка в разговорном бурятском языке соответствуют долгие гласные, что нашло отражение в памятнике в виде таких написаний: qatun-luγa adaliqiisu-tu ekner-i ‘похожую на ханшу женщину’ (22b,1); šigiidegebei ‘повелел’ (23b,1гл); bükiilgen ‘нагибая’ (44a, 1гл); niγur-iyan irjiilγaqu ‘корчить свое лицо’ (51б, 1гл); ilγajuu (17б, 5гл) ‘отделяя’; qoomaqai (23b,5) ‘жадный, ненасытный’; kiib ‘лоскут, ткань’ (18б, 1); nekejü irgüjei kemen serkiilejü ‘боясь что придут требовать’ (36a, 1гл). В сочинении встречаются написания, где автор вместо окончания соединительного деепричастия -ju//-jü под влиянием разговорного языка иногда употребляет -ji или -ja: ečüs-tür kül-ün ula-dur bayulγaji um-a-dur jegülel ügegüi saγuγsan-iyar ‘затем, опустив до пяток ног, сев, не показывая Уме’ (5a,1гл); yeke em-ber qonin-a maši sayin edise ögbečü emün-e inu nigen činu-a-yin dörsü kejü talbiγsan-iyar tere qoni örgülji aidaγsan tula ögeken ügei taryulbai ‘Ехэ Эм хоть и отрадно кормил овцу, положил рядом с нею волчье чучело, от того, что та овца боялась, без жирка набрала вес’ (27b,1гл) arsalan omuγ-anu yekete badaraja/ qamiγ-a bayinam tegün-i nadur jiγaju üjegül kemegsen-dür (51b, 1гл) ‘лев разозлившись: «Где он? покажи мне, где он находится»’.

В тексте памятника причастие будущего времени изредка употребляется с суффиксом -qa вместо классического -qu//-qui, что соответствует его бурятскому произношению: aburi maγu-tu arad inaγ amurqa bolbaču qoor kürgeküi-

eče ülü dabqu böged/ (10b, 5) ‘Если плохие люди и будут спокойны, кроме зла от них ничего не жди’; usun-luγ-a učirabasu γutul-iyan tayilaqu joqistai bui j-a/ učirga edüi bayitala tayilaqu kereg ügei metü bolai//(16b,7) ‘Если в воду полезешь, надо снять сапоги, а если не полезешь [в воду], нет надобности снимать [обувь]’.

В единственном случае так называемое однократное причастие употребляется с суффиксом -γša вместо классического -γči, что совпадает с его бурятским соответствием: gürögesen-ü segül-I üjegüljü eljigen-ü miq-a gudaldуša metü bolai//-//(10b, 6) ‘Это подобно тому кто, показав олений хвост, козье мясо продал’.

Рассмотрим отклонения от правил правописания классического монгольского языка в употреблении согласных букв. В «Эрдэнийн сан субашид» обнаружены факты неразборчивого употребления букв q и k в начале слога в средних и конечных позициях слова: qesey (30a,1) вм. keseg ‘кусок’; qersegüü (3a, 6гл) вм. kersegü ‘злобный’; dayiladaku (18б, 6гл) вм. dayiladaqu ‘завоевывать’; jokis-tai (24б, 6гл) вм. jokis-tai ‘обязаны, должны’.

Эти нарушения вызваны влиянием разговорного языка, в котором непреложной является лишь гармония гласных и не сохранились заметные остатки от былой гармонии согласных, что усматривается в разграничении этих знаков в классическом монгольском языке.

В «Эрдэнийн сан субашид» изредка имеют место слова, написанные без соблюдения каких бы то ни было правил правописания. Например: üiledülüü (49a,1гл); tülübekü (21б, 5гл); bayinamuu (24a, 5гл); В результате такого изложения о смысле слова приходится догадываться только по контексту.

В «Эрдэнийн сан субашид» наблюдаются отклонения от норм классического монгольского языка по написанию формантов и зависимых от слова элементов. Вопреки нормам, согласно которым падежные показатели, форманты множественности и частицы пишутся раздельно от основ, в нашем памятнике относительно широко практикуется слитное написание: kegelitei ‘с животом’(12b, 4гл); tegüni ‘того’(21b,1); tendeeče ‘оттуда’(5a,2); gerte ‘в доме’(4a, 5гл); sarayin ‘месяца’(2b, 3); čimadur ‘тебе’(5a, 5); egünü ‘этого’(22b, 5); usubar ‘водой’(19b,5); šabinar ‘ученики, послушники’(3a, 1гл); erdemten ‘ученые’(4a, 2); nidüben ‘свои глаза’(14б, 3гл); doturaban ‘изнутри’(52a-1); gertegen ‘в своем доме’ (4б, 5гл) и т.д. Слитное написание слов с зависящим от него формантом, несомненно, основано на восприятии слова и его формы как единого целого. Тем не менее, в классическом монгольском языке преобладало раздельное написание.

В тексте памятника отражено смешение разных показателей родительного падежа и непоследовательное их употребление при разных основах. Нередко можно встретить формант -yin вместо показателей -un//-ün или -u//-ü: γajar-yin (17б, 1гл) вм. γajar-un ‘земли’; bečelen-yin qaγan (25a, 1гл) вм. bečelen-ü qaγan ‘хана Бэчилена’; merged-yin (11a, 7гл) вм. merged-ün ‘мудрецов’; Формант -ü//-u употребляется вместо показателя -yin: keriy-e-ü (8a, 7гл) вм. keriy-e-yin ‘коршуна’; bide-ü (4a, 1гл) вм. bide-yin ‘нас’; Формант -un/-ün можно встретить вместо показателя -u: qoyin-un (9a, 1гл) вм. qoyin-u ‘сзади’; mergen-ün sayudal (50б, 1гл) вм. mergen-ü sayudal ‘место мудреца’; tegrin-ün ükid (10a, 2гл) вм. tegrin-ü ükid ‘небесные девы’.

В языке памятника была зафиксирована некоторая непоследовательность в употреблении формантов винительного падежа. Иногда после основы на гласный можно встретить -i, например: üge-i (9a, 5гл) вм. üge-yi ‘слово’; nirvana-i (25b, 6гл) вм. nirvana-yi ‘нирвану’; После же основ на согласные – -yi, например: ünegen-yi (3a, 3гл) вм. ünegen-i ‘лису’; teneg-yi (5a, 5гл) вм. teneg-i ‘дурака’; kenggereg-yi (10б, 5гл) вм. kenggereg-i ‘барабан’; kereg-yi (3b, 8гл) вм. kereg-i ‘дело’; это явление связано с тем, что такое написание несколько приближало к бурятскому произношению.

Следует отметить, что в языке этого памятника в единственном случае обнаружен

пример употребления суффикса орудного падежа -ber после согласного: jeγüden-ber (23б, 1гл) вм. jeγüden-iyer ‘сном’.

Материал исследуемого сочинения свидетельствует о спорадическом присоединении суффиксов соединительного падежа к основам не по закону сингармонии, например: qaγan-lüge ‘с ханом’ (29б, 1гл); qatun-lüge ‘с ханшей’ (22б, 1гл); burqan-lüge ‘с богом’ (3а, 1гл); bišige-luγ-a ‘с Бишигой’ (25а, 1гл); biden-luγ-a ‘с нами’ (25а, 1гл); tan-lüge ‘с вами’ (40а, 1гл).

В данном памятнике наблюдаются отклонения в употреблении некоторых показателей множественного числа. Так, например, вместо форманта -ud//-üd во многих случаях употребляется показатель -nuγud//-nügüd: čidüker-nügüd (9б, 3гл) вм. čidüker-üd ‘черти’; boγol-nuγud (18б, 4гл) вм. boγol-ud ‘рабы’; γay-iqamšiγ-nuγud (4б, 1гл) вм. γayiqamšiγ-ud ‘чудеса’. Суффикс -ud//-üd был отмечен вместо форманта -nuγud//-nügüd: degetün-üd (2б, 4гл.) вм. degetün-nügüd ‘высшие’; inege-üd (48b, 1гл) вм. inege-nügüd ‘лисы’; В языке памятника в основах с конечными -sun при наращении -d убирается только -n, а по правилам классического монгольского языка -sun должен выпадать полностью: dayisud (16а, 2гл) вм. dayid ‘враги’; jiγasud (2а, 5гл) вм. jiγad ‘рыбы’; qubčasud (22б, 1гл) вм. qubčad ‘одежды’.

В тексте некоторые притяжательные частицы и падежные показатели употребляются не по правилам правописания, установившимся в классическом монгольском языке. Довольно часто притяжательные частицы -inu//-anu, изредка форманты дательного падежа с притяжанием -daγan//-degen и -taγan//-tegen пишутся без соблюдения гармонии гласных: qayan-inu вм. qayan-anu ‘хан его’(31b,1); sadun-iyar-inu вм. sadun-iyar-anu (52b,1) ‘другом его’; qoroqai-inu вм. qoroqai-anu ‘червь его’ (9b,3); köbegün-dayan вм. köbegün-degen ‘сыну своему’(9b,1гл); nökür-dayan вм. nökür-tegen ‘другу своему’(21б, 1гл); jeγüden-dayan вм. jegüden-degen ‘в своем сне’(23а, 1гл).

Иногда частицы возвратного притяжания -ban//-ben, -iyan//-iyen пишутся без учета того, на какой гласной или согласной букве оканчивается предшествующее слово: qaršilal-tai-iyan(7b,3) вм. qaršilal-tai-ban ‘препятствия, преграды’; urγuγulqu-iyan (11a,4) вм. urγuγulqu-ban ‘вырастить’.

В тексте памятника не единичны случаи раздельного написания слова и его словообразовательного аффикса или иногда даже формоизменяющегося суффикса, которые, согласно правилам классического монгольского языка, должны писаться вместе со словом: yarayul-un (19b,1) yarayulun ‘торопя’; alba-tu (18а,1) вм. albatu ‘войско’; yabuγul-un (36а,1) вм. yabuγulun ‘заставив идти’; erdem-tü (41а,1) вм. erdemtü ‘ученый’; buyan-tu qan (8а, 2) вм. buyantu qan – собственное имя ‘Буянто’; ungšiγul-bai (13а,1) вм. ungšiγulbai ‘дал почитать’; qara sanaγa-tu (27а,1) вм. qara sanaγatu ‘с черными помыслами’; qar-a niγur-tu (43b,1) вм. qar-a niγurtu ‘смуглолицый’.

Таковы наиболее существенные своеобразия в области графики и орфографии, замеченные в языке памятника «Эрдэнийн сан субашид». Их рассмотрение приводит к выводу о том, что бурятский автор в своих изложениях на старомонгольской письменности придерживался написаний, имевших место и в других произведениях монголов. Вместе с тем, подавляющая часть отступлений от норм классического монгольского языка обусловлена языковыми процессами, характерными для живой речи бурят. В результате чего выходит, что лишь небольшая часть отклонений от классических правил является результатом недостаточной грамотности автора. В данном случае уместно мнение Ц.Б. Цыдендамбаева, который писал: «в силу того, что монгольская грамота усваивалась бурятами главным образом у частных лиц-грамотеев, которых было крайне немного, то приходится удивляться не тому, что в рукописях есть места, написанные малограмотно, а тому, что таких мест очень мало» [1; С. 325].

В любом случае наши данные не подтверждают некогда распространенное в мон-

головедении представление, согласно которому большинство бурятских рукописей написано неграмотно.

Литература

1. Цыдендамбаев Ц.Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование / Ц.Б. Цыдендамбаев. – Улан-Удэ, 1972. – 662 с.

2. Доржиев Д.-Н.Д. Старобурятский язык / Д.-Н.Д. Доржиев. – Улан-Удэ, 1992. – 244 с.

3. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и фонетика / Б.Я. Владимирцов. – Л., 1929. – 483 с.

4. Орловская М.Н. Язык «Алтан тобчи» / М.Н. Орловская. – М., 1984.

5. Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык / Г.Д. Санжеев. – М.: АН СССР, 1964.

6. Номтоев Р. «Сайн номналту эрдэнийн сан субашид нэрэту шаштар орошибай», 1864 г. Ксилограф.

Коротко об авторе

Some facts about author

Атсанавонг Саяна Григорьевна, аспирантка кафедры монголоведения, Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет им. Н.Г. Чернышевского (ЗабГГПУ), раб. тел.: 35-28-22

Atsanavong Sayana, full-time graduate of Mongolian History Department of ZabSPUH, “Literature of the Russian Federation peoples” specialty, official telephone: 35-28-22

Научные интересы: исследование языка старописьменных монгольских памятников

Scientific interests: research of oldwritten Mongolian monuments

УДК 802.0

И.Л. Кучешева
I. Kuchesheva

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF PROPER NAMES IN COMPOSITION OF ENGLISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS: LINGUISTIC-CULTURE SCIENCE APPROACH

Основной целью статьи является лексико-семантический анализ имен собственных в составе английских и русских фразеологических единиц. В работе рассматриваются разные группы имен собственных (антропонимы, топонимы, мифонимы) во фразеологических единицах и устанавливается место имен собственных – компонентов фразеологических единиц в английской и русской лингвокультурах

The main aim of this article is lexico-semantic analysis of proper names in English and Russian phraseological units. The author first considers various groups of the proper names (anthroponyms, toponyms, mythonyms) in phraseological units and determines the place of the proper names – components of phraseological units in English and Russian linguistic cultures

Ключевые слова: фразеологические единицы, фразеологические сращения, антропонимы, топонимы, мифонимы

Key words: phraseological units, phraseological joins, anthroponyms, toponyms, mythonyms

Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъекты, т.е. они возникают не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение [4; 82].

Имя собственное (оним) – слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект. К собственным именам относятся антропонимы, топонимы, мифонимы [3; 473].

В работе применяется сравнительно-этимологический метод исследования и статистическая обработка данных. Сбор материала осуществлялся методом сплошной выборки из англо-русского фразеологического словаря А.В. Кунина [2], фразеологического словаря русского языка А.И. Молоткова [1], художественных произведений английских, американских и русских писателей и поэтов, а также из Библии [8].

По лексическому значению выделены фразеологизмы, в состав которых входят антропонимы, топонимы, мифонимы:

1. Антропонимы.

В данную группу входят индивидуальные и групповые антропонимы.

а) индивидуальные антропонимы – the admirable Crichton; clever Dick; big Bertha; blue Peter; John Hancock; Валять Ваньку; ни в городе Богдан, ни в селе Селифан; Филькина грамота; мели Емеля, твоя неделя; Иван непомнящий.

Разновидностью фразеологизмов, входящих в эту группу, являются фразеологические единицы, один из компонентов которых представляет собой имя собственное, исторически восходящее к имени определенного лица, с которым связано появление данной фразеологической единицы. Например: Whenever Thompson twanged, «Put your John Hancock on that line,» Babbitt was as much amused by the antiquated provincialism as any proper Englishman by any American [5; 95];

б) групповые антропонимы – The Scavenger's daughter; keep up with the Joneses; Box and Cox; to astonish the Browns; Dr. Jekyll and Mr. Hyde; Harris tweeds; Потемкинские деревни; Бальзаковский возраст; Колумбово яйцо; Столыпинский галстук (виселица); Муравьевский галстук (виселица). Например: Dr. Jekyll and Mr. Hyde – доктор Джекилл и мистер Хайд. После выхода в свет повести Р.Л. Стивенсона «The Strange case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde» [7; 107] этим именем стали называть человека, воплощающего в себе два начала – доброе и злое. Это тот редкий случай, когда название произведения стало фразеологизмом. Например: … And every retired general going to exactly the same evensong at the same gray stone church with a square tower, and every golfind prig in Harris tweeds saying 'Right you are!' to every other prosperous ass? [5; 126].

Одной из основных черт, характеризующих фразеологические единицы с компонентом-антропонимом, является семантическая спаянность компонентов, позволяющая им выступать в качестве единой семантически не расчлененной единицы языка, выражающей единое понятие предметности.

2. Мифонимы.

В данную группу входят имена собственные из библейских легенд и античных мифов:

а) библейские легенды – The Apple of Sodom; Balm in Gilead; A doubting Thomas; The old Adam; David and Jonathan; Alpha and Omega; A Juda's kiss; As poor as Job; As old as Methuselah; Is Saul also among the prophets?; Фома неверующий; ветхий Адам; Альфа и Омега; поцелуй Иуды; беден как Иов; Содом и Гоморра; Каинова печать.

Особенность фразеологизмов библейского происхождения заключается в том, что исходные формы многих из них устанавливаются по тексту Библии. Основная масса выражений с компонентом-мифонимом возникла на базе сходства поведения: David and Jonathan – Давид и Ионафан «неразлучные друзья» (Ионафан – сын царя Саула, друг Давида, будущего царя Израиля, который много раз укрывал Давида от гнева его отца, завидовавшего популярности Давида в народе и боявшегося, что тот займет его престол). Например: And David lamented with his lamentation over Saul and over Jonathan his son [8; 328];

б) античные мифы – a Sisyphean labor; the Procrustean bed; a Hercules' labor; the Gordian knot; Дамоклов меч; Авгиевы конюшни; двуликий Янус; беден, как Ир.

Procrustean bed – прокрустово ложе «искусственная мерка, под которую насильственно стараются что-либо подогнать». Например: … no fitting of me to a Procrustean bed, but even that share of work necessary to the existence of the simplest social life must, in the first place, whatever else it is, be reasonable work [6; 442].

Фразеологические единицы данного типа обладают высокой степенью семантической целостности, которая основывается на отсутствии мотивированности единого значения фразеологизмов значениями компонентов их составляющих.

Представляя собой лаконичные формулировки идей, конденсируя сложные образы, античные мифы, библейские легенды вызывают ряд ассоциаций. Недостаточное знакомство с конкретными условиями возникновения

приводит к тому, что значение фразеологических единиц с именем собственным библейского и античного происхождения понимается неправильно. Для правильного понимания и употребления необходимо знание конкретных условий их появления, т.е. их этимологии.

3. Топонимы.

В данную группу входят индивидуальные и групповые топонимы:

а) индивидуальные – a wooden Indian; the British lion; Kentish fire; Arkansas lizard; Arkansas toothpick; California bible; Michigan roll; Indian summer; Thieves' Latin; открывать Америку; коломенская верста; китайская грамота; во всю ивановскую (очень громко); Москва не сразу строилась; в городе бузина, а в Киеве дядька.

Метафорический перенос, лежащий в основе значения фразеологических единиц, включающих в себя индивидуальные топонимы, может основываться на реально существующих ситуациях.

A wooden Indian – неподвижный безжизненный (перед табачными лавками для рекламы выставлялась деревянная фигура индейца с трубкой во рту.) Например: I felt as wooden as a wooden Indian, and I remember being surprised to discover that my legs worked perfectly even if they were wooden… [9; 248];

б) групповые – Castles in Spain (или in the air); From China to Peru; From Dan to Beersheba; Афинские вечера; тайны Мадридского двора.

Метафорический перенос, лежащий в основе значения фразеологических единиц, включающих групповые топонимы, может основываться на нереальных ситуациях.

From Dan to Beersheba – от Дана до Вирсавии, т.е. повсюду, везде. Например: Then all the children of Israel went out, and the congregation was gathered together as one man, from Dan even to Beersheba, with the land of Gilead, unto the Lord in Mizpeh [8; 305].

К топонимам также относятся астионимы (названия городов), урбанонимы (названия улиц), гидронимы (названия рек), комонимы (названия сельских поселений), пелагонимы (названия морей).

Реалии, обозначаемые фразеологизмами, включающими топонимы, тесно связаны с географией и историей страны, традициями, бытующими в той или иной местности.

Изучение имен собственных в составе фразеологизмов в художественных произведениях вытекает из потребности их более глубокого понимания. Тексты являются хранителем культуры, они хранят информацию об истории, этнографии, национальном поведении, т.е. обо всем, что составляет содержание культуры.

В результате исследования можно сделать следующие выводы. Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры английского и русского народов, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы.

По лексико-семантической классификации многочисленную группу образуют фразеологические единицы, в состав которых входят мифонимы (11,6 % от английской выборки и 10,7 % от русской выборки): библейские легенды, античные мифы. Второй по численности группой являются фразеологические единицы, в состав которых входят топонимы (7,3 % от английской выборки и 9 % от русской выборки).

В результате анализа было выявлено, что в английском и русском языках наиболее многочисленными группами являются фразеологические единицы с компонентами – именами собственными неанглийского и нерусского происхождения; это фразеологические единицы – интернационализмы, т.е. кальки, восходящие к античности, Библии.

Литература

1. Войнова Л.А. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.П. Молотков, А.И. Федоров // Под. ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., сте-

реотип. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.

2. Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин // Лит. ред. М.Д. Литвинова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 709 с.

4. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

5. Lewis S. Babbitt. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1962. – 460 c.

6. Morris W. Selections from William Morris. – M.: Foreign Languages Publishing House, 1959. – 524 c.

7. Stevenson R.L. Selected stories. – M.: Progress Publishers, 1968. – 520 c.

8. The Holy Bible. – Sixth printing. – Michigan: National publishing company, 1988. – 1298 c.

9. Warren R.P. All The King's Men. – M.: Progress Publishers, 1979. – 452 c.

Коротко об авторе / Some facts about author

Кучешева Ирина Львовна, аспирантка, Омский государственный университет (ОмГУ), kuchesheva@rambler.ru

Научные интересы: исследование теоретических и функциональных аспектов английского языка, его развития, современного состояния и особенностей функционирования, общности происхождения

Kuchesheva Irina, graduate, Omsk State University, kuchesheva@rambler.ru

Scientific interests: research of theoretical and functional aspects of the English language, its development, present state and peculiarities of functioning, community of origin

УДК 398.01

Л.Р. Лаврентьева
L. Lavrentyeva

ДИНАМИКА КОНЦЕПТА «ВЕРНОСТЬ» В АНГЛОСАКСОНСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ЛИНГВОЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

«LOYALTY» CONCEPT DYNAMICS IN ANGLO-SAXON CULTURE: LINGUISTIC-ETHNICAL ASPECT

Статья касается проблемы развития концептов в определенной культуре. Предполагается, что внутреннее содержание наиболее важных для данной культуры концептов со временем изменяется, но оно всегда соответствует типу этой культуры в определенный исторический и этический период ее развития. В данной работе автор делает попытку доказать этот факт путем анализа динамики концепта «верность» в англосаксонской культуре. Анализ проводится в лингвоэтническом аспекте, что позволяет увидеть влияние этнического фактора на формирование духовной культуры и ее актуализацию в языке

The article is about the problem of concepts development in a certain culture. It is proposed that the gut of the most important concepts in a certain culture gradually changes, but it always corresponds to the type of this culture in a certain historical or ethic period of its development. The author makes an attempt to prove this fact by an analysis of «loyalty» concept dynamics in Anglo-Saxon culture. The analysis is made in linguistic-ethnic aspect, it allows to see the influence of the ethnic element on formation of spiritual culture and its actualization in the language

Ключевые слова: культурный концепт, лингвоэтнический аспект, этногенез

Key words: cultural concept, linguistic-ethnical aspect, ethnogenesis

В современной лингвистике приоритетное внимание уделяется концептологическим исследованиям, что объясняется появлением в науке двух ориентирующих исследователя парадигм – когнитивной и антропоцентрической. Первая из них представляет собой новую теорию познания, объясняющую способы хранения накопленной информации и оперирования ею в сознании людей. Одним из таких способов является концепт, или ментальная структура, вмещающая в себя все знания, связанные с определенным фрагментом действительности. Концепт объективирует себя в различных семиотических системах, в том числе и в языке (см.: Кубрякова, 1996; 1997). Так, в лингвистике появился новый объект исследования, позволяющий судить о ментальности и мышлении человека и формах их фиксации в языке.

Вторая научная парадигма тесно связана с первой, так как в центре ее внимания Человек со всеми его психологическими и мен-

тальными особенностями, формами существования и культурными ценностями. Анализ концептов отвечает требованиям антропоцентрического направления в науке, ибо он позволяет связать взаимодействие языка, культуры и мышления человека, поскольку «Концепт – единица, призванная связать воедино научные изыскания в области культуры, сознания и языка, так как он принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» (Слышкин, 2000: 9). Концепты можно анализировать под различным углом зрения. В статье приводится образец анализа культурного концепта (константы культуры) в его динамике в лингвоэтническом аспекте. Данный подход, как мы считаем, приоткрывает еще одну специфическую форму взаимодействия языка, мышления, культуры и общества (этноса).

Лингвоэтнический подход к изучению языка предполагает рассмотрение языковых явлений сквозь призму духовной культуры и психологию народа (этноса). Традиция данного подхода идет от этнолингвистики, целью которой является изучение взаимосвязи и взаимовлияния языка, духовной культуры, менталитета, народного творчества в исторической ретроспективе. Как составляющая современной семиотики данная наука тесно соприкасается с мифологией и религией, историей языка и культуры, а в последнее время и с теорией этногенеза. Данная теория, разработанная Л.Н. Гумилевым, объясняет возникновение и развитие этнических систем стихийными природными процессами, в ходе которых рождаются и сменяются в историческом времени различные этнокультурные типы людей со свойственными для каждого возраста этноса стереотипами поведения (подробнее об этом см.: Гумилев, 1973, 1997а, 1997б; Шапошникова, 1997, 1999, 2003; Садохин, 2000). Это – новое направление в этнолингвистике, связанное с постижением сущностных процессов в этногенезе и их проявлений в языке.

Соотношение языка и процессов этногенеза в рамках лингвоэтнического подхода исследовалось И.В. Шапошниковой (1999). В данной работе, посвященной анализу взаимодействия языковых и этнокультурных факторов в трансформации структурного типа английского языка в ходе его истории, использовался понятийный аппарат теории этногенеза Л.Н. Гумилева, определившего критерий, на основе которого можно отследить этнические процессы в их динамике в историческом времени. Таким критерием являются доминирующие стереотипы поведения людей на определенном этапе их этнического развития, связанные с явлением пассионарности – особой энергии биосферы. Доминирующие стереотипы поведения понимаются как относительно устойчивые (но динамичные во времени) преобладающие модели поведения людей, характерные для каждой ступени развития этноса. Смена этнических стереотипов связана с постоянной переоценкой ценностей и изменением господствующих императивов эпохи, определяющих взаимоотношения между отдельным человеком и сообществом (см.: работы Гумилева).

Этнические стереотипы неизбежно отражаются в языке и прежде всего в текстах, написанных на нем. Однако прямой зависимости между текстовыми особенностями и этническими стереотипами не существует. О последних можно судить лишь косвенно, путем наблюдения за фрагментами поведения людей в конкретную этническую эпоху, которая соответствует определенному типу культуры, поскольку этнические и культурные процессы протекают в истории параллельно, взаимодействуя друг с другом. Одним из проявлений такого взаимодействия является формирование этнокультурной доминанты – совокупности важных для данного этапа развития этноса концептов, постоянно ассоциирующихся в сознании людей (Шапошникова 1999). Такие концептосферы динамичны. Их смена означает переход этноса на новый этап развития и преобразование предыдущего типа культуры, который будет основываться на иных поведенческих критериях. Следовательно, анализировать этнические стереотипы можно путем ис-

следования динамики подобных концептов в конкретной культуре с учетом процесса этногенеза.

В нашей работе в этом аспекте рассматривается динамика концепта «верность» в англосаксонской культуре (V-XI вв.), соответствующей двум периодам англосаксонского этногенеза – периоду этнического расширения (V-VI вв.) и периоду господства христианского мировоззрения (VIII-X вв.). Как показывают исследования, VII в. явился переходным от одного мировоззрения к другому, а вторая половина X в. и первая половина XI в. стали временем надлома англосаксонского этногенеза. В соответствии с данными периодами этнической жизни англосаксов И.В. Шапошникова выделяет две этнокультурные доминанты – (1) «воинственность во имя славы и богатства» и (2) «христианскую доминанту» (об этом см.: Шапошникова, 1999: 62-65), которые представляют сущность германской героической и англосаксонской христианской моделей мира.

Основываясь на посылке данного исследователя о принадлежности концепта «верность» к концептосфере этнокультурной доминанты англосаксов периода их этнического расширения, а также на положении о том, что изменение последней влияет на преобладающую мотивацию поведения (там же), мы предполагаем, что смена этнокультурных доминант найдет свое отражение в представлениях о верности, а следовательно, и ее проявления в жизни людей будут другими. Для подтверждения нашей гипотезы попытаемся проследить за моделями поведения англосаксов на разных этапах их этнического развития, которые нашли свое отражение в исторических документах и поэтических памятниках.

Нужно отметить, что оба из указанных этапов относятся к фазе пассионарного подъема, в которой люди отличаются особой активностью. Их деятельность по отношению к собственному этносу носит созидательный характер. Это – период территориального расширения (войн), создания нового государства, а иногда и религии. Все интересы людей подчинены одной общей цели, для достижения которой они идут на любые жертвы. Такое поведение считается нормой. Всякое отклонение от нее осуждается сообществом и жестоко наказывается независимо от социального статуса.

В период этнического расширения одним из таких наказаний являлось изгнание из общества, означавшее лишение человека всяких прав и обречение его на жизнь дикого зверя, которого каждый мог преследовать и безнаказанно убить. Пример этого находим в Англосаксонской хронике:

(1) Her Cynewulf benam Sigebrihte his mæge his rice. 7 (этим знаком обозначается союз «and») .Wæst Seaxna witan for unrihtum dædum buton Hamtungscyre. 7 he hafde þa oð he ofsloh ðone ealdorman þe him lengst wunode. 7 hine þa Cynewulf on Andred adrefede. 7 þar wunode oþ þat an swan hine ofslang æt Pryftesflodan. Sæ swan wræc ðone ealdorman Cumbrian (Chr. 757).

– ‘В этом году Кюневульф и англосаксонский совет старейшин лишили их человека Зигебрихта королевства за его несправедливые действия, за исключением Хэмпшира, и он владел им, когда убил эрла, который был с ним дольше всех. Затем Кюневульф изгнал его в Вэальд, где он жил, пока свинопас ни убил его в Приветстриме. Так был отмщен эрл Кумбра’. (Здесь и далее перевод текстов «Англосаксонской хроники» наш с учетом перевода на современный английский язык, выполненный А. Савадж (см.: The Anglo-Saxon Chronicle. … / Transl. and collated by A. Savage. – CLB, 1997. – 288 p)).

Данный пример свидетельствует о нарушении принципа германской верности, в соответствии с которым взаимоотношения между основными социальными единицами того времени – вождем (лордом) и воином (человеком на службе) строились на основе взаимности: воин должен был верно служить вождю в обмен на его благосклонность, защиту и поддержку. Таким, вероятно, и был эрл Кумбра, поскольку, как сообщается, он был со своим лордом «дольше всех» (þe him lengst wunode).

Однако Зигебрихт убил верного ему человека, что расценивается в германском мире как нарушение закона, несправедливость (unrihtum dædum), достойная самого сурового наказания – изгнания со всеми вытекающими из этого последствиями.

Данный сюжет имеет продолжение, являющееся яркой иллюстрацией основных поведенческих стереотипов в германской героической модели мира. Через 31 год, как повествуется в хронике далее, король Кюневульф решил изгнать брата Зигебрихта – вождя Кюнехерда. О причинах этого намерения не сообщается. Возможно, эти люди находились в состоянии вражды, так как закон кровной мести требовал отмщения со стороны Кюнехерда, который следил за действиями короля и однажды напал на него со своими воинами, когда тот был без свиты. Кюневульф храбро защищался (Þa unheanlice hine werode), но был убит (ofslægen hæfdon).

Несколько воинов Кюневульфа, узнав об этом, поспешили к месту события «так быстро, как только они могли» (swa hwilc swa ðonne gearo wearð hraðost), чтобы отомстить за его смерть. Кюнехерд предложил им богатство и жизнь (feoh und feorh), если они встанут на его сторону. Хотя силы были неравными, воины короля отвергли это предложение (heo nænig þicgan noldan) и предпочли верную гибель в сражении, что и произошло с каждым из них (heo symle feohtende wæron. oþ hig eale ofslagene wæron).

Наутро расстановка сил поменялась. Другие воины из свиты короля окружили Кюнехерда, чтобы отомстить за смерть вождя. Это событие описывается в хронике следующим образом:

(2) þa on morgen gehyrdon þat Þes ciniges Þegnas Þe him bæfton wæron þat se cining ofslagen wæs. þa ridon hi Þider... 7 þone æÞeling on þære byrig gemetton þær se cining ofslagen læg... 7 þa bead he heom heora agene dom feos. 7 landes gif heo him Þæs rices uÞon. 7 heom cydde þæt heora maga him mid wæron þa Þe him fram noldon. 7 þa cwedon hig. þæt heom nænig mæg leofra nære Þone heora hlaford. 7 heo næfre his banan folgian noldon. 7 þa budon hi heora magon þat hi heom gesunde fram eodon. 7 hi cwædon þæt þæt ilce heora deferum geboden wære þe ær mid þam cininge wæron. þa cwædon hi þat þat hi þæs ne gemundon þonne ma þe heora geferen þe mid þam cininge wæron ofslagene. Hi þa ymb þa gatu feohtende wæron oÞ hi þar in flugon. 7 Þone æÞeling ofslogen. 7 þa men Þe mid him wæron... (там же).

– ‘Утром, когда таны короля (воины из его свиты) (здесь и далее вставка наша), которых он оставил поблизости, узнали, что король был убит, поспешили в тот город, где король лежал убитым... Там они встретили этелинга (вождя – убийцу)... Тот предложил им богатство и землю, если они гарантируют ему королевство, и он заметил, что среди его воинов есть их родичи, которые не покинут его. Тогда они (таны короля) ответили, что ни один их родич не дороже им, чем их собственный лорд, и что они никогда не последуют за его убийцей, но они предложили своим родичам уйти невредимыми оттуда. Те ответили, что такие же условия предлагались и их товарищам по оружию, которые были убиты вместе с королем, и что это предложение для них «значит не более, чем для тех, которые полегли рядом с ним». Тогда они стали сражаться у ворот того города до тех пор, пока они ни ворвались в него и ни убили того этелинга и тех людей, которые были с ним».

Из данного эпизода можно заключить, что в героическом мире верность своему вождю для воина была превыше родственных связей и дороже собственной жизни. Последний факт подтверждается другими примерами хроники. Так, в сообщении от 626 года повествуется о неком тане Лилле и воине Фортере, прикрывшими своими телами короля Эдвина:

(3) Her com Eomer fram Cwichelme West Seaxna cinige. þohte þæt he wolde ofstingan Eadwine cinige. ac he ofstang Lillan his þegn. 7 Forþere. 7 þone cining gewundode (Chr. 626). – ‘В этом году Эомер – западно-саксонский ко-

роль пришел из Квикхельма; он хотел убить короля Эдвина, но убил Лиллу, его тана и Фортере. Король был ранен'.

В сообщении от 687 года рассказывается о смерти вождя Мула в плену, когда он был сожжен заживо. Эту участь разделили с ним его 12 воинов:

(4) Her Mul wærþ on Cent bærned. 7 oþre xii men mid him (Chr. 687).

– 'В этом году в Кенте был сожжен Мул и двенадцать человек вместе с ним' (там же: 58).

Подобные примеры находим в анналах 603, 654, 685 и других.

О моделях поведения в воинственном германском мире также свидетельствует англосаксонская героическая поэзия. В поэме «Беовульф» верный воин и родич вождя Беовульфа – Виглаф пытается защитить его, когда тот сражается с драконом (Beow. 2662):

(5) Wod Þa Þurh wæl-riec, wig-hafolan bær frean on fultum…

– 'Туда поспешил он сквозь чад ядовитый вождю на помощь …'

(6) Ic him lif-wræðe lytle meahte ætgiefan æt guðe and ongann swa-þeah

ofer min gemet mæges helpan (Beow. 2877 - 2879; см. также: 1830).

– 'Едва ли я мог защитить его в битве,

и все же я пытался помочь родичу сверх моих сил'.

Также поступает и дружина Беовульфа, когда он вступает в единоборство со злым чудовищем Гренделем:

(7) Þær geneahhost brægd eorl Beo-wulfes ealde lafe, wolde frea-dryhtnes

feorh ealgian, mæres Þeodnes, Þær hie meahton swa (Beow. 794-797).

– 'Там изо всех сил махали воины Беовульфа старыми мечами,

хотели жизнь своего вождя защитить, как только они могли'.

Вождь, в свою очередь, платит воину своей щедростью – beag-giefu – дарением завоеванных в военных походах богатств и земель, а также особым расположением к нему – благосклонностью – hyldo:

(8) ealde hira gehwæðerum hund Þusenda landes and locenra beaga…And Þa Eofore forgeaf angan dohtor, ham-weorðunge, hylde to wedde (Beow. 2994-2998). – '... каждому из них он дал сто тысяч мер земли и витых колец…затем в знак благосклонности отдал Еофору свою дочь единственную – дом украсить'.

В поэме «Беовульф» можно найти установки культуры или образцы правильного, с точки зрения ранних англосаксов, поведения для воина, вождя и дружины, которые являются нормой (обычны) и на которые нужно (должно) равняться:

(9) Þa ic æt Þearfe [gefrægn] Þeodcyninges andlangne earl ellen cyðan…

Swelc scolde secg wesan, Þegn æt Þearfe (Beow. 2694-2699).

– 'Тогда, я слышал, в минуту трудную к нему подоспел дружинник,

родом знатный и мужеством известный…

таким и должен быть воин, (верный) тан в минуту сражения'.

(10) Swā sceal geong guma gōde gewyrcan, framum feoh-giftum on fæder bearme þæt hine on ielde eft gewunien will-gesīðas, þanne wīg cume, lēode gelæsten. Lof-dædum sceal on mægða gehwæm man geþion

(Beow. 20-25).

– 'С детства наследник добром и дарами дружбу дружины должен стяжать, дабы, когда возмужает, соратники стали с ним о бок, верные долгу, если случится война, ибо мужу (вождю) должно достойным делом в народе славу снискать' (Пер. В. Тихомирова, вставка наша).

(11) Wæs Þeaw hira Þæt hie oft wæron anwig-gearwe ge æt ham

ge on herge ge gehwæðer Þara efene swelce mæla swelce hira

mann-dryhtne Þearf gesælde. Wæs sio Þeod tilu (Beow. 1246-1250).

– 'Таков обычай был у них, всечасно

готовых к сече: и в дальнем

походе, и в доме отчем – везде, где опасность грозит владыке,

стоит на страже дружина добрая!' (ibid.).

Таким образом, в период этнического расширения англосаксов, связанного с войнами, большое значение имела верность дружины своему вождю. Их высокая пассионарность проявлялась не только в яростной доблести на поле боя, но и в стремлении к соблюдению традиций верности вплоть до самопожертвования. Такое поведение являлось средством для успешного достижения основных целей данного этнического периода – захвата земель и военной добычи (накопления богатств), а также создания новых англосаксонских королевств на территории Британии.

С принятием христианства (VII в.) этнокультурная доминанта ранних англосаксов постепенно (к VIII в.) преобразуется в христианскую. На этом этническом этапе на первый план выдвигается новая система отношений – «Бог – человек», изменяются представления о мире и о преобладающих ценностях в нем. Об этом свидетельствуют исторические документы, а также христианская поэзия, образы которой воплощают героев другого времени. Понаблюдаем за поведением этих героев и попытаемся сделать заключение о поведенческих нормах, пришедших на смену традиций героического мира.

Так, записи Англосаксонской хроники VII в. сообщают о принятии христианства, крещении (601, 604, 626, 646, 648), строительстве церквей и монастырей (641, 653, 656), где получались новые для англосаксов знания, которые учили тому, что главные трагедии и триумфы человека связаны не с героическими подвигами на земле, а с его душой после смерти. Новая вера давала надежду на спасение и вечное блаженство в мире ином, поэтому вожди и простые люди стали уходить в монастыри на службу к Богу:

(12) Her æÞelred Pending Mircena cining ofeng munuchade. 7 Þet rice heold xxix wintra. Þa feng Kenred to (Chr. 704; см. также: 737).

– 'В этом году Этельред, сын Пенды, который был королем Мерсии двадцать девять лет до Кенреда, принял монашество'.

Прежде чем принять христианство, люди сомневались и сначала хотели убедиться в способности нового Бога помогать им в борьбе с врагами:

(13) Þa gehet se cining Pauline Þæt he wolde his dohter gesyllan Gode. gif he wolde abiddan æt Gode. Þæt he moste his feonde afyllan. Þe Þone scaÞan Þider ær sende. 7 he Þa for on West Seaxum mid fyrde. 7 afylde Þær v ciningas. 7 Þæs folces mycel ofsloh. 7 Paulinus gefullade his dohtor... 7 se cining binnan xii monaÞ aæs gefullod on Eastrum mid eallum his dugoÞe (Chr. 626). – 'Тогда тот король обещал Паулису (аббату), что он отдаст свою дочь Богу, если он (Паулис) своими молитвами к Нему сделает так, что он сможет поразить своего врага, который привел к ним убийц. После этого он отправился в Уэссекс со своими войсками, разбил там пять королей и убил много людей. Паулис крестил свою дочь... Через двенадцать месяцев на Пасху сам король был крещен вместе со всеми своими последователями'.

Уверовав в могущество Бога, христиане стали верно Ему служить, соотнося все свои поступки с законом Божьим, исполнение которого, как им представлялось, способствовало их успешной деятельности на земле. Вот как описывается деятельность одного из конунгов в середине X века:

(14) Her Eadwig cyning forÞferde. 7 feng Eadgar his brothor to rice. On his dagum hit gododе georne; 7God him geuÞe, Þæt he wunode on sibbe, Þa hwile Þe he leofode, 7 he dyde, swa him Þearf wes, earnode Þes georne. He arerde Godes lof wide, 7 Godes lage lufode, 7 folces friÞ bette, swiÞost Þara cyninga, Þe ær him gewurde, be manna gemynde. 7 God him eac fylste, Þæt ciningas 7 eorlas georne him to bugon, 7 wurden underÞeodde to Þam Þe he wolde, 7 butan gefeohte eal he gewilde, Þet he sylf wolde (Chr. 959). – 'Король Эдвиг умер, и Эдгар, его

брат, принял королевства... В его дни все дела шли хорошо, и Бог даровал ему жить в мире, и он поступал так, как следует (по закону Бога), и всегда стремился к этому. Он широко возносил славу Бога и отдавал честь Его закону, обеспечил людям мир больше, чем любой другой король до него, поэтому короли и эрлы с готовностью поклонялись ему, и он правил ими так, как он того желал; и без сражений он завоевал все, что сам хотел'.

Однако дела земные для христиан-англосаксов со временем становятся второстепенными, поскольку их основная цель на данном этническом этапе – спасение и вечное блаженство на небе с Богом. Главными героями являются теперь не вожди и воины, а добровольные изгнанники (отшельники) и святые мученики, которые, живя в миру или в уединении, готовятся к жизни вечной. Отрекаясь от всего земного и усердно исполняя закон Божий, они готовы к самопожертвованию ради Христа и веры. Эти идеи наиболее ярко отражены в англосаксонской христианской поэзии (см. пример далее: Gut. 81-88):

(15) Sume þa wuniað on westennum, secað ond gesittað sylfra willum hamas on heolstrum. Hy ðæs heofoncundan boldes bidað. Oft him ... eahteð anbuendra.

– 'Некоторые живут в отдаленных местах, ищут в них прибежища по воле своей. Они ждут дома небесного. Часто их ... – отшельников преследуют'.

(16) Swa soðfæstra sawla motum in ecne geard up gestigan rodera rice,

þa þe ræfnað her wordum ond weorcum wuldorcyninges lare longsume, on hyra lifes tid earniað on eorðan ecan lifes, hames in heahþu (Gut. 790-796).

– 'Так души праведных могут подняться в мир вечный, царство небесное, те, кто словом и делом исполняет завет Бога; живя здесь на земле, они заслуживают жизнь вечную, дом на небе'.

О христианском отшельничестве – anseld повествует поэма «Гутлак», в которой герой борется за царствие небесное вдали от мирской жизни. Добровольное изгнание – удел наиболее верных Богу, поэтому в христианской модели мира, в отличии от героической, оно приобретает положительный смысл. Такой сдвиг в сознании – gelimp (Gut. 268) понимается неверующими как неслыханная гордость, нарушающая традиции предков, поэтому они постоянно нападают на отшельника, подвергая его оскорблениям и истязаниям, которые Гутлак покорно выносит. Такое поведение считалось позорным в героическом мире, где всякое оскорбление требовало отмщения (Gut. 480-490). Однако в христианской модели мира месть, как средство восстановления справедливости, отрицается. На смену ей приходит терпение, смирение и прощение. Гутлак обвиняет своих мучителей за неспособность смиренно и терпеливо ждать милости Божьей, потому что смирение, в контексте христианской идеологии, это не слабость, а сила духа:

(17) Ne cunnon ge dryhten duguþe biddan, ne mid eaðmedum are secan

... ne ge þæt geþyldum þicgan woldan ... (Gut. 479-483).

– Вы не можете молить Бога о добром деле, искать его милости

со смирением, ... вы не хотите принимать этого терпеливо ...'

(18) He wæs on elne ond on eaðmedum ... (Gut. 328).

– 'Он (Гутлак) имел силу и смирение ...'

Тема прощения затрагивается в поэме «Елена», в которой иудейский мудрец рассказывает о святом мученике, забитом камнями за его новую веру. Страдалец просит Бога не мстить врагам за свою смерть (El. 491-495):

(19) þa for lufan dryhtes Stephanus väs stanum vorpod,

ne geald he yfel yfele, ac his ealdfeondum...

bäd þrymcyning, þät he him þa veadæd to vræce ne sette ...

–'Затем из-за любви к Богу Стефанус был забит камнями,

но он не ответил злом на зло, а ... просил не мстить

своим врагам за их злое дело ...'

Новым стереотипом поведения для христиан-англосаксов становится жизнь в страдании – þrowung, через которое Христос искупил грех всех людей и дал им шанс к спасению. Поведение Христа для верных – образец, которому нужно следовать. Так, в поэме «Христос» Бог говорит грешникам:

(20) Hvät! ic þät for vorulde geþolade!... yrmðu geäfnede,

arleas licsar, þät ic þurh þa være þe gelic

and þu meahte minum veorðan mægvlite gelic mane bidæled, ...

þät þu of deofles þurh þät nydgevalde genered vyrde (Cri. 1424-1451).

– 'Истинно, я терпел это ради людей! ... испытал страдания,

жестокие муки, чтобы через это быть как ты, и чтобы ты,

очищенный от грехов, возрастал по образу моему,

... и мог получить спасение от оков дьявола'.

О страданиях за веру рассказывает поэма «Юлиана», героиня которой посвящает свою жизнь Христу, за что принимает от язычников жестокие муки и смерть. Однако для истинно верующих смерть не страшна, поскольку для них она означает освобождение души и конец борьбы на земле за жизнь вечную, а страдания за веру есть доказательство верности Богу (Jul. 607-612):

(21) þa wearð þære halgan hyht geniwad ... siþþan heo gehyrde

hæleð eahtian inwitrune, þæt hyre endestæf

of gewindagum weorþan sceolde, lif alysed.

– 'Тогда святая возрадовалась ..., услышав приговор людей,

потому что дни ее борьбы близились к концу,

и душа ее получит освобождение'.

На данном этапе новые стереотипы поведения проявляются в вере в Христа, ради которой люди покорно идут на муки и самопожертвование. Так, в поэме «Андрей» Бог говорит герою-мученику о его долге отдать свою жизнь в войне с язычниками – врагами веры, и Андрей готов к этому:

(22) þu scealt ... þin feorh beran in gramra gripe, þær þe guðgevinn

þurh hæðenra hildevoman ... geboden vyrðeð (And. 216-219).

– 'Ты должен ... свою жизнь отдать в схватке с врагами;

там тебе звук битвы, война с язычниками ... предстоит'.

(23)... he väs ... gearo guðe fram to godes campe (And. 232-234).

– '... он был ... готов к битве, к войне за Бога'.

Такое поведение, свидетельствующее о большой внутренней силе людей (и вероятно, высокой пассионарности), позволило англосаксам довольно быстро принять новую для них религию, в результате чего их героическая этнокультурная доминанта постепенно преобразуется в христианскую. Эти изменения отразились на представлениях о верности и ее проявления в жизни людей стали другими, соответствующими новым ценностным ориентирам.

Таким образом, наблюдая модели поведения людей на разных этапах их этнической жизни, мы имеем возможность судить о динамике конкретной культуры, которую может представлять важный для нее концепт, ибо как в капле воды отражается мир, так в подобном концепте отражается тип данной культуры.

Литература

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли: автореф. дис. ... д-ра географ. наук: 07.00.10 / Л.Н. Гумилев. – Л.: ЛГУ, 1973. – 33 с.

2. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало / Л.Н. Гумилев // Сост. и общ. ред. А.И. Курчи. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997а. – 541 с.

3. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства / Л.Н. Гумилев // Сост. и общ. ред. А.И. Курчи. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997б. – 480 с.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

5. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1996. – 245 с.

6. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: ИЯ РАН, 1997. – 245 с.

6. Садохин А.П. Этнология / А.П. Садохин. – М.: Гардарики, 2000. – 256 с.

6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

7. Шапошникова И.В. Системные диахронические изменения лексико-семантического кода английского языка в лингвоэтническом аспекте / И.В. Шапошникова. – Иркутск: ИГЛУ, 1999. – 243 с.

8. Шапошникова И.В. Этнолингвистический анализ текста в курсе истории английского языка: учеб. пособие для студентов и аспирантов лингвистических университетов / И.В. Шапошникова. – Новосибирск: НГПУ, 2003. – 253 с.

9. Shaposhnikova I.V. A History of the English Language. The Early Period (Linguo-ethnic Approach) / I.V. Shaposhnikova. – Irkutsk, 1997. – 207 p.

Список источников примеров и их сокращенные обозначения

1. And. – Andreas // Bibliothek der Angelsächsischen Poesie / Hrsg. v. C.W.M. Grein. – Goettingen: G. H. Wigand, 1858. – B. II. – S. 9-52.

2. Beow. – Beowulf // Beowulf and Judith / Ed. by F. Magoun. – Cambridge – Massachusetts, 1966. – P. 1-90.

3. Chr. – Anglo-Saxon Chronicle // www.lonestar.texas.net/~jebbo/asc/frame.html

4. Cri. – Cynevulfs Christ // Bibliothek der Angelsächsischen Poesie / Hrsg. v. C.W.M. Grein. – Goettingen: G. H. Wigand, 1857. – B. I. – S. 149-191.

5. El. – Cynevulfs Elene // Bibliothek der Angelsächsischen Poesie / Hrsg. v. C.W.M. Grein. – Goettingen: G. H. Wigand, 1858. – B. II. – S. 105-137.

6. Gut. – Guthlac // The Exeter Book / Ed. by G. P. Krapp and E.V.K. Dobbie. – N.York: Columbia Univ. Press, 1936. – P. 49-88.

7. Jul. – Juliana // The Exeter Book / Ed. by G. P. Krapp and E.V.K. Dobbie. – N.York: Columbia Univ. Press, 1936. – P. 113-133.

Список использованных переводов письменных памятников

1. Беовульф / Пер. В.Г. Тихомирова // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 29-180.

2. The Anglo-Saxon Chronicles. The Authentic Voices of England, from the time of Julius Caesar to the Coronation of Henry II / Transl. and collated by Anne Savage. – CLB, 1997. – 228 p.

3. Gordon R.K. Anglo-Saxon Poetry / R.K. Gordon. – London: J. M. Dent & Sons Ltd., 1930. – 367 p.

Коротко об авторе / Some facts about author

Лаврентьева Любовь Романовна, к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Lavrentieva Lubov', Candidate of Philology, associate professor of Foreign Languages Department, the Chita State University

Научные интересы: концептологические исследования в лингвоэтническом аспекте, предполагающем изучение взаимосвязи и взаимовлияния языка, духовной культуры, психологии этноса и народного творчества в исторической ретроспективе

Scientific interests: conceptological research in linguistic-ethnical aspect, including the study of interaction and interference of a language, spiritual culture, ethnos psychology and folklore in historical retrospective review

УДК 82.08

Е.Е. Смирнова
E. Smirnova

ФУНКЦИЯ ЧИСЛА В ПОЭМЕ ВЕН. ЕРОФЕЕВА «МОСКВА – ПЕТУШКИ»

THE FUNCTION OF A NUMBER IN V. EROFEYEV POEM «MOSKVA-PETUSHKI»

Статья посвящена исследованию категории числа в составе стиля Венедикта Ерофеева. Числовая организация текста рассматривается на примере поэмы «Москва – Петушки», являющейся самым известным произведением автора. В статье доказывается, что число в поэме становится элементом порядка, который, в свою очередь, оказывается мнимым. Кроме того, число является неотъемлемой частью мышления главного героя

The article is devoted to the research of category of a number in style of Venedict Erofeyev. Numerical text outline is considered by an example of poem «Moskva – Petushki», which is the most well-known author's work. The article proves that a number in the poem becomes an element of order, which in turn becomes imaginary. Moreover, the number is an integral part of the central character way of thinking

Ключевые слова: теория постмодернизма, литературная критика XX века, поэзия Серебряного века

Key words: post-modernism theory, literary criticism of 20 century, poetry of Silver Age

Число как предмет философской дефиниции представляет значительное по объему исследование внутри философских систем великих мыслителей прошлого и настоящего времени. Литературоведами разных эпох неоднократно предпринимались попытки изучения данной категории в творчестве того или иного писателя. Так, по определению А.Ф. Лосева, «число относится к сфере чистого смысла и есть начало, вносящее координированную реальность в смысл, т.е. созидающее самый смысл» [1]. Несмотря на пристальный интерес критиков и исследователей к творчеству Вен. Ерофеева, категория числа в прозе автора специально и систематически не описана. Существуют отдельные, во многом глубокие и точные замечания по этому вопросу. Например, категория числа в статье Е. Смирновой «Венедикт Ерофеев глазами гоголеведа» [2] связана с библейской плоскостью сюжета. Исследовательница говорит о символике числа в поэме «Москва – Петушки» в традиции христианской культуры. Л. Званникова [3] в своей интерпретации поэмы вскользь упоминает об особом отношении автора к числу 8, которое появляется в тексте несколько раз. Безусловно, роль цифровой символики поэмы «Москва – Петушки» является значительной. Однако нам представляется односторонним такой подход к изучению категории числа в прозе Вен. Ерофеева. Суждения исследователей относительно функции числа в «Москве – Петушках» до сих пор в обобщенную картину не сведены, вследствие чего затрудняется формирование целостного взгляда на творчество писателя.

Задачей нашей статьи является обнаружение особенностей функционирования категории числа в поэме «Москва – Петушки». Мы попытаемся понять и наглядно представить, каким образом в произведении с помощью числа достигается мера как условие единства стиля писателя. Для этого проследим, когда и с какой целью Вен. Ерофеев вводит категорию числа в текст поэмы.

В поэме «Москва – Петушки» существует несколько уровней числовой организации текста:

1) деление на главы (всего их сорок четыре);

2) обозначение ряда глав числом километров;

3) использование чисел в главах. Разбивая текст на главы, автор художественного произведения классического типа стремится структурировать текст на уровне повествовательной логики. В поэме Вен. Ерофеева, являющейся «образцовым для русского постмодернизма произведением» [4], такое деление можно считать условным, поскольку свою традиционную функцию оно не выполняет: названия глав не связаны с их содержанием. Это всего лишь обозначение местонахождения главного героя в начале и в конце поэмы и каталог перегонов, преодолеваемых поездом на отрезке Москва – Петушки. Деление является условным и потому, что нередко название главы разрывает синтаксическую конструкцию: «Например, так: к восемнадцати годам или около того я заметил, что с первой дозы по пятую включительно я мужаю, то есть мужаю неодолимо, а вот уж начиная с шестой

КУПАВНА – 33-Й КИЛОМЕТР

и исключительно по девятую – размягчаюсь [5]», или диалог героев:

«– Как звать тебя, папаша, и куда ты едешь?

ХРАПУНОВО – ЕСИНО

– Митричем меня звать» [5; С. 163]. С другой стороны, иллюзия структуры все же позволяет автору в достижении различных экспрессивно-коммуникативных эффектов: с помощью обозначения очередного отрезка пути электрички тексту задается некая динамика, и читатель может «следить» за перемещением героя в пространстве. Кроме того, изначально определенный маршрут в сопоставлении с указанными перегонами в названиях глав создает ощущение предугаданности финала произведения: все должно закончиться в Петушках, и каждая станция приближает читателя к развязке.

Обозначение ряда глав числом километров, казалось бы, также не имеет связи с внутренней смысловой структурой. Но это не так. На пути следования электрички семь станций с цифрой в названии: 33-Й КИЛОМЕТР, 43-Й КИЛОМЕТР, 61-Й КИЛОМЕТР, 65-Й КИЛОМЕТР, 85-Й КИЛОМЕТР. Указанные главы-перегоны характеризуются тем, что в выделенных таким образом сегментах текста герой мыслит цифровыми категориями. Например, в главе «КУПАВНА – 33-Й КИЛОМЕТР» Венечка делится с читателем загадкой, над которой бился три года подряд: каким образом он может выпить одиннадцатую «дозу» и не заснуть. «А ведь все раскрылось так просто! Оказывается, если вы уже выпили пятую, вам надо и шестую, и седьмую, и восьмую, и девятую выпить сразу, одним махом – но выпить идеально, то есть выпить только в воображении. Другими словами, вам надо одним волевым усилием, одним махом – не выпить ни шестой, ни седьмой, ни восьмой, ни девятой.

А выдержав паузу – приступить непосредственно к десятой, и точно так же, как девятую симфонию Антонина Дворжака, фактически девятую, условно называют пятой, точно так же и вы: условно назовите десятой свою шестую <…>» [5; С 154].

Здесь цифры из названия «главы» словно переходят в сам текст, становясь неотъемлемой частью содержания поэмы.

На перегоне «33-Й КИЛОМЕТР – ЭЛЕКТРОУГЛИ» Венечка занимается «исследованием пьяной икоты в ее математическом аспекте» [5; С. 155]: «…записывайте на бумаге,

в каких интервалах ваша икота удостаивает вас быть – в секундах, конечно:

– восемь – тринадцать – семь – три – восемнадцать.

Попробуйте, конечно, отыскать здесь хоть какую-нибудь периодичность, хоть самую приблизительную, попробуйте, если вы все-таки дурак, попытайтесь вывести какую-нибудь вздорную формулу, чтобы хоть как-то предсказать длительность следующего интервала. Пожалуйста. Жизнь все равно опрокинет все ваши телячьи построения» [5; С. 156]. Привыкший все упорядочивать и классифицировать, герой всерьез говорит об икоте, как о сфере фатального: «жизнь посрамит и вашу элементарную, и вашу высшую математику» [5; С. 156]. В результате долгих рассуждений Венечка приходит к глобальным выводам: «Не так ли в смене подъемов и падений, восторгов и бед каждого отдельного человека – нет ни малейшего намека на регулярность? Не так ли беспорядочно чередуются в жизни человечества его катастрофы? Закон – он выше всех нас. Икота – выше всякого закона. <…> О н а неисследима, а мы – беспомощны» [5; С. 156-157]. Вот так, издеваясь над самостоятельно изобретенными исследованиями пьяной икоты, Венечка, отчаянно цепляясь за возможность упорядочить явления своей (и чужой) жизни с помощью чисел, признает наличие высшей силы, управляющей судьбой человека и разрушающей плоды его деятельности. Тем не менее, герой соблазняется мыслью структурировать то, что заведомо структурированию не поддается. И мастерски справляется с этой задачей. Смысла в этих вычислениях нет, как и в самом процессе. Здесь возникает иллюзия порядка, который так необходим Венечке для защиты от хаоса окружающей его реальности. Мнимый порядок успокаивает героя, и он призывает всех смириться и быть терпеливыми: «Вы вступили, по собственной прихоти, в сферу фатального» [5; С. 156].

Яркий пример числового мышления героя можно найти и в «главе» «ЭЛЕКТРОУГЛИ – 43-Й КИЛОМЕТР». На этом перегоне Венечка делится с читателем великолепными рецептами оригинальных коктейлей: «…Если я сегодня доберусь до Петушков – невредимый, – я создам коктейль, который можно было бы без стыда пить в присутствии Бога и людей» [5; С. 157]. Ключевым здесь является слово «создам», символизирующее желание творить, т. е. структурировать, соединять вещи, друг с другом изначально не связанные. По его мнению, только в коктейле «есть и каприз, и идея, и пафос, и сверх того еще метафизический намек» [5; С. 158].

Компоненты всех коктейлей даны с точностью до грамма, а каждый коктейль снабжен четкими инструкциями и красочными характеристиками. Кроме того, Венечка подробно объясняет, почему необходимо использовать именно те составляющие, которые он указывает. В создании коктейлей опять проявляется любовь героя к упорядочиванию вещей, имеющих значение только для него. Трудно представить себе человека, способного смешивать подобные компоненты в нужных пропорциях, даже в целях проверки действия на свой организм того или иного «бальзама». Тема коктейлей продолжается и на перегоне «43-Й КИЛОМЕТР – ХРАПУНОВО».

В следующей главе, в название которой включены цифры, – «ФРЯЗЕВО – 61-Й КИЛОМЕТР» попутчик Венечки, черноусый, размышляя о равновесии в природе, выводит «лемму» и чертит объясняющий ее график:

Это графическое изображение состояния человека до и после принятия алкоголя. «Горизонтальная линия – это линия обычной трезвости, повседневная линия. Наивысшая точка кривой – момент засыпания, наинизшая – пробуждения с похмелья…

– Видите! Это же голая зеркальность! Глупая, глупая природа, ни о чем она не заботится так рьяно, как о равновесии! Не знаю, нравственна ли эта забота, но она строго геометрична! Смотрите: ведь эта кривая изображает не только жизненный тонус, нет! Она все изображает. Вечером – бесстрашие, даже если и есть причина бояться, бесстрашие и недооценка всех ценностей. Утром – переоценка всех этих ценностей, переоценка, переходящая в страх, совершенно беспричинный» [5; С. 170-171].

Здесь находит свое воплощение проблема Хаоса и Порядка. С математической точностью черноусый доказывает свою «лемму», утверждая, что она применима к каждому, кроме «бабы», поскольку «с появлением бабы нарушается всякая зеркальность» [5; С. 171]. Предметом его расчетов становится обычное пьянство, но вывод глобален и касается всех законов природы: есть равновесие, но существует и то, что это равновесие нарушает, то, что приводит к деформации системы.

В главе «105-Й КИЛОМЕТР – ПОКРОВ» ярким примером «числового» мышления Венечки становится общение со Сфинксом, который загадывает ему умопомрачительные загадки, отражающие жизненный путь героя. Структура загадок пародирует задачи из учебников по математике 1950-1960-х гг.:

«Знаменитый ударник Алексей Стаханов два раза в день ходил по малой нужде и один раз в два дня – по большой. Когда же с ним случался запой, он четыре раза в день ходил по малой нужде и ни разу – по большой. Подсчитай, сколько раз в год ударник Алексей Стаханов сходил по малой нужде и сколько по большой, если учесть, что у него триста двенадцать дней в году был запой» [5; С. 201].

Остальные загадки аналогичны. Их условия представляют собой «перевернутое» повествование о событиях из жизни Венечки, извращенно деконструированных сознанием Сфинкса. Здесь обнаруживается еще одна мнимая система – искаженное отражение сюжета поэмы. Вот почему последняя загадка предвосхищает финал произведения: «А в Петушки, ха-ха, вообще никто не попадет!..» [5; С. 203].

Использование чисел в названиях глав поэмы, несомненно, связано с математическими расчетами Венечки на перегонах, включающих данные станции. Но цифры становятся неотъемлемой частью содержания не только в этих главах. Вершиной числового мышления героя можно считать «индивидуальные графики» выпитого на производстве:

«Сказать ли вам, что это были за графики? Ну, это очень просто: на веленевой бумаге черной тушью рисуются две оси – одна ось горизонтальная, другая вертикальная. На горизонтальной откладываются все рабочие дни истекшего месяца, а на вертикальной – количество выпитых граммов, в пересчете на алкоголь» [5; С. 139]. В конце каждого месяца рабочие отчитывались перед Венечкой: «в такой-то день выпито того-то и столько-то, в другой – столько-то, et cetera», а он изображал «все это красивою диаграммою» [5; С. 139]. Эти графики, по мнению героя, «выбалтывали все, что только можно выболтать о человеке и о человеческом сердце: все его качества, от сексуальных до деловых, все его ущербы, деловые и сексуальные. И степень его уравновешенности, и способность к предательству, и все тайны подсознательного, если только были эти тайны» [5; С. 140]. Мастерски систематизируя количество выпитого на производстве, прибегая для этого к построению графиков, Венечка стремится к желанному Порядку. Цель создания «красивых диаграмм» абсурдна, но герой относится к данному процессу очень серьезно: «Душу каждого мудака я теперь рассматривал со вниманием, пристально и в упор» [5; С. 140]. Графики здесь становятся элементом достижения гармонии, к которой так стремится Венечка.

Математическими расчетами и числами на микроуровне пронизан весь текст поэмы «Москва – Петушки». Автор, пытаясь выстроить все иррациональное по законам логики и

рассудка, использует категорию числа. Сплетение в тексте рационалистической четкости с очевидным абсурдом поражает своей изощренностью. Числовой, логизированный ряд, призванный разомкнуть заколдованный круг хаоса, оказывается фикцией, иллюзией искомого Порядка. Такая подмена не приводит к созданию Космоса, и герой, потерявшийся в бесконечных построениях псевдосистем, обречен понять это только в финале поэмы.

Литература

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика / А.Ф. Лосев. – М., 1963. – С. 216.

2. Смирнова Е. Венедикт Ерофеев глазами гоголеведа / Е. Смирнов // Русская литература, 1990. – № 3.

3. Званникова Л. «Москва – Петушки» и пр.: Попытка интерпретации / Л. Званникова // Знамя, 1996. – № 8.

4. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм (Очерки исторической поэтики): монография / М.Н. Липовецкий. – М., 1997. – С. 112.

5. Ерофеев Вен. Москва – Петушки // Мой очень жизненный путь. М., 2003. С. 153-154.

Коротко об авторе / Some facts about author

Смирнова Елена Евгеньевна, аспирантка кафедры теории литературы и литературы XX в., Ивановский государственный университет, <elena.smirnova@it-studio.ru>

Smirnova Elena, graduate of Literature Theory and 20 Century Literature Department in the Ivanovo State University, <elena.smirnova@it-studio.ru>

Научные интересы: проза и записные книжки Венедикта Ерофеева, теория постмодернизма, литературная критика XX в., поэзия Серебряного века, современная литература в сети Интернет

Scientific interests: the prose and daybooks of Venedict Erofeyev, the theory of post-modernism, literary critic of 20 century, the poetry of Silver age, modern literature in Internet

УДК 82.02

М.В. Философова
M. Philosofova

СПЕЦИФИКА ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И. АННЕНСКОГО

SPECIFIC CHARACTER OF LITERARY CRITICAL DISCOURSE OF I. ANNENSKY

Статья посвящена изучению стилистического и композиционного своеобразия литературно-критической прозы И. Анненского.

Стиль произведения трактуется как единая перцепция, которой подчинены все формально-структурирующие текстовые элементы.

Идея отражения рассматривается как интегральная и интегрирующая категория литературно-критического дискурса И. Анненского.

Делается вывод о синергетическом характере дискурсивного мышления критика

The article is devoted to the research of stylistic and compositional originality of literary critical prose of I. Annensky. Style of the work is interpreted as single perception to which all formal-structural text elements are subordinate. An idea of reflection is considered as an integral and integrating category of I. Annensky literary critical discourse. There is a conclusion about synergetic character of discursive thimking of the critic

Ключевые слова: эстетика Серебряного века

Key words: aesthetics of Russian literature Silver Age

Проза первой половины XX в. характеризовалась устойчивым стремлением к разного рода экспериментам, отрицанию существующих канонов и попыткам претворить в жизнь новые принципы организации художественного текста. Это свойственно как авторам, склонным к модернистскому и авангардистскому типам построения эстетического феномена, так и писателям, следующим традиционным повествовательным приемам, а также и тем, в чьем творчестве соединились новая поэзия модернизма и глубоко усвоенный опыт социально-психологической литературы XIX в., таким как поэт и литературный критик И. Анненский.

Имя замечательного русского поэта и незаурядного критика Иннокентия Анненского долгое время находилось вне поля исследовательского внимания. И. Анненскому удалось не только избежать вторичности, наследования кого-либо из «великих», но и создать свой собственный поэтический стиль и оригинальный критический метод.

Специфика стилистических особенностей творчества И. Анненского, без сомнения, кроется в его творческой философии, в том, с каких позиций автор подходит к рассмотрению литературного произведения.

И. Анненский из тех авторов, которыми руководит стремление к созданию метатекстового пространства в своем творчестве. Характерным тому примером служит его знаме-

нитый стихотворный сборник «Кипарисовый ларец» (1910), структура которого представляет собой набор метациклов. Цикл «Трилистник», открывающий сборник, включает в себя еще двадцать пять подциклов-«трилистников», каждый из которых, в свою очередь, состоит из трех произведений, объединенных тематически («Трилистник сумеречный», «Трилистник соблазна», «Трилистник Тоски» и т.д.). Завершает сборник цикл из трех «Складней», в каждом из них стихи располагаются по два.

Подобное стремление к упорядочению творческого материала или, скорее, к его объединению, характерно и для критической прозы И. Анненского. Фундаментальный труд всей его жизни – две «Книги отражений» имеет аналогичную структуру «цикла в цикле». Впервые подобный стилистический ход Анненский применил именно к своей критической прозе. Первая «Книга отражений» увидела свет в 1906 г., тогда как сборник «Кипарисовый ларец» является посмертным изданием 1910 г. Несомненным остается факт, что склонность к определенным образом структурированному тексту у Анненского неслучайна и является одной из основных примет его стиля, а стиль, как известно, не просто «духовный почерк» писателя, но и отражение его философии.

Осмыслить это явление в свое время пытались многие критики. Среди них В. Брюсов. В своей знаменитой книге рецензий «Далекие и близкие» (1912) он объясняет подобное явление с философских позиций: «Он [Анненский] мыслил по странным аналогиям, устанавливающим связь между предметами, казалось бы, вполне разнородными…» [2; С. 159]. В целом В. Брюсову, тонкому наблюдателю, удалось уловить смысловое ядро философии Анненского: соединение дальних контекстов и дальних идей за счет свободных авторских «аналогий». Последнее слово можно считать поистине значимым, поскольку в нем содержится потенциал, из которого и вырастает стиль как авторская философия Анненского.

Многие критики и исследователи, отталкиваясь от общего понимания «принципа аналогий», пытались по-своему переосмыслить творческую философию Анненского. При этом каждый посчитал необходимым найти свое кодовое слово в этой философии. Так, для Вяч. Иванова таким словом стал термин «ассоциация». В своей статье «О поэзии Иннокентия Анненского» он именует стиль критика «ассоциативным символизмом» [5; С. 170]. Исходная точка этого стиля – в трансформации «физически и психологически конкретного, но не определенного непосредственно, а изображенного через ряд ассоциаций, имеющих с ним тонкую связь, обнаружение которой помогает многосторонне и ярко осознать душевный смысл явления, ставшего для поэта переживанием, а иногда – впервые назвать его – прежде обычным и пустым, ныне же столь многозначительным именем» [5; С. 170].

Мы позволили себе столь длинную цитату, поскольку именно в этих словах Вяч. Иванову удалось передать то, что можно назвать телеологией стиля И. Анненского. Суть этой телеологии заключается в кратком лозунге, сформулированном тем же Вяч. Ивановым: «a realibus ad realiora», что значит «разумное основание в вещах» [5; С. 171]. Перифразируя Иванова, можно сказать, что Анненскому путем отстранения от вещи удается проникнуть к ее сути, увидеть и понять вещь как таковую, открыть ее заново для себя. Вяч. Иванов сравнивает стиль Анненского с «эффектом разоблачения» [5; С. 171] вещи, которым широко пользовались импрессионисты.

Не менее чуткий и дальновидный критик Д. Святополк-Мирский находит «разгадку» стиля Анненского в системе «чисто эмоциональных соответствий»: «…стихотворение развивается в двух связанных между собой планах – человеческая душа и внешний мир; каждый – тщательно проведенная параллель между состоянием души и мира вне ее» [9, 692].

Л.Я. Гинзбург в статье «Вещный мир», название которой емко характеризует эстетику И. Анненского, интерпретирует телеологию его стиля через ключевое слово «сцепление». Под «сцеплением» Л. Гинзбург подразумевает

«вещно-психологическую изнанку» поэзии И. Анненского, но, в отличие от предыдущих исследователей его литературно-критического творчества, Л. Гинзбург привносит в свое исследование оттенок пессимизма: «связь, сцепление – существуют, но смысл сцепления непонятен, оно бесцельно и тем самым противоположно гармонии (слиянию)» [3; С. 316].

На первый взгляд, с подобным утверждением Л. Гинзбурга трудно не согласиться, поскольку аргументация и последующие рассуждения кажутся неоспоримыми, но мы не будем делать поспешных выводов, не ознакомившись прежде с точкой зрения самого И. Анненского на свой философский и критический метод.

Итак, И. Анненский именует свою первую книгу критических рассуждений «Книгой отражений». В предисловии к изданию дается пояснение столь необычному заглавию: «Мои очерки – отражения, это вовсе не метафора» [1; С. 5]. Следуя авторской логике, слово «отражение» следует понимать буквально, как нечто, «являющееся отображением, воспроизведением чего-либо, в чем обнаруживаются следы влияния, воздействия чего-либо» [13; С. 704]. Слово «отражение» критик выделяет курсивом, что, несомненно, подчеркивает его контекстуальную обусловленность.

Однако последующий комментарий значительно расширяет семантические границы термина: «Поэтическое отражение не может свестись на геометрический чертеж. Я же писал здесь только о том, что мной владело, за чем я следовал, чему я отдавался, что я хотел сберечь в себе, сделав собою» [1; 5]. На наш взгляд, эти слова отражают направление поэтики авторского взгляда.

Важнейший аспект теории отражения для Анненского – аспект гносеологический, восходящий еще к работам античных философов, осмысляющих отражение как синтетическую форму познания мира, в которой сочетается «темное» знание о предметах и явлениях, «источающих» нечто вроде «идолов», образных импульсов, и «светлое», являющееся осмысленной, разумной ступенью познания.

Текст Анненского мифологичен по своей внутренней эстетике: он соединяет в себе микрокосм внутреннего мира своего автора, микрокосм читателя этого текста и макрокосмическую обращенность ко всему миру, представляя классический образец сочетания «всего во всем» или того, что А.Ф. Лосев называл «всеобщим оборотничеством» [8; С. 671], когда каждый объект и каждое действие сопричастно другому объекту или действию. Леви-Стросс называл подобный тип мышления бриколажным [7; С. 228]. В подобном всеобщем отражении нет четкого разделения субъекта, объекта действия.

Понимание критиком слова, по-видимому, определяется особой синкретичной логикой восприятия отдельного явления во всей неразрывной диффузности его смысловых связей. Поэтому понятие о слове являет собой пример совсем иной логики – логики «сопричастия» (парципации) [6; С. 56], логики инкорпорирующей. В рамках этой логики вполне закономерным становится восприятие слова как логосно-символического образования.

Сопричастность к тексту – свойство не только автора, но и читателя, поскольку «само чтение поэта есть уже творчество» [1, 5]. Взаимное переливание автора и читателя в текст есть прямое свидетельство диффузности, мифологичности мышления И. Анненского, в отличие от линейного характера мысли «обыкновенного критика», который стоит вне произведения, «разбирает [его] и оценивает» [1; С. 5].

Изначальная тотально-мифологическая установка Анненского сочетается с интуитивно-сенсуалистическим принципом отбора произведений для литературно-критического анализа: «Я брал только то, что чувствовал выше себя, и в то же время созвучное» [1; С. 5].

В предисловии ко «Второй книге отражений» Анненский развивает свою мысль, и мы можем наблюдать, как к категории мифологического приобщается и сам текст, становясь «не только одно» с автором, «но и одним в себе» [1; С. 123].

Заметим, что данное предисловие было вынужденным актом со стороны писателя. Оно адресовано тем современным критикам, которые не поняли и не оценили замысла первой книги. Критики, а среди них был и К. Чуковский, отмечали, что мысли Анненского о русских писателях крайне субъективны и фрагментарны [14]. Сознавая, что книга осталась так и непонятой современниками, Анненский в «Предисловии» ко «Второй книге отражений» дает «ключ» к своим «отражениям», упомянув, что книга его – «одно в себе» [1; С. 123]. Однако ключом этим так никто и не воспользовался, не пытаясь исходить из позиции самого автора, так и продолжая «разбирать и оценивать» вместо того, чтобы «искать отражения в себе» [1; С. 123].

Следует заключить, что И. Анненский рассматривал свои «Книги отражений» именно как циклические единства, содержащие в себе колоссальный миметический потенциал внутренней идеи соединения элементов за счет одновременного их притяжения и отталкивания.

Подтверждение этой мысли можно найти в рассуждениях И. Анненского о собственной книге. В письме к М.К. Лемке И. Анненский признается:

«Если Вы познакомитесь с текстом, то увидите, что это менее всего Сборник. Проблема творчества – вот что меня занимает…. «отражения» лишь внешне разрозненны. Эзотерически книга является не только единой, но и расчлененной» [10]. Таким образом, по мысли критика, цикл — единство, которое обнаруживается при анализе его на разных уровнях; сборник рассказов – гораздо более произвольное сосуществование художественных текстов.

Стиль произведения — единая перцепция, которой подчинены все формально-структурирующие текстовые элементы в творчестве И. Анненского.

Под стилем нами понимается «телеологически и идеологически обусловленное единство всех элементов поэтической формы, в ее отличие от других, ей аналогичных» [12; С. 18]. Всякий стиль есть системно-формальное выражение определенного мировоззрения. Морфологическими признаками стиля являются тематика произведения, эйдология, композиция преобладающих жанров, семантика и композиция речи.

Текст Анненского строится с известной долей сокрытости содержания, не столько обозначая мысль, сколько намекая на нее, предоставляя участнику имплицитного, а иногда и открытого диалога самому сделать заключение. Тем не менее, волновая специфика текста позволяет И. Анненскому соблюсти гармоническое равновесие между сплошностью и осмысленностью логосного текста и видимой безмысленностью дискретных, графически разреженных отрывков.

Анненский создает эффект эстетической рефлексии, и читатель на правах собеседника и сотворца может по-своему участвовать в создании текста и определять пути развития авторской мысли. Рождение мысли совершается не в затекстовом пространстве, а непосредственно на глазах читателя-собеседника. Приглашением к подобному творческому союзу с читателем служит свободное семантическое пространство: текстовые лакуны, незаконченные фразы, обрывающиеся многоточием или начинающиеся с многоточия, вопроса, одним словом, то «невыразимое», куда устремлена авторская мысль.

Безусловно, стилистически-композиционное своеобразие литературно-критической прозы И. Анненского свидетельствует о синергетическом характере его творческой манеры и образа мысли. Попытка заставить оценить свое творчество, исходя не из общепринятых норм, а из собственной эстетики и философии текста – смелый вызов литературной критике своего времени, почти не нашедший отклика у современников. «Мы не привыкли в России к этой утонченной, мудреной, «не прямой» манере критического письма», – писала Л.Я. Гуревич [4; С. 74]. Через год после смерти Анненского Г. Чулков выразил общую мысль о

том, что «Книги отражений» остались непонятыми из-за своей «недосказанности» [15; С. 2]. На наш взгляд, именно в последней категории таится высокий исследовательский потенциал, и феномен творчества Анненского предстает перед читателем и исследователем ничем иным, «как бесконечно длящимся чудом» [11; С. 91].

Литература

1. Анненский И.Ф. Книга отражений / И.Ф. Анненский. – М.: Наука, 1979.
2. Брюсов В. Далекие и близкие / В. Брюсов. – М.: Скорпион, 1912.
3. Гинзбург Л.Я. Вещный мир // Л.Я. Гинзбург о лирике. – 2-е изд, доп. Л., 1974.
4. Гуревич Л.Я. Заметки о современной литературе / Л.Я. Гуревич // Русская школа, 1910. – № 1.
5. Иванов Вяч. О поэзии Иннокентия Анненского // Вяч. Иванов Родное и вселенское. – М., 1994.
6. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении / Л. Леви-Брюль. – М.: Педагогика-Пресс, 1994.
7. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – М.: Наука, 1983. – С. 228.
8. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. Исторический смысл эстетики Возрождения / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1998.
9. Мирский Д.С. История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Д.С. Мирский // Пер с англ. Р. Зерновой. Overseas Publications Interchange Ltd. London, 1992.
10. Письмо И.Ф. Анненского к М.К. Лемке 13 января 1909. ЦГАЛИ, ф. 6, оп. 1, ед. хран. 341.
11. Раков В.П. Филология и культура: статьи / В.П. Раков. – Иваново: МИК, 2003.
12. Сакулин П.Н. Теория литературных стилей / П.Н. Сакулин. – М., 1928.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988. – Т. 2. К-О. 1986.
14. Чуковский К. Об эстетическом нигилизме / К. Чуковский // Весы. – 1906. – № 3-4.
15. Чулков Г. Траурный эстетизм / Г. Чулков // Аполлон. – 1910. – № 4.

Коротко об авторе / Some facts about author

Философова Марианна Валерьевна, аспирантка кафедры теории литературы и русской литературы XX в., Ивановский государственный университет, mar-r@mail.ru

Научные интересы: вопросы поэтики и стиля литературного произведения, слово в литературе и эстетике Серебряного века

Filosofova Marianna, graduate of Literature Theory and the Russian Literature of 20 Century Department in the Ivanovo State University, mar-r@mail.ru

Scientific interests: problems of poetry and style of literary work, word in literature and aesthetics of Silver Age

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 384

В.П. Галуза
V. Galuza

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ДВОРЯНСКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ ПО РЕФОРМИРОВАНИЮ РОССИИ

POITICAL AND LEGAL ASPECTS OF NOBLE REVOLUTIONISTS CONCEPTION ABOUT THE REFORMING OF RUSSIA

В работе изложены политические и правовые аспекты концепции дворянских революционеров (декабристов) по реформированию России.

Представлен комплекс идей членов тайных организаций, отраженных в их программных документах начала XIX в.

Рассмотрено многообразие политико-правовых источников. Показана деятельность дворян-революционеров, нацеленная на будущее России

The article contains political and legal aspects of noble revolutionists (the Decembrists) conception about the reforming of Russia.

There is a complex of clandestine organizations members ideas reflected in their policy documents of the early 19th century.

The variety of political and legal sources is considered. The activity of noblemen-revoultionists focused on the future of Russia is shown in the article

Ключевые слова: концепции дворянских революционеров (декабристов)

Key words: noble revolutionists (the Decembrists) conceptions

Исторические условия формирования и развития идей «декабристов» (термин нарицательный – В.Г.) зачастую характеризуются несколько упрощенно. Речь идет лишь о том, что молодые офицеры, участвовавшие в Отечественной войне 1812 г., столкнувшись с опытом Франции, попытались увиденное переложить на русский менталитет. Несомненно, что участие в освободительном походе в Западную Европу сыграло роль первичного импульса для развития ряда идей декабристов. Однако, по нашему мнению, анализ как идей декабристов, так и самого декабристского движения, многое теряет без рассмотрения его в более широкой исторической ретроспективе прогрессивных буржуазных преобразований не только во Франции, но и в других частях как Старого, так и Нового Света.

Суженная ретроспектива анализа теоретической базы декабристского движения приводит, по нашему мнению, как к обеднению палитры идей декабристов, так и к упрощенной их трактовке, недостаточному вниманию к анализу многообразия тенденций русского революционного движения.

Следует, прежде всего, учитывать, что

наполеоновская Франция в условиях установления института императора начала меняться внутренне, теряя привлекательность в глазах ранее поднятых на революционные преобразования достаточно широких социальных групп и классов. Сужение социальной базы французской революции явилось одной из причин (пусть и не единственной) ее поражения. В то же время в других регионах в Старом и Новом Свете и, прежде всего, в Северо-Американских Штатах, накапливался не менее серьезный опыт преобразований.

Сужение теоретической базы и исторического опыта как материала декабристского движения в России приводит к недооценке целостности их правовых концепций, поскольку речь шла не просто о свержении абсолютной монархии и установлении республики или ограничении монархии конституцией (государственное право), но о целом комплексе правовых институтов гражданского и уголовного, введение или переосмысление которых только и могло придать завершенность революционным преобразованиям в России. Развитие общественного и национально-освободительного движения во многих государствах мира, а также принятие Конституции США, Франции, Испании наложили особый отпечаток на формирование правовых институтов в политических программах тайных декабристских организаций.

Среди важнейших задач Французской революции 1789-1793 гг. была и такая, как достижение и реализация конкретных правовых институтов буржуазного государства. В «Декларации прав человека и гражданина», конституции были провозглашены идеи естественного права. Именно эти идеи оказали серьезнейшее влияние на истинный цвет тогдашнего русского общества декабристов. Многие видели осуществление целей, «соответствующих их собственным социальным и политическим стремлениям» [1]. Отсюда стремление идеологов декабристского движения к разработке новых принципов уголовного права в области наказания, разработке понятия «презумпция невиновности» в уголовном праве.

Несмотря на известное отставание соответствующего Уголовного законодательства наполеоновской Франции от наиболее прогрессивного на тот момент Гражданского кодекса (Code civile), оно, сравнительно с российским уголовным законодательством, было весьма перспективным, поскольку в нем был разработан ряд прогрессивных принципов уголовного процесса.

Аналогично обстояло дело и с опытом Испанской революции 1808-1810 гг., в ходе которой была сделана попытка решения ряда вопросов права землепользования: ликвидации феодальной системы аренды земли; передачи прав землепользования частью королевских и общинных земель безземельным крестьянам.

В ходе Испанской революции 1820-1823 гг. также осуществлялись попытки изменения базовых элементов уголовного, гражданского, материального и процессуального права: уничтожение инквизиционного процесса; решения ряда вопросов права землепользования и таких, как восстановление ряда законодательных актов об отмене феодальных земельных повинностей, изъятие у монастырей части земли, внесение новых предложений по ограничению феодального землевладения.

Несомненно, что опыт преобразований рассматриваемого периода Швейцарии, Латиноамериканских революций, одним из результатов которых были попытки выработки процессуальных гарантий личности (право на защиту, презумпция невиновности и разрешение ряда прогрессивных положений в области избирательного права) также не остался без внимания российских революционеров.

Переосмысленные применительно к новым задачам американского общества правовые институты были заложены и нашли свое отражение и в Конституции США 1787 г. с ее поправками и изменениями до 1823 г. В ней обеспечивалась и осуществлялась разработка некоторых прогрессивных положений в области судопроизводства: введение суда присяж-

ных; право обвиняемого на публичный суд и защитника; судебное разбирательство по месту совершения преступления.

В Конституции США обеспечивалась разработка понятия отдельных государственных преступлений, а также системы избирательного права. Провозглашены ряд политических свобод граждан: свободы слова, печати, собраний, вероисповедания. Конституция предусматривала создание милиционной формы ополчения; привлечение к уголовной ответственности и применению наказания только на основании закона.

Сама же Конституция США имела буржуазно-демократический характер и достаточно предметно формировала правовые институты государства: четкое разграничение компетенции конгресса и Президента США; республиканская форма правления, основанная на теории разделения властей; разработка принципов и системы избирательного права; установление имущественного ценза при выборе представительных органов; утверждение уголовно-процессуальных гарантий личности: условия задержания, ареста, содержания под стражей, провозглашения принципа презумпции невиновности; провозглашение принципа невмешательства в области международного права; провозглашение в уголовном праве принципа наказания в строгом соответствии с законом; провозглашение принципа неприкосновенности частной собственности; разработка некоторых положений избирательного права: право избирать и быть избранным имеет мужское население с 25 лет; наличие незначительных цензовых ограничений.

Несомненно, что эти тенденции развития правовой теории как правовой основы национально-освободительного движения революционных масс и конституций (основных законов) в других странах не могли не учитываться и в программных документах тайных обществ России 1816-1825 гг. Естественно, что дворянские революции не ограничиваются одной критикой действующего законодательства. Они не только делают теоретические разработки тех или иных правовых институтов, но и занимаются подготовкой будущих органов надзора за соблюдением законов со стороны должностных лиц и государственных учреждений.

В своем конституционном проекте выдающийся дворянский революционер П.И. Пестель, доказывая необходимость государственных преобразований в России, утверждал, что ее политический строй может быть основан «на одних только точных и справедливых законах и постановлениях» [2]. Это, в свою очередь, ведет к главнейшей необходимости: в издании полного нового Уложения, или Свода законов России.

В «Записке о государственном правлении» (1818-1819 гг.) и в «Кратком умозрительном обозрении государственного правления» (1820 г.) П.И. Пестель дает общее определение понятия «право». Он пишет: «Закон – суть правила, выражающие устройство и образование вещей и определяющие порядок и круг их действия» [3].

Из провозглашения декабристами принципа равенства всех граждан перед законом и вывод о недопустимости его нарушения. Н.М. Муравьев в проекте своей конституции указывает, что «никакое нарушение закона не может быть оправдано» [4].

Многие декабристы являлись последовательными сторонниками кодифицированного законодательства. Н.И. Тургенев, выделяя в плане политических преобразований в России ряд периодов, писал: «В течение первого периода надлежит заняться: 1. Составлением кодекса всех законов» [5]. С предложением же о создании в будущем полного свода законов П.И. Пестель в последней главе своей работы «Русская Правда» предусматривал необходимость дать наказы для его составителей и внести конкретные предложения по разработке отдельных отраслей права.

Высокая оценка правовых начал в жизни общества проявилась в известном факте предложения ряда декабристов ввести в высшие органы управления будущей России известного реформатора М.М. Сперанского, за-

нимавшегося проблемами кодификации права и составившего Свод законов Российской империи. М.М. Сперанский в период следствия по делу декабристов был по иронии судьбы включен императором Николаем I в состав следственной комиссии. Это обычно подается как исторический парадокс. По нашему мнению, данный «курьез» может быть и должен быть переосмыслен в широкой исторической перспективе. Зачастую говорится о том, что декабристы потерпели поражение. Факт суда над ними и жестокого наказания не может быть оспорен. Однако сохранение позиций М.М. Сперанского в системе государственного управления России подталкивает нас к несколько другим выводам. Идеи декабристов в последующий исторический период были в значительной степени реализованы. Однако эта реализация осуществлялась уже не самими декабристами, а силами многочисленных воспитанников М.М. Сперанского, отправленных на учебу в Западную Европу, в основном, в германские университеты. Реализация правовых идей декабристов могла быть осуществлена только при активном участии большого количества профессиональных юристов, которых в период декабристского восстания в России просто не было. Рассмотрим несколько подробнее диалектику идей декабристов и их реализации.

Не пытаясь охватить все стороны правового поиска декабристов в государственном, гражданском и уголовном праве, остановимся на судьбе базовых правовых идей в сфере государственного управления и самоуправления и избирательного права. Важнейшим вопросом в деятельности членов тайных обществ явилось их понимание избирательного права и роль различных народных масс государства. Правовые взгляды декабристов на избирательную систему значительно опережали события и положение дел в стране.

В программных документах определялась роль различных социальных групп, дворян, других сословий, входящих путем избрания в органы государственной власти и местного самоуправления.

После отмены крепостного права, крестьянское общественное устройство в сельской местности по Положению 1861 г. представляла из себя сословные волости. Волостное управление составляли волостной сход, волостной старейшина с волостным правлением и волостной крестьянский суд. Должности крестьянского общественного управления замещались по избранию на три года. Сельский сход и сельский староста составляли сельское общественное управление.

Выборный сельский староста наделялся обширными полномочиями как по делам общественным, в пределах сельского общественного управления, так и административно-полицейским (охрана общественного порядка, безопасность лиц и имуществ, паспортный контроль). В отсутствии сельского старосты решения сельского схода считались незаконными.

В итоге волостное и сельское самоуправление при таких условиях развития не получило. Основным недостатком крестьянского самоуправления было сохранение сословного принципа в его формировании. Органы крестьянского общественного управления находились под двойным контролем: как со стороны местных учреждений по крестьянским делам, основной состав которых формировался из помещиков, так со стороны местных судебно-административных органов, представители которых одновременно замещали должности по крестьянскому управлению. Массовое недовольство крестьян своим положением, осознание местным дворянством бедственного состояния дел в губерниях привели к всплеску политической активности. Результатом явилось утверждение Александром II компромиссного Положения о земских учреждениях 1864 г.

В основу данного Положения был заложен принцип имущественного ценза, причем на первый план все же выдвигались интересы дворян землевладельцев, а с интересами промышленников и крестьян государство считалось мало. В итоге преобладающее внима-

ние на местные дела было предоставлено дворянству. В то же время необходимо ответить, что в начале XIX в. в России проявилось мощное революционное движение в сторону изменения формы государства, принятие конституции и введение республиканского правления. Государственно-правовые взгляды декабристов были изложены в их программах-документах 1816-1825 гг., но в сути царизм пошел по другому пути. Об этом свидетельствует земское и городское самоуправление.

Земства располагало очень скудными средствами. Главным источником новых доходов являлось право облагать земских налогоплательщиков новыми налогами. При всяком улучшении, которое предпринималось земством, за неимением других источников приходилось прибегать к повышению налогов. Но и в этой сфере компетенция земства была ограничена: право земства на обложения торгово-промышленных предприятий было значительно урезано Временными Правилами. Для новых налогов оставались одни земли, хотя земли и без того несли высокие платежи, которые на крестьянских участках нередко превосходили свои доходы.

Но даже в таких узких приделах земства не пользовались свободой и самостоятельностью: многие постановления земств, заключение займов, проекты смет требовали утверждение губернатором или министром внутренних дел. Каждое постановление могло быть опротестовано губернатором. Дела по таким протестам в последние инстанции решались Сенатом. Наконец, оставляя местную полицейскую часть в ведении правительственных учреждений и тем лишая земства исполнительной власти, закон 1864 г. еще более обессилил их.

13 июня 1867 г. в государстве был издан закон, еще более стеснивший земскую деятельность, и ввел губернаторскую цензуру. Отныне печатание постановлений и земских речей допускалось только с разрешения губернатора, а для земских изданий была установлена предварительная цензура. Затем последовало новое существенное стеснение для земской деятельности от 18 сентября 1869 г., земства были лишены права бесплатной пересылки корреспонденции.

Наиболее прогрессивной явилась реформа городского самоуправления, объявленной с утверждением Александром II 16 июня 1870 г. Городовым Положениям. Избирательное право как активное, так и пассивное, было предоставлено каждому городскому обывателю, какому бы сословию он не принадлежал, если он являлся русским подданным не младше 25 лет.

Лучшей стороной реформы 1870 г. было предоставление городскому общественному управлению сравнительно широкой самостоятельности в ведение городского хозяйства и решение местных дел.

На губернатора возлагался надзор лишь за законностью действий органов городского самоуправления. Судебную защиту городского самоуправления должны были обеспечивать губернские по городским делам присутствия.

По своей сути, Положение 1870 г. являлось крупным шагом вперед по сравнению с предшествующим периодом. Оно позволило говорить о реальных предпосылках формирования в России отрасли муниципального права и усиление административных начал 90-х гг. XIX столетия. Это способствовало всплеску муниципального законотворчества и избирательного права 1906-1917 гг.

Новое же Земское Положение 1890 г. фактически отрицало всякую связь с идеей местного самоуправления. По данному Положению, были лишены избирательных прав: духовенство, церковный притч, крестьянские товарищества, крестьяне, владеющие в уезде частной землей, лица, имеющие купеческие свидетельства, владельцы торговых и промышленных заведений, а также евреи. Сельские избирательные съезды были упразднены, гласные назначались губернатором из числа кандидатов, избранных волостными сходами. Был, по существу, уничтожен принцип выборности управ.

Учесть земских учреждений в 1892 г. постигла и городское самоуправление. Городовое Положение 1892 г. значительно урезало избирательное право для горожан, что привело к уменьшению числа избирателей в 6…8 раз и, в конечном счете, реформа 1890-1892 гг. отбросила устройство местной власти и систему муниципальных выборов в России далеко назад.

Таким образом, исследование деятельности декабристов в более широкой исторической перспективе позволяет сделать следующие выводы.

Декабризм – не только русское явление. Российские декабристы должны рассматриваться как звено демократических преобразований в масштабах не только России и даже Европы, но и с учетом взаимодействия идей Старого и Нового Света.

Идеи декабристов во многом явились отражением развития правовой теории в странах Западной Европы и Северо-Американских Штатов периода после Великой Французской революции.

Декабристы не только составили план изменения государственного строя России. Не менее серьезное внимание членами тайных обществ-революционеров уделялось развитию базовых институтов государственного, гражданского и уголовного права. Именно реализация правовых начал (и их детализация) преобразованного русского государства обеспечивала, согласно планам декабристов, окончательную победу новых отношений. Идеи декабристов в сфере гражданского и уголовного права как правовой основы реформирования России в XIX в. требуют специального анализа.

Поражение восстания на Сенатской площади не означало поражения идей декабристов и их планов реформирования России. Более того, именно декабристские идеи определяли дальнейшее движение России. Реализация идей декабристов в существенной мере связана с созданием профессиональной группы юристов, осуществленной их идейным союзником М.М. Сперанским.

Таким образом, политико-правовые идеи декабристов должны рассматриваться как непосредственная теоретико-правовая основа реформирования России на протяжении всего XIX в.

Литература

1. Штанге М.М. Русское общество и французская революция 1789-1794 гг. / М.М. Штанге. – М.: АН СССР, 1956. – С. 103.

2. Пестель П.И. Русская правда / П.И. Пестель // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1951. – С. 82.

3. Прозорова Н.С. Вопросы права в произведениях П.И. Пестеля / Н.С. Прозорова. – М.: Просвещение, 1975. – № 6. – С. 112.

4. Муравьев Н.М. Конституция / Н.М. Муравьев // Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. – Т. 1. – М.: Госполитиздат, 1951. – С. 303.

5. Солодкин И.И. Очерки по истории русского уголовного права / И.И. Солодкин. – Л.: ЛГУ, 1961. – С. 124.

Коротко об авторе / Some facts about author

Галуза Владимир Прокопьевич, доцент кафедры государственного и муниципального права юридического института, Читинский государственный университет (ЧитГУ)

Galuza Vladimir, associate professor of State and Municipal Law department of law institute of the Chita State university

Научные интересы: история дворянских революционеров

Sceintific interests: the histori of revolutionists (the Decembrists)

УДК 328

К.Г. Ланда
K. Landa

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК «ЛОКОМОТИВЫ» ГЛОБАЛИЗАЦИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

THE ROLE OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS AS GLOBALIZATION DRIVING FORCE IN CASPIAN REGION

Статья посвящена образованию единого глобального рынка, в рамках которого все большую роль играют наднациональные структуры – как международные политические, экономические и финансовые организации, так и транснациональные корпорации.

Значимый Каспийский регион как непосредственно граничащий с некоторыми из участников международных и региональных акторов не только не потерял свое значение в мировой геоэкономике и геополитике, но и его влияние

The article is devoted to the formation of a single global market in which supranational structures would play a key role – international political, economical and financial organizations as well as transnational corporations.

Significant Caspian region bordering with some of the participants of international and regional actors will not only loose its importance in world geoeconomy and geopolitics, but will keep its influence

Ключевые слова: транснациональные корпорации, национальная безопасность

Key words: transnational corporations, national security

Одной из важнейших перемен последних десятилетий в мире, как подчеркивает российский исследователь В. Соколов, стала некоторая эрозия национального государства в том виде, в каком оно складывалось, начиная с XV в., и достигло наивысшего развития к концу XIX в. С одной стороны, в ходе интеграционных процессов государства передают ряд своих функций наднациональным органам. С другой – эти процессы являются лишь отражением растущего могущества транснациональных экономических структур, влияние которых превосходит влияние любого отдельно взятого государственного ведомства. Регулирование деятельности таких структур в рамках отдельно взятого национального государства часто оказывается бессмысленным. Однако вряд ли правильно предсказывать полное исчезновение национальных государств. Скорее, следует ожидать, что они будут постепенно утрачивать функции исключительных носителей суверенитета и включаться в иерархическую вертикаль в качестве среднего звена (над ними – международные организации и наднациональные органы интеграционных группировок, под ними — органы регионального и муниципального управления с расширенными полномочиями) (1).

В этих условиях транснациональные корпорации (ТНК), создавая собственные ох-

ранные и разведывательные службы, превращаются не просто в центры экономического влияния, но до известной степени и в центры власти. ТНК в полной мере обмениваются развединформацией со своими государственными спецслужбами, и наоборот, властные институты государства открыто используются для помощи частным корпорациям. Интересы связанных с ТНК социальных групп не совпадают более с интересами государства, где они базируются. Развитие транснациональных структур в развитом мире и рост их могущества постоянно продолжаются. В то же время эти структуры распространяют свое влияние и на остальную часть мира, в том числе развивающиеся и постсоциалистические страны. Идеологическим обоснованием этого процесса служит классический экономический либерализм, основные постулаты которого применяются уже в масштабах не отдельного национального хозяйства, а всей планеты.

Главным инструментом и движителем глобализационных процессов в регионе как и во всем мире являются транснациональные корпорации.

Российская национальная безопасность в регионе состоит и настроена, в том числе и к осуществлению безопасного функционирования российских ТНК. Поступить по другому, – значит, направить все усилия по выстраиванию российской системы национальной безопасности по ложному пути (он потянет за собой псевдопланирование в военной, внешнеэкономической, геополитической областях и т.п.). За это время мы потеряем время, деньги, ресурсы, в том числе интеллектуальные, специалистов, отстанем от научно-технического прогресса и т.д., пока вновь не начнем разворачивать свой огромный «государственный корабль» на путь общих тенденций мирового развития (2).

Вместе с тем, государству необходимо контролировать, чтобы российские ТНК не ставили свои корпоративные интересы выше национальных. Так, весной 2007 г. «Газпром» отстоял свои интересы в спорах, возникших в отношениях с Республикой Беларусь по проблемам транспортировки углеводородов в Европу, хотя благоприятные дипломатические и братские отношения с Белоруссией для России важнее, чем интересы «Газпрома». Российские ТНК и их политика явление уникальное для России. Так, когда, по высказыванию многих специалистов и по некоторым статистическим данным, более 30 млн чел. в России зарабатывают ниже прожиточного минимума, когда в стране миллионы нищих, безработных и беспризорников, «Газпром», по конфидициальным данным, выделил для поздравления и празднования Нового 2007 г. своим сотрудника 70 млн долларов США. Не говорит ли это о нездоровом налоговом законодательстве России и не вступает ли здесь ТНК «Газпром» России как «Государство в государстве»? Более того, ТНК России всячески скрывают, у кого и что они закупают по импорту для строительства трубопроводных и иных систем, необходимых для организации своей деятельности. Это обстоятельство существенно затрудняет подготовку программ производства внутри страны импортозамещающего оборудования. Структуру своих закупок по импорту скрывают не только естественные монополии: «Газпром», «Транснефть», «Транснефтепродукт», «ЛУКОЙЛ», но и «ЮКОС» до банкротства, и другие нефтяные компании.

Мир вступил в эпоху геоэкономических войн, и то, что сегодня происходит в Каспийском регионе, можно отнести к геоэкономическим баталиям – борьба за освоение и разработку нефтяных месторождений, более того, за пути транспортировки нефти, так как в зависимости от мощности трубопроводной системы и того, в чьих руках находится кран прокачки углеводородов, те структуры и будут регулировать добычу нефте- и газопродуктов в регионе. Тут можно вспомнить афоризм легендарного основателя «Стандарт Ойл» Джона Рокфеллера: «Кто контролирует нефтетранспорт, тот держит в руках и добычу, и переработку нефти (3)».

Грандиозным успехом России с участием «Газпрома» и подтверждением сказанного

является то, что 12 мая 2007 г. в ходе встречи Президента РФ с главами центральноазиатских государств в Ашхабаде были достигнуты договоренности, закрепляющие приоритетную роль России в газовом секторе региона. Стороны решили расширить действующие экспортные газопроводы и построить Прикаспийский газопровод из Туркмении в Россию. Это сильно уменьшило шансы на осуществление лоббируемого Европой трубопроводного проекта «Набукко» планировавшее транспортировать Туркменский газ по дну Каспия в Азербайджан и далее в Европу, строительство которого недопустимо из-за сейсмической неустойчивости и экологической безопасности дна моря. В ноябре 2003 г. представители прикаспийских стран подписали Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря (Тегеранская Конвенция), которая вступила в силу 12 августа 2006 г. Это первый документ, принятый в пятистороннем формате. Основной целью его является обеспечение экологической безопасности этого уникального водоема и защиты его природных богатств в ходе освоения углеводородных ресурсов морского дна.

В настоящее время в каспийском регионе соперничают в конкурентной борьбе за сферы влияния несколько основных группировок международного капитала. Влияние крупнейших ТНК сосредоточено на геополитических вопросах, связанных с направлением прокладки новых трубопроводов и правом разработки нефтяных и газовых месторождений в Каспийском море. Вопросы, касающиеся трубопроводов, являются особенно сложными, учитывая политическую нестабильность в Закавказье, возможное использование Россией экономических и других рычагов для сохранения своего влияния в бывших союзных республиках, а также эмбарго и экономические санкции США против Ирана.

Наибольшую активность на Каспии проявляют американские ТНК. Именно они сформировали сильные лоббистские структуры в правительствах Азербайджана и Казахстана. Американский капитал контролирует АМОК – главный координатор работ по азербайджанской части каспийского шельфа. Компании принадлежит также важная роль и в окончательном определении магистрального направления Каспийского трубопроводного консорциума(4).

Первой из прикаспийских стран в освоении шельфа Каспия выступил Азербайджан, в одностороннем порядке заявивший о своих правах на национальный сектор Каспийского моря и закрепивший это в своей конституции, хотя была договоренность между прикаспийскими государствами не привлекать иностранные корпорации в Каспийский регион до определения статуса Каспия. Сегодня в Азербайджане работают представители 34 крупнейших компаний из 15 государств мира. Уже подписано более двадцати контрактов на разработку морских месторождений. В 1994 г. был заключен так называемый нефтяной «контракт века» по освоению трех крупных месторождений (Азери, Чираг и Гюнешли).

Азербайджан так же стал первым из постсоветских государств, на котором была применена классическая схема смены политического руководства страны при непосредственном участии иностранных ТНК. Тот факт, что BP и британская разведка активно участвовали в подготовке государственного переворота 1993 г., в свержении первого демократически избранного Президента Азербайджана Абульфаза Эльчибея, который был сторонником суверенности государственной политики и экономики, признается уже открыто и публично (5; С. 148-149, 6; С. 327-336.). Иностранные корпорации всеми силами стремятся максимализировать добычу нефти в стране в краткосрочный период времени. Известно, что БП и «Амако» формируют «Азербайджанскую международную нефтяную компанию».

Казахстанский сектор считается самым перспективным нефтяным регионом на шельфе. В целом, на казахстанском участке каспийского шельфа работают более десятка ведущих ТНК, среди которых такие гиганты, как Би

Пи Амоко, Шелл, Шеврон и др. Сектора других трех государств (России, Ирана и Туркмении) обладают меньшими запасами углеводородов, а потому и активность ТНК в освоении шельфа здесь существенно слабее.

Помимо США в проекты по освоению каспийской нефти активно вовлечены и ТНК других стран, прежде всего, Франции, Италии, Великобритании и Китая. Расходясь в деталях и часто конкурируя между собой, страны «Большой семерки» следуют в русле политики США в регионе(4).

Экспертные оценки специалистов показывают, что запасы углеводородного сырья на дне Каспия завышены. Они неравномерно распределены по территории бассейна. Наибольшие запасы нефти, согласно экспертным оценкам, сосредоточены в северо-восточной части Каспийского моря – территориях России и Казахстана. Запасов углеводородного сырья в азербайджанском секторе не так много. В принятой системе показателей запасы нефти Азербайджана, утвержденные Государственной комиссией по запасам (ГКЗ) и Центральной комиссией по запасам при Мингеологии СССР по состоянию на 1991 г. (последний год неспекулятивных, единых, научно обоснованных подходов к оценке месторождений), составляли 0, 459 млрд т. По другим оценкам, уже на 1996 г. они равнялись 0,680 млрд т (7).

Вряд ли в дальнейшем человечество узнает правдивые данные углеводородов и мировых запасов нефти, которыми каждое государство и ТНК манипулирует и корректирует по своему усмотрению и в зависимости от политической конъюнктуры данного региона.

Политика завышения (и занижения, когда это выгодно мировым монстрам капитала в лице ТНК) Западом реальной величины запасов Каспия имела целью поднять самомнение прибрежных государств, прежде всего правящих элит. Внушить им мысль, что они с помощью нефтедолларов могут в далекой перспективе превратиться в процветающие государства типа Кувейта (попутно внушая им, что это будет достигнуто, если нефть будет добываться Западными компаниями). Но для этого надо избегать интеграции с Россией, «неоимперский контроль», который похоронит их планы экономического возрождения. С этой же целью завышаются ресурсы бывших советских республик и занижаются каспийские запасы России.

Деятельность ТНК в регионе, естественно, не обходится без внутренних и внешних противоречий. Печальный опыт многих развивающихся стран, зависящих от добычи нефти и газа (например, Нигерии, Тринидада и Тобаго и Венесуэлы), указывает на наличие многих трудностей на пути их развития. Самые бедные слои населения Азербайджана, в том числе около 800 тыс. беженцев и перемещенных лиц, уже выражают недовольство по поводу присутствия иностранных нефтяных компаний. Они, в свою очередь, по их мнению, не приняли никаких мер для улучшения их жизни(8). Азербайджанцы были уверены, что в июне 2005 г. после торжественного открытия трубопровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД) для их страны и ее населения началась новая эра. Но от начала работы БТД и освоения иностранными ТНК месторождений углеводородов жизнь азербайджанцев улучшилась на столько же, на сколько улучшилась жизнь россиян от миллиардных прибылей российских компаний. Если нефтяная компания «ЛУКойл» получает прибыли за год 7…8 млрд долларов, то у среднего жителя России и населения Каспийской части России этот факт на благосостояние никак не влияет.

В различных странах региона положение разное. Во многом оно зависит от внутриполитической ситуации и политики правящих режимов. Свою позитивную роль играет пристальное внимание ведущих стран мира к этому региону, что не позволяет ТНК полностью игнорировать мнение общественности. Однако, за исключением отдельных положительных примеров, корпорации в целом не принимают всерьез НПО (экологические, общественные и др. научно-производственные объединения и организации региона) региона и зачастую не счи-

тают даже нужным содержать штат для работы с общественностью. Например, на разосланную Экологическим обществом (ЭО) «Зеленое спасение»(9, 5) весной этого года анкету с вопросами об экологической политике корпораций, которая была направлена в адрес 18 крупнейших ТНК, имеющих свои представительства в Алма-Ате, только пять компаний дали официальный ответ. Остальные или ответили отказом, или сослались на отсутствие персонала, занимающегося этим вопросом, или просто промолчали. Другим ярким примером является отсутствие доступа общественности к конкретной информации о деятельности ТНК. Распространяемая ТНК официальная информация (в виде буклетов и страничек в Интернете) носит самый общий характер. Из нее сложно судить о действительном масштабе влияния деятельности ТНК на окружающую природную среду наших стран.

В прикаспийских республиках проблема безработицы становится все более насущной и, как показывают многочисленные исследования, в том числе и зарубежные, иностранные компании предпочитают нанимать на работу квалифицированных работников. Уровень квалифицированной рабочей силы в прикаспийских республиках низок. Следовательно, маловероятно, что иностранный капитал сыграет важную роль в сокращении безработицы. Более того, жители республик из-за неправильного и несправедливого распределения государственными органами доходов, полученных от деятельности зарубежных ТНК, зачастую не видят никаких изменений.

Более того, противоречия возникают и в отношениях между общественными организациями стран Каспийского региона и ТНК.

В результате уже сейчас одни идут на сотрудничество с ТНК, другие открыто выступают против иностранных компаний. С одной стороны, участие НПО в мероприятиях, проводимых ТНК, или получение от них финансовой поддержки на реализацию собственных проектов фактически помогает ТНК создать благоприятное общественное мнение о себе. С другой стороны, можно отметить пример НПО «Каспий Табигаты» (Атырау), которая на протяжении уже нескольких лет резко выступает против деятельности компании ОКИОК (консорциум ряда крупных нефтяных ТНК) на шельфе Северного Каспия и компании «Тенгизшевройл» (дочерняя компания «Шеврон»), добывающей нефть в Атырауской области. Это сыграло свою положительную роль, заставив компании идти на контакт с общественностью.

Поведение основных игроков на энергетическом поле в Каспийском регионе не должно выходить за рамки международного права. А раз так, то предстоит устранить масштабный пробел в международных правовых нормах с регулированием статуса (здесь имеется в виду статуса как моря или озера. Которое полноправно не может функционировать как море и, тем самым, использовать по отношению к Каспийскому морю положения международного Морского права. Так как Каспий не озеро и дефакто рассматривается как море, к нему не применимо Международное право по озерам. В связи с этим видится целесообразным придание Каспию особого статуса – «Море» или «Озеро», или «не Море, и не Озеро» или «и Море, и Озеро», с применением правовых норм как для Моря, так и для Озера) и правового статуса (в данном случае имеется в виду юридический статус Каспийского моря, основанного на межгосударственных договорах государств Каспийского региона) этого уникального мирового водоема, называемого Каспийским морем.

Перед мировым сообществом во весь рост встала дилемма (10): либо умерить темпы потребления природных ресурсов через ТНК, либо, наоборот, снизить темпы развития техногенной модели мира. При этом следует учитывать, что гигантская доля энергетического сырья поглощается мировым военно-промышленным комплексом и вооружёнными силами.

Минеральные и иные ресурсы Каспийского региона могут и должны стать, прежде

всего, основой для ускоренного развития прикаспийских стран. Поэтому, привлекая для быстрейшего освоения ресурсов иностранный капитал, правительства каспийских государств должны учитывать не только позитивный, но и негативный исторический опыт, накопленный во взаимоотношениях развивающихся стран с высокоразвитыми странами, с транснациональными корпорациями.

Литература

1. Соколов В. Современный мир и национальная экономическая политика. Национальные экономические интересы: выработка консенсуса // Внешняя политика и безопасность современной России / В. Соколов. – М., 2002. – Т. 2.

2. Кочетов Э. Глобализация и ее влияние на мировое развитие (базовые акценты при построении стратегии национальной безопасности) / Э. Кочетов // Безопасность Евразии. – 2006. – Январь-март. – № 1.

3. Фоменко О. Призрак «Died line» (Энергетические, правовые и политические проблемы становления нового технологического уклада): монография / О. Фоменко, Л. Терновая. – М.: Интердиалект+, 2006. – 242 с.

4. http://www.rustrubprom.ru/view.php/657_0_3_0_C/29.03.2004

5. Лоран Э. Нефть. Ложь, тайны, махинации / Э. Лоран. – М., 2007.

6. Симонов К.В. Глобальная энергетическая война / К.В. Симонов. – М.: Алгоритм, 2007. – 272 с.

7. Борисов Д.В. Стабильность и безопасность Каспийского региона в контексте ядерной программы Ирана: автореферат дис. канд. наук / Д.В. Борисов. – М., 2007.

8. Вайзан Майкл. Экономические проблемы бывших республик СССР, обладающих богатыми энергетическими ресурсами / Майкл Вайзан. – Люксембург: IIASA, 1998.

9. Соляник С. НПО и ТНК в Каспийском регионе. Экологическое общество «Зеленое спасение», г. Алма-Ата // Бюллетень Московского ИСАР. – 2001. – Лето-осень (№ 14).

10. Василенко И.А. Политическая глобалистика: учебное пособие для вузов / И.А. Василенко. – М.: Логос, 2000. – 360 с.

Коротко об авторе / Some facts about author

Ланда Камиль Газимагомедович, к. полит. н., ст. преподаватель кафедры национальных, федеративных и международных отношений, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАГС), раб. тел.: (903) 795-7554; (926) 361-4801

Научные интересы: геополитика, международные отношения, политические отношения

Landa Kamil, Candidate of Political Science, assistant professor of National, Federative and International Relations Department, Russian Academy of government service under the President of the RF, official telephone: (903) 795-7554; (926) 361-4801

Scientific interests: geopolitics, international relations, political relations

УДК 342.8

Е.П. Мармилова
E. Marmilova

СООТВЕТСТВИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ МЕЖДУНАРОДНЫМ СТАНДАРТАМ О ВЫБОРАХ

CONFORMITY OF THE RF LEGISLATION WITH INTERNATIONAL ELECTORAL STANDARDS

В статье рассматривается вопрос о соответствии избирательного законодательства РФ международным стандартам о выборах.

Российское законодательство опирается на международные стандарты. Отмечается тенденция принятия новых дополнений к существующим международным стандартам избирательного права. При наличии правовых проблем избирательного права в РФ все больше возрастают противоречия соответствия избирательного права и международных стандартов

The article considers question of conformity of the Russian Federation electoral legislation with international electoral standards.

Russian legislation relies on international standards. It is noticed a tendency towards approval of new additions to international standards of elective franchise. Under existence of legal difficulties of the RF suffrage there are increasing contradictions between the suffrage and international standards

Ключевые слова: избирательное право, избирательные права граждан, избирательный процесс, международные стандарты свободных демократических выборов

Key words: elective franchise, electoral rights of citizens, electoral process, international standards of free democratic elections

Международные стандарты в российском избирательном праве применяются постоянно. Под международными стандартами свободных демократических выборов понимаются «обязательства государств по предоставлению лицам, находящимся под их юрисдикцией, свобод и прав на участие в свободных, справедливых, подлинных, периодических, открытых и гласных выборах, а также гарантии непосягательства на эти права и свободы и гарантии принятия государствами соответствующих мер к их наиболее полной реализации» [1].

В юридической науке не имеет однозначного решения вопрос о соответствии избирательного законодательства РФ международным стандартам о выборах. По мнению А. А. Вешнякова, «новое российское законодательство о выборах (ФКЗ «О референдуме в Российской Федерации» от 10 октября 1995 г. №2-ФКЗ, ФЗ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 апреля 1993 г. № 4866-1, ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 г. N 67-

ФЗ, ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания» от 18 мая 2005 г. ФЗ-51 и другие), по оценке и международных, и отечественных экспертов, вместило в свои рамки все существующие международные стандарты. Это свидетельствует о том, что в Российской Федерации приоритет международного права, на что не пошли многие европейские страны, не только декларирован, но и реализуется в повседневной деятельности» [1]. С такой точкой зрения трудно не согласиться. Международные стандарты закреплены в нормах российского избирательного права. Они регулируют многие правовые вопросы, являются основополагающими при проведении, организации выборов, позволяют развивать демократические институты в современной России. По своей сути они универсальны и применяются при проведении выборов во многих странах.

А.Е. Любарев выдвигает одним из главных критериев свободных, честных, справедливых и подлинных выборов – наличие свободной конкуренции кандидатов и/или партий. «Этому принципу посвящен ряд положений Документа Копенгагенского совещания конференции по человеческому измерению СБСЕ. К сожалению, за 15 лет, прошедшие с первых альтернативных выборов, нам в России так и не удалось выработать действенные процедуры, позволяющие обеспечить возможность выдвижения и регистрации тех кандидатов, которые пользуются поддержкой избирателей и имеют шансы на избрание» [2]. Такая позиция исключает возможность рассматривать международные стандарты как один из механизмов защиты избирательных прав граждан. Это является их недостатком.

По мнению Ю.А. Веденеева, международные стандарты «выполняют одновременно две юридические функции: правообразующую и праворегулирующую. Правообразующая функция выражается в закреплении международным правом общего нормативного минимума внутригосударственного правового регулирования избирательных прав граждан, то есть устанавливает границу универсальных гарантий» [3]. Международные стандарты выступают ориентиром для совершенствования избирательного законодательства, «устанавливают и санкционируют содержание правового регулирования политических прав и свобод граждан, их реализацию и применение» [3] – таким образом, реализуется праворегулирующая функция. Такая регламентация международных стандартов позволяет вносить изменения во внутригосударственное избирательное право путем совершенствования избирательных норм.

Официально российское избирательное законодательство опирается на стандарты международного права. «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с конституцией» [4].

Многие принципы и нормы избирательного российского права повторяют международные стандарты. В частности, в Американской Конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г. провозглашается право гражданина принимать участие в ведении государственных дел непосредственно или через своих представителей (ст. 23 п. a); выбирать и быть избранным на подлинных периодических выборах, которые проводятся на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании, которые гарантируют свободное выражение воли избирателей (ст. 23 п. b). В российском законодательстве эта международная норма зафиксирована в Конституции РФ и федеральных законах о выборах: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (п. 1 ст. 32 Конституция РФ от 1993 г.); имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в

референдуме (п. 2 ст. 32 Конституция РФ от 1993 г.)». «Гражданин Российской Федерации имеет право избирать, быть избранным, участвовать в референдуме, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств (п. 2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» от 12 июня 2002 г.)». Следовательно, международные стандарты являются правовой основой российского избирательного права.

В рамках международного сотрудничества отмечается тенденция принятия новых дополнений к существующим международным стандартам избирательного права: 7 октября 2002 г. Содружеством независимых государств принята Конвенция о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках Содружества Независимых Государств. «В Конвенции объединены базовые принципы, составляющие основу избирательных стандартов, сформулированы практические требования к государствам по их воплощению в избирательном законодательстве и правоприменительной практике» [1].

Формы защиты избирательных прав граждан в Российской Федерации включают процедуру обжалования решений и действий (бездействия), нарушающих избирательные права граждан; разрешение избирательных споров, посредством рассмотрения нарушений избирательными комиссиями и судами общей юрисдикции; юридическую ответственность (уголовную, административную, конституционно-правовую), международные стандарты и правила проведения выборов. При проведении выборов ЦИК РФ заинтересована в положительной оценке уровня проведения выборов в РФ. Такая оценка позволяет говорить о высокой степени развития демократии.

В настоящее время ЦИК РФ столкнулся с проблемой участия международных наблюдателей в выборах депутатов в Государственную Думу РФ (2 декабря 2007 г.): «БДИПЧ ОБСЕ отказалось прислать своих представителей на парламентские выборы в России, объяснив это чинимыми препятствиями с российской стороны. По мнению МИД РФ, представителям БДИПЧ помешала приехать неразбериха в самом бюро и пренебрежение его руководства общепринятыми процедурами, необходимыми для получения аккредитации» [5]. Данный отказ можно охарактеризовать как политическую акцию, которая не может свидетельствовать об отрицательной оценке организации парламентских выборов в стране.

ЦИК РФ приняла свой документ об участии международных наблюдателей на выборах: «24 января 2008 г. Центризбирком утвердил постановление о разъяснении порядка деятельности международных наблюдателей на выборах в РФ. Согласно документу, приглашения наблюдателям могут отправить Президент РФ, верхняя и нижняя палаты парламента, Правительство и ЦИК. Срок полномочий наблюдателя начинается со дня аккредитации в ЦИК и заканчивается в день официального опубликования результатов выборов. При этом все материально-финансовое обеспечение деятельности наблюдателя производится за счет направившей его стороны или за его собственные средства» [5]. Ранее, 31 октября 2007 г., были утверждены «Разъяснения порядка деятельности международных наблюдателей на выборах в Госдуму РФ». Указанные нормативно-правовые акты представляют собой дополнительные требования к участию международных наблюдателей при проведении выборов в РФ.

«Одним из требований к наблюдателям стало обязательное декларирование целей наблюдения за выборами в уставах организаций и опыт проведения такого рода миссий. Еще одним критерием является факт тесного и регулярного сотрудничества России с институтами, направляющими наблюдателей. Например, поскольку Россия не входит ни в НАТО, ни в Европейский союз, наблюдателей от Пар-

ламентской ассамблеи НАТО и миссий Европарламента на предстоящих выборах не приглашают (представители Парламентской ассамблеи НАТО в Россию до сих пор не приезжали, но активно работали на последних выборах на Украине и в Армении, а миссии Европарламента присутствовали на прошлых выборах Думы и президента). Приоритет был отдан тем международным институтам, членом которых Россия является или имеет рабочие контакты. К примеру, Парламентская ассамблея Совета Европы, Бюро по демократическим институтам и правам человека, Парламентская ассамблея Северного совета. Однако и их работу решено ограничить по двум параметрам: временному и качественному» [6]. Данные разъяснения ограничивают круг наблюдателей и отсеивают мелкие организации.

По оценке И.Б. Борисова, «России институт международного наблюдения для легитимации выборов внутри страны не нужен» [7]. Международный институт наблюдения за текущими выборами в России применяется широко, но особого влияния не оказывает, так как в избирательном законодательстве прописана процедура обращения в суды общей юрисдикции, а также в Европейский суд по правам человека.

Проблемы применения международных стандартов в РФ, несомненно, существуют.

Во-первых, отсутствует понятие «международный стандарт» в отношении избирательного процесса. «В специальной литературе отсутствует определение понятия «международный избирательный стандарт», нормативное значение данной правовой категории – института, источника, принципа правового регулирования» [3].

Во-вторых, не всегда можно говорить о должной защите прав избирателей, участников избирательного процесса. На прошедших выборах 2 декабря 2007 г. избирательными объединениями были зафиксированы существенные нарушения всех статей закона.

В-третьих, наличие влияния административного ресурса на ход выборов и применение «черных технологий» не позволяет судить о свободных, честных, справедливых выборах в РФ. «В республике Дагестан административный ресурс используется весьма своеобразно. На выборах в органы местного самоуправления поселений искусственно увеличивался электорат одного из кандидатов путем регистрации в данном поселении дополнительного количества людей, которые получали право участвовать в выборах и тем самым обеспечивали перевес при подсчете голосов. Использование подобных технологий приводит к формированию представительного органа, подконтрольного органам управления, что создает основу для последующих злоупотреблений должностными лицами государства» [8].

По мнению директора фонда свободных выборов, члена Общественной палаты Андрея Пржездомского, «выборы как таковые не могут быть абсолютно честными и объективными, выборы всегда субъективны» [9]. При наличии правовых проблем избирательного права в РФ все больше возрастают противоречия соответствия российского избирательного права и международных стандартов.

В юридической литературе вопрос о соответствии норм избирательного права международным стандартам остается спорным.

Многие международные стандарты закреплены в избирательном праве РФ и применяются достаточно широко. Наряду с этим выделяется ряд правовых проблем применения международных стандартов: присутствие влияния административного ресурса и применение «черных технологий», не всегда избирательные права граждан защищаются должным образом, понятие «международный стандарт» в отношении избирательного процесса в избирательном праве не закреплено законодательно. Существует ряд других проблем: не всегда международные наблюдатели готовы присутствовать на выборах в РФ. Международный институт есть в наличии, но особого влияния не оказывает. Возможности международных наблюдателей в лице мелких организаций с принятием нового законодательства ограничи-

ваются.

Таким образом, нельзя не говорить о складывающихся противоречиях между нормами избирательного права и международными стандартами.

Литература

1. Вешняков А.А. Российское избирательное законодательство и международные стандарты свободных демократических выборов / А.А. Вешняков // Журнал о выборах. – 2007. – № 1. – С. 10.

2. Любарев А.Е. Обеспечивает ли российское законодательство свободную конкуренцию на выборах / А.Е. Любарев// Журнал о выборах. – 2006. – № 2. – С. 53.

3. Веденеев Ю.А. Развитие избирательной системы РФ: проблемы правовой институализации / Ю.А. Веденеев // Журнал российского права. – 2006. – № 6. – С. 56.

4. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. Статья 17.

5. Глава ЦИК подписал приглашения на выборы Президента РФ всем миссиям наблюдателей, включая главу БДИПЧ – электронный ресурс – http://ipmi.ru/index.php?ind=news&op=news_show_single&ide=4655.

6. Нагорных И. Наблюдателей поставят в рамки / И. Нагорных, М. Зыгарь // Коммерсант. – № 201 (3777) от 01.11.2007.

7. Борисов И.Б. Приедут ли международные наблюдатели на выборы Президента России. http://www.ng.ru/politics/2007-11-27/3_kartblansh.html.

8. Гаджиева К.Н. Некоторые правовые аспекты избирательных технологий / К.Н. Гаджиев. – Закон и право. – 2007. – № 10. – С. 9.

9. Выборы не могут быть абсолютно честными и объективными. Коммерсантъ. – № 19 (3836) от 07.02.2008 http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=850086

Коротко об авторе / Some facts about author

Мармилова Екатерина Петровна, преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), г. Астрахань, раб. тел. (8512) 33-30-55

Marmilova Ekaterina, professor of Astrakhan Branch of the RSUH, telephone (8512) 33-30-55

Научные интересы: избирательное право, правовое регулирование избирательных споров

Scientific interests: electoral law, legal regulation of electoral process

УДК 323

М.А. Родионовский
M. Rodionovsky

ТЕРРОРИЗМ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

TERRORISM AS A THREAT TO THE RF NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF THE POST-SOVIET AREA EVOLUTION

В статье рассмотрены вопросы, связанные с терроризмом, как угрозой национальной безопасности РФ в контексте эволюции постсоветского пространства. Показаны основные политические и военные типы угроз для РФ. Дан политический и сравнительный анализ в принятии военно-политических решений администрацией и МО США и руководством РФ. Предложены меры по укреплению национальной безопасности РФ в формировании экономической и военно-политической интеграции на постсоветском пространстве

The article covers questions connected with terrorism as a threat to the RF national security in the context of the post-soviet area evolution. Basic political and military types of threats to the Russian Federation are described. Political and comparative analysis in the process of US as well as Russian administration and International Relations department political and military decision-making is demonstrated. Measures of improvement national security of the Russian Federation in the formation of economic, political and military integration on the post-soviet area are suggested

Ключевые слова: терроризм, постсоветское пространство

Key words: terrorism, the post-soviet area are suggested

Сегодня о терроризме можно сказать не так уж много, а потому следует подробно изучить эту проблему. Анализ политической обстановки позволяет сделать заключение, что основные угрозы национальной безопасности РФ будут исходить из социальной, экономической и политической нестабильности стран постсоветского пространства. В начале XXI в. Россия явилась государством с ослабленными позициями во всех сферах безопасности. Причина заключается в том, что в период обретения независимости и реального суверенитета Россия не смогла проводить эффективную внутреннюю и внешнюю политику. После распада СССР территория страны уменьшилась, политическая элита была не готова к проведению экономических реформ и становлению гражданского общества. В Закавказском регионе продолжаются этнополитические конфликты с новыми и непризнанными республиками Абхазией, Южной Осетией и Приднестровьем. При дипломатическом усилии России этнополитические конфликты заморожены, но окончательно не решены. Вокруг России образовался новый геополитический пояс государств со своими политическими амбициями и стремлением избавиться от наследия прошлого. Новое географическое положение страны выявило новые угрозы постсоветского пространства, оказывающие влияние на

национальную безопасность РФ в контексте эволюции постсоветского пространства. Кроме того, динамика и развитие угроз на региональном уровне также оказывают влияние на национальную безопасность РФ. России необходимо на всех уровнях силовых и дипломатических структур не только эффективно решать и пресекать новые угрозы национальной безопасности, но и отстаивать национальные интересы на постсоветском пространстве.

Нереализация жизненно важных интересов ведет к катастрофическим последствиям для самого объекта безопасности. Стратегические цели реализации национальных интересов служат и формируют в странах концепции национальной безопасности. Как считает А.А. Воронов, нация, лишенная четкого знания и понимания жизненно важных интересов, не может рассчитывать на успешное и безопасное развитие. Все структуры, обеспечивающие национальную безопасность, должны знать и четко понимать какие жизненно важные интересы страны они должны защищать от внешних и внутренних угроз.

Анализ обстановки показывает наличие связи между внутриполитическим и внешнеполитическим процессами, проходящими на постсоветском пространстве. Последние влияют на формирование политики обеспечения национальной безопасности РФ на постсоветском пространстве. Конфликтогенный потенциал во многом определяется параметрами качества жизни в стране Содружества и противоречивостью проходящих политических процессов. Социальная обстановка неблагополучная, политические институты нестабильны и подвержены влиянию третьих стран. Усиливается нарастание глобальных угроз, нерешенных этнополитических конфликтов, что предполагает решение стратегических задач в политике обеспечения региональной безопасности Содружества и национальной безопасности РФ.

На основе анализа имеющейся обстановки выделим три уровня формирования угроз безопасности, с которыми соотносятся стратегические задачи для субъектов обеспечения национальной безопасности:

1) межнациональный уровень является основным при сохранении жизненно важных интересов своего государства. В настоящее время можно выделить следующие угрозы, которые нужно учитывать в политике обеспечения национальной безопасности:

– исламский фундаментализм;

– международный терроризм;

– распространение наркотиков и наркотрафика в мире;

– распространение ядерных технологий;

– расползание военных конфликтов и вооружений;

– экологический кризис;

2) региональный уровень – это практическое участие государства в обеспечении влияния на политику безопасности государств своего региона. Это связано с крушением стабильного двухполюсного мира, оказывающего влияние на региональную политику стран СНГ, ориентированных на политику США. К таким странам относятся Украина, Азербайджан, Грузия и страны Балтии. Ряд стран постсоветского пространства не готовы к самостоятельному решению вопроса формирования собственной политики безопасности на региональном уровне. Например, Украина и Грузия;

3) национальный уровень, по мнению ряда исследователей, является одним из приоритетных. В современный период угрозы национальной безопасности РФ на постсоветском пространстве связаны с проведением стратегического анализа по следующим принципам:

– классификация угроз национальной безопасности РФ по месту нахождения источника;

– основные угрозы национальной безопасности РФ на постсоветском пространстве по региональным стратегическим направлениям воздействия;

– анализ основных проблемных регионов СНГ.

В классификацию угроз по националь-

ным интересам РФ, включая и территориальную целостность, защиту реального суверенитета, могут быть положены различные критерии, которые будут отражать потребность практики. Это местонахождение источников угроз, реализации угроз, объекты посягательств и степень открытости угроз. По местонахождению источника все рассматриваемые угрозы делятся на две группы: внешние и внутренние. Основными являются террористическая, демографическая, военная, информационная, территориальная и иные виды деятельности других государств, направленные на подрыв национальной безопасности РФ.

Рассматривая терроризм, как угрозу национальной безопасности РФ в контексте эволюции постсоветского пространства по региональным стратегическим направлениям воздействия, мы выделяем Центрально-Азиатский регион.

Здесь уже формируются, эволюционируют и развиваются террористическая угроза для национальной безопасности РФ на постсоветском пространстве.

Центрально-Азиатский регион является одним из крупнейших по масштабу и фактору влияния на соседние государства. С другой стороны, это один из главных «проблемных» регионов, оказывающих непосредственное влияние не только на региональную, но и на национальную безопасность РФ. Это связано с большим конфликтогенным потенциалом и степенью угроз, несущих политическую и экономическую нестабильность странам региона и России.

Центрально-Азиатский регион включает Казахстан, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан. Все эти страны обладают политической нестабильностью и довольно слабым экономическим развитием (кроме Казахстана). Более того, вовлечение этих стран в сферу влияния третьих государств создает реальную угрозу потери стратегического влияния России, создавая реальную угрозу влияния исламского фундаментализма и без того на слабые политические режимы этих стран. В последнее время «исламский фактор» оказывает большое влияние на ситуацию в государствах Центральной Азии. Как считает А.Е. Тарас, если лет десять-пятнадцать назад все это нас не касалось, так как происходило где-то далеко, то сегодня волна террора накрыла Россию и ряд других стран СНГ. В целом угрозы региональной безопасности странам региона и национальной интеграции России связаны не с исламом как религией, а с идеологией исламского фундаментализма и религиозного экстремизма. В Центрально-Азиатском регионе имеются благоприятные условия и возможности для консолидации исламских радикальных политических движений. Страны Центральной Азии на пути своего суверенитета начали выстраивать отличную от России систему внешней политики и перехода к рыночной экономике, правовому государству и гражданскому обществу.

По геополитическому и геоэкономическому расположению Центральная Азия является важным стратегическим пространством, с точки зрения обеспечения стабильности в Евразийском регионе. На территории этого региона сформировался и устойчиво действует комплекс террористических угроз национальной безопасности РФ, а некоторые из них уже сегодня требуют эффективного реагирования. По мнению многих экспертов по терроризму, ключевой угрозой безопасности России, формирующейся в Центрально-Азиатском регионе, является резкая активизация деятельности исламских радикальных политических движений, военизированные формирования, выступающие под лозунгом создания в данном регионе исламского государства. Вторжение в 2004 г. радикалов-исламистов в Киргизию, а также недавние столкновения в Узбекистане, согласно аналитическим выводам экспертов, говорят о начале практической реализации исламскими экстремистами своих планов по расширению зоны влияния с территории Таджикистана и Афганистана на север, в первую очередь, в Узбекистан. Если эти планы будут

успешно осуществлены, то неизбежно возникает угроза дальнейшей экспансии радикального ислама в Россию. Влияние радикальных исламских организаций в Центральной Азии является закономерным следствием значительного ухудшения социальной и экономической обстановки, а следовательно, чрезвычайно низким уровнем жизни населения в странах региона. Учитывая «идеологический вакуум», это позволяет лидерам исламских радикальных политических движений и криминальным группировкам использовать эти факторы для информационной и психологической обработки сознания людей радикальными идеями. Это заявит государственной власти об изменении конституционного строя и установлении контроля над стратегическими районами.

В Центрально-Азиатском регионе быстрыми темпами происходит консолидация исламских радикалов и наркомафии. Ни для кого не секрет, что наркомафия выступает в качестве спонсоров финансирования многих террористических акций и военных конфликтов, а также поставщиками радикалов, советников и боевиков экстремистским группировкам. По мнению исследователя терроризма Е.П. Кожушко, основная мысль лидеров исламского терроризма очень проста: «против тех, кто не соблюдает законы ислама, необходимо сражаться». Идеологи исламского терроризма возводят джихад (священную войну) в ранг шестого столпа ислама, считают, что «разрешение силой и насилием, полное уничтожение, не оставляющие большого и малого», представляют собой форму и метод джихада. Из стран постсоветского пространства, в первую очередь, это относится к Таджикистану, который превратился в крупный и основной канал транзита наркотиков из Афганистана, через территории Центрально-Азиатских государств, в Россию и Европу. По тем же каналам в Россию незаконно проникают не только мигранты, но и эмиссары исламских радикальных организаций для вербовки в свои ряды граждан этого региона. Завербованные лица пополняют незаконные военные формирования, тем самым, дестабилизируют хрупкий стратегический баланс сил в регионе.

Опасность дестабилизации обстановки в Центрально-Азиатском регионе связана с проникновением профессиональных наемников и представителей криминального мира с Северного Кавказа. По данным спецслужб РФ, в настоящее время намечены и устойчиво работают каналы связи и взаимопомощи между руководителями исламских радикальных политических движений и незаконных военных формирований. Многие радикальные террористические организации в Центральной Азии сотрудничают в тесном контакте со спецслужбами Турции, Саудовской Аравии и Пакистана. Они активно действуют под прикрытием разного рода культурно-просветительных учреждений и благотворительных фондов. Сейчас уже не являются большим секретом контакты между лидерами исламских радикальных организаций и руководителями международного терроризма, в частности, с Аль-Каидой, У. Бен. Ладеном, которые оказывают исламским радикальным организациям различную помощь, прежде всего, финансовую. С другой стороны, борьба с терроризмом и исламским радикализмом в Центрально-Азиатском регионе осложняется из-за непрекращающихся боевых действий в соседнем Афганистане, где продолжаются вооруженные противостояния между различными афганскими этноконфессиональными группировками и движениям Талибан. В Афганистане происходит ухудшение социально-экономической и политической обстановки и всеобщей милитаризации населения, рост организованной преступности, увеличение незаконной миграции и наркотрафика в соседние страны. Это несет серьезную угрозу безопасности и стабильности всем странам региона и тем более отрицательно сказывается на странах всего постсоветского пространства и национальной безопасности РФ.

Наибольшую озабоченность вызывает деятельность радикального Исламского движения Узбекистана, лидеры которого предпринимают усилия по обострению и дестабилиза-

ции обстановки в ряде районов Узбекистана. Главная цель – это захват власти в стране и изменение конституционного строя, вооруженным путем. Лидеры радикального Исламского движения Узбекистана опасаются, что активизация деятельности в стране может подтолкнуть военно-политическое руководство России на вмешательство в ход событий с целью обеспечения и нивелирования террористической угрозы для национальной безопасности РФ. Чтобы не произошло расползание идеологии исламского фундаментализма на страны Центральной Азии, России нужно вовремя реагировать на проявляющиеся угрозы.

Обуздание угрозы и нейтрализации исламского радикализма в Центральной Азии, по нашему мнению, способствует тому, что ряд государств Дальнего Зарубежья, Индия и Китай, разделяют позицию России и стран постсоветского пространства по проблеме угрозы религиозного экстремизма, международного терроризма в регионе. Более того, многие страны готовы к координации по линии спецслужб ШОС и СНГ к более тесному сотрудничеству друг с другом.

Немногие из экспертов по терроризму считают, что собственные возможности государств Центрально-Азиатского региона для более эффективного решения и качественной борьбы с терроризмом весьма ограничены. Складывающаяся каждый день напряженная ситуация в регионе требует консолидации и усилий со стороны Киргизии, Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, России и Туркмении, чтобы не допустить превращение этого региона в эпицентр крупных религиозных, этнических и межгосударственных конфликтов. Страны Центрально-Азиатского региона должны быть готовы к практическому, более тесному сотрудничеству по линии спецслужб, ОДКБ и МО РФ. После событий 11 сентября 2001 г. США в последнее время стали проявлять озабоченность по поводу существующей реальной угрозы вооруженного и религиозного экстремизма в Центральной Азии. В настоящее время отчетливо прослеживается усиленная военно-политическая стратегия США в Центральной Азии на долгосрочную перспективу под предлогом борьбы с исламским радикализмом. США стремится выступить в качестве единственно возможного «миротворца», отодвинув ШОС и ООН на второй план, и гаранта стабильности в Центрально-Азиатском регионе.

В качестве эффективного сотрудничества США выдвигают на первый план программу НАТО «Партнерство ради мира» между странами Центрально-Азиатского региона. Становится понятно, что США преследует не только политические, но и стратегические цели и занимает двойственную позицию в отношении данной проблемы как лидер Западного мира. Многие международные организации (ООН, ЕС, ОБСЕ, НАТО) высказывают озабоченность «мусульманской составляющей» международного терроризма и готовы тесно сотрудничать с Россией и странами постсоветского пространства. На самом деле проявляется большое желание сохранить, по примеру Чечни, очаг нестабильности и напряженности на территории России. Хорошо просматривается политика двойного стандарта, преследуются долговременные и стратегические цели США и ЕС. При этом достаточно четко просматривается стремление США отвести от себя радикальную экстремистскую угрозу за счет переориентирования исламистов на Россию, в том числе и путем готовности совместно с Россией бороться с той частью радикалов (ваххабизм, но главным образом шииты), для которых, в первую очередь, США и Израиль, а не Россия, традиционно являются «врагом номер один».

Особенности развития социально-экономической и политической ситуации в странах Центральной Азии, а также множество формирующихся в регионе угроз безопасности диктуют необходимость проведения российскими федеральными ведомствами более эффективно скоординированной и стратегически целенаправленной внешней политики. Работа по реализации интересов России в Центрально-Азиатском регионе должна иметь характер,

направленный на локализацию действующих в настоящее время в регионе очагов терроризма, экстремизма и организованной преступности. По мнению Н.С. Зиядуллаева, Россия предпринимает значительные усилия по восстановлению своего влияния в Центральной Азии. Наиболее эффективными решениями должны быть стратегические мероприятия, ориентированные на долгосрочную перспективу, имеющие своей целью создание внутри Российской Федерации и на геополитическом пространстве СНГ таких условий, при которых Россия может быть максимально защищена от угрозы распространения из Центральной Азии на российскую территорию идеологии исламского фундаментализма и вооруженного экстремизма.

Анализ показывает, что терроризм представляет потенциальную угрозу для национальной безопасности РФ в контексте эволюции постсоветского пространства. Мы считаем, что угрозами являются:

– проникновение исламского фундаментализма;

– идеология религиозного экстремизма.

Предоставляются благоприятные условия для России в плане развития стратегического партнерства со странами СНГ в обеспечении национальной безопасности от угрозы терроризма. Россия должна сыграть главную роль в формировании экономической и военно-политической интеграции. По мнению большинства политических аналитиков и экспертов по терроризму, нужен стратегический анализ фундамента проблемы терроризма в СНГ. Это способствует новому стратегическому видению и эффективному решению на государственном уровне нейтрализации терроризма с учетом современных реалий в контексте эволюции постсоветского пространства.

Литература

1. Воронов А.А. Основы национальной безопасности: научно-практическое пособие. Общая часть / А.А. Воронов. – М., 2000. – С. 90.

2. Терроризм и террористы: исторический справочник / Под ред. А.Е. Тараса. – Мн.: Хорвест, 1999. – С. 3.

3. Современный терроризм: анализ основных направлений / Под ред. А.Е. Тараса. – Мн.: Хорвест, 2000. – С. 249.

4. Зиядуллаев Н.С. Россия – Узбекистан: стратегическое партнерство и союзнические отношения / Н.С. Зиядуллаев // Мировая экономика и международные отношения. – 2006. – № 12. – С. 92.

Коротко об авторе / Some facts about author

Родионовский Максим Александрович, аспирант кафедры государственного и муниципального управления и политики, Читинский государственный университет (ЧитГУ), раб. тел.: 35-73-18

Научные интересы: национальная безопасность (концепции и стратегии), проблемы военно-политической стратегии США (анализ политических решений), исламский фундаментализм (тенденции и проблемы), политическая философия неоконсерватизма (взгляды и проблемы), неоконфигурация СЯС мира (разработки и перспективы)

Rodionovsky Maksim, graduate of Public Administration and Municipal Board Department, Chita State University, official telephone: 35-73-18

Scientific interests: national security (concepts and strategies), problems of military and political US strategy (analysis of political decisions), Islamic fundamentalism (tendencies and problems), political phylosophy of neoconservatism (views and problems), neoconfiguration of the world Strategic Nuclear Forces (projects and perspectives)

УДК 341.1

И.Р. Алабужева
I. Alabuzheva

РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ЗАЩИТУ ПОДОЗРЕВАЕМОМУ И ОБВИНЯЕМОМУ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

THE DEVELOPMENT OF PRINCIPLE OF PROVIDING THE RIGHTS FOR DEFENSE TO SUSPECTED AND ACCUSED INDIVIDUALS IN SOVIET CRIMINAL PROCEDURE

В статье рассматривается развитие принципа обеспечения права на защиту подозреваемому и обвиняемому на досудебной стадии уголовного судопроизводства в советском уголовном процессе

The article dial with the principle of providing the for defense to people who are suspected in crime or accused of some crime. They have the right to be defended both during the investigation stage. The article studies the problem from the point view of soviet criminal low

Клоючевые слова: обеспечение, права, подозревать, уголовное судопроизводство, право на защиту

Key words: ensuring, rights, suspect, criminal procedures, the right to defense

Направления, заданные в ходе реформ уголовного судопроизводства 1864 г., находили свое развитие в более поздних законодательных актах и умах ученых-процессуалистов. Однако самонадеянно было бы предполагать, что общественные и политические процессы, происходившие в государстве, не оставят свой отпечаток на дальнейшем развитии уголовного судопроизводства. Сразу же после событий октябрьской революции правительство приступило к упразднению старых и созданию новых органов власти (декретом «О суде» № 1 были упразднены все судебные учреждения России. К участию в процессе были допущены все граждане, пользующиеся гражданскими правами. На предварительное следствие допустили защитника; декретом «О суде» № 2 кроме установления правила «национального языка», судебным органам разрешалось использование положений Устава 1864 г. в части, не противоречащей принятым декретам ЦИК; декрет «О суде» № 3 в целях экономии государственных средств возложил на осужденных к лишению свободы обязанность по возмещению судебных издержек и издержек по содержанию под стражей, что существенно нарушало не только процессуальные права обвиняемых, содержащихся под стражей, но и их социальные права). При полном уничтожении судебной системы предыдущего периода встала острая необходимость создания правовой базы для регламентации судопроизводства. Однако был очевиден факт невозможности создания полноцен-

ной правовой базы в короткие сроки существования новой власти [1].

15 декабря 1917 г. было принято постановление НКЮ «О мерах заключения задержанных и об учреждении при тюрьмах следственных комиссий, проверяющих правильность и законность арестов». В целях обеспечения прав арестованных комиссии предписывалось в 48-часовой срок проверить правильность ареста доставляемых лиц [2].

В мае 1922 г. был утвержден УПК РСФСР. В этом же месяце утвердили Положение об адвокатуре и Положение о прокурорском надзоре [3], а в феврале 1923 г. был принят новый УПК РСФСР, который с последующими изменениями просуществовал до 1961 г. В некоторых источниках УПК РСФСР 1923 г. называют «новой», или «уточненной» редакцией УПК РСФСР 1922 г. При сопоставлении указанных документов выясняется, что подавляющее большинство норм действительно идентичны (например, ст. 5, 6 УПК РСФСР) [4]. УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. были приняты в условиях нестабильной политической обстановки. Эти кодексы возвращали в уголовное судопроизводство некоторые институты, такие как невозможность упрощенного судопроизводства в революционных трибуналах (в связи с их упразднением), право кассационного обжалования и допуск защитника на предварительное следствие. 29 октября 1924 г. ЦИК утвердил Основы уголовного судопроизводства, которые устанавливали общие положения уголовного процесса [5].

Статья 111 конституции 1936 г. гласила: «Разбирательство дел во всех судах СССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту». По буквальному смыслу указанной статьи обвиняемому обеспечивалось право на защиту лишь в судебном разбирательстве.

25 декабря 1958 г. был принят Закон СССР Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Статья 13 Основ под названием «Обеспечение обвиняемому права на защиту» содержала следующие положения: «Суд, прокурор, следователь и лицо, производящее дознание, обязаны обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных прав». При буквальном толковании нормы в обязанность перечисленных лиц входит лишь обеспечение прав обвиняемого, но не подозреваемого.

Выполнить данную обязанность и в полной мере обеспечить обвиняемому право на защиту в рамках действующего законодательства было невозможно, поскольку при производстве дознания защитник не мог участвовать в производстве по уголовному делу (ст. 19, 47 УПК РСФСР). Параллельно с указанным, ст. 27 Основ гласила, что суд, прокурор, следователь и лицо, осуществляющее дознание, обязаны разъяснять участвующим в деле лицам их права и обеспечивать возможность осуществления этих прав. Таким образом, обнаруживалось несоответствие уголовно-процессуального законодательства конституционному законодательству.

В Конституции СССР 1977 г. содержалась более широкая формулировка принципа обеспечения права на защиту: «Обвиняемому обеспечивается право на защиту» (ст. 158) [6], она не связывала право обвиняемого иметь защитника с производством расследования в форме предварительного следствия, дознания или с судебным разбирательством. В этой связи А.М. Ларин отмечал, что «обвиняемый имеет право не только на закрепление его процессуального положения в законе. Он имеет также основания рассчитывать на точное и конкретное содержание закона, то есть на его формальную определенность. Уголовно-процессуальным законом регулируются важные общественные отношения, им должна обеспечиваться максимальная охрана прав и интересов личности. Нормативность и формальная определенность – необходимые гарантии права обвиняемого на защиту» [7]. Конституция 1977

г. также не содержала положений об обеспечении права на защиту подозреваемого.

В литературе советского периода часто обсуждалась проблема незаконного осуждения лиц. Имели место следующие высказывания: «В социалистическом обществе в соответствии с марксистско-ленинским учением и мировоззрением человеческая личность – это высшая ценность из всех ценностей, которыми располагает общество, и эту ценность необходимо беречь, охранять и не допускать к ней несправедливости, неоправданного применения незаконного осуждения» [8]. Существование проблемы и поиск способов ее решения отражались в материалах судебной практики [9].

На данном историческом этапе понимания и определения «права на защиту» как принципа уголовного судопроизводства в некоторой степени изменяется подход к разделению защиты на материальную и процессуальную. Ряд авторов (Ф.Н. Фаткуллин, М.С. Строгович, А.Л. Ривлин), в отличие от процессуалистов более раннего периода, считали неоправданным деление понятия защиты на два смысловых значения – на защиту в материальном и на защиту в формальном смыслах. Сторонники такого деления имели в виду в первом случае действия самого обвиняемого по защите своих прав и интересов, во втором – соответствующие действия защитника по делу. Они утверждали, что процессуально-правовая природа и цели всех этих действий и отношений совершенно одинаковы, и придавать одним из них материальный, а другим формальный характер нет никаких оснований [10].

В зависимости от того, кто реализует право на защиту, можно было выделить три основных формы его реализации. Прежде всего, когда защита осуществляется самим обвиняемым по уголовному делу. Статья 46 УПК РСФСР закрепляла, что в советском уголовном процессе любое лицо, привлеченное к уголовной ответственности в качестве обвиняемого, наделяется широким кругом прав для защиты своих законных интересов и для полного или частичного опровержения предъявленного ему обвинения. Причем, эта форма реализации права на защиту не зависела от участия в процессе каких-либо других лиц, призванных оказывать обвиняемому юридическую помощь.

Вторым видом реализации права на защиту считались действия органов государственной власти, осуществляющих уголовное преследование в части обеспечения обвиняемому его законных прав и интересов. Сторонники выделения указанного вида ссылались на ст.ст. 19-20, 58, 98, 154, 211, 214, 215 УПК РСФСР. Третья форма реализации права на защиту заключалась в наличии специально привлеченных или допущенных лиц, именуемых защитниками. Круг лиц, допускаемых или привлекаемых по делу в качестве защитников, а равно пределы их полномочий в уголовном процессе, были определены в ст.ст. 47, 49, 51, 250 УПК РСФСР. В соответствии со ст. 47 УПК РСФСР этот вид защиты встречался не по всем уголовным делам и не во всех стадиях уголовного судопроизводства. Он имел место по делам, по которым участвует защитник, и лишь с того этапа процесса, который с учетом категорий дел определен в законе. Данный вид защиты подразделялся на обязательный, когда наличие защитника было обязательным исходя из категории дела, предъявленного обвинения и личностных особенностей обвиняемого, и факультативный. Параллельно решался вопрос о соотношении возраста уголовной ответственности и процессуальной дееспособности лиц, привлекаемых в качестве обвиняемых.

По этому поводу В.Д. Адаменко писал, что обязанность гражданина нести уголовную ответственность не означает обладания им достаточными способностями защищаться от предъявленного ему обвинения, то есть в полном объеме реализовать свое право на защиту. Участие несовершеннолетнего обвиняемого в уголовно-процессуальной деятельности не является аргументом в пользу достижения им возраста достижения процессуальной дееспособности и влечет обязательное участие защитника (п. 2 ст. 49, ст. 398, 399 УПК РСФСР)

[11]. Возрастом, с которого наступает полная процессуальная дееспособность, считали 18 лет.

На основании источников, повествующих об обеспечении права на защиту подозреваемому и обвиняемому, формируется вывод, что обеспечение права на защиту носило усеченный характер и во многих случаях зависело от усмотрения государственного органа или должностного лица, осуществлявших уголовное судопроизводство. В этой связи И.С. Самощенко отмечал: «В уголовно-процессуальном праве, где все связано с отношениями между гражданами и властью, не оправдано существование норм с гипотезами типа «по усмотрению», «в случае необходимости» и т.п. В социалистическом праве не должно быть норм, касающихся взаимоотношений граждан с властью, с подобными гипотезами, ибо они не устанавливают никаких пределов, границ для деятельности органов, их применяющих, что не может не противоречить задачам укрепления социалистической законности» [12].

Были и другие мнения, согласно которым нарушение права обвиняемого на защиту исходило от самого обвиняемого и его защитника, когда указанные лица умышленно затягивали судопроизводство, пользуясь предоставленными законом правами.

Существование описанных процессуальных проблем приводило к необходимости поиска выхода из процессуальной дилеммы. Ряд авторов предлагали обратиться к опыту западных держав. В Германии, если избранный обвиняемым адвокат не может присутствовать или по другим соображениям исполнять свои обязанности, и это препятствует нормальному производству по делу, суд вправе назначить дополнительного защитника без какого бы то ни было согласования с обвиняемым [13]. Думается, что такой подход в большей мере соответствует условию сбалансированности публичного и частного интересов в уголовном судопроизводстве, чем тот, который сложился в рамках УПК РСФСР.

Как показывала судебная практика, большое число нарушений права на защиту происходило при выполнении требований ст. 201 УПК РСФСР. Ф. Багаутдинов в этой связи высказывал предложение ограничить возможность замены обвиняемым адвоката после начала выполнения требований ст. 201 УПК РСФСР, особенно по крупным многоэпизодным делам, поскольку встречаются случаи, когда обвиняемые умышленно, в целях исчерпания установленного или предельного срока содержания под стражей, затягивают ознакомление с материалами дела, меняют адвокатов [14].

Самые радикальные предложения говорили о необходимости вообще отказаться от правового института ознакомления стороны защиты по итогам расследования с материалами дела. Сторонники этой идеи писали: «В самом деле, если последовательно развивать логику состязательности, то почему следствие перед направлением дела в суд должно выдавать защите все свои козыри и секреты, зачем нужно вручать обвиняемому копию обвинительного заключения с подробным анализом всех доказательств?» [14; С. 30]. Всегда положительно, когда одно и то же явление или институт права рассматривается с противоположных позиций. Это помогает выявить наибольшее количество его как положительных, так и отрицательных граней, что просто необходимо для его применения на практике. Печально лишь то, что в погоне за истиной многие авторы теряют чувство хладнокровности и объективности взгляда на проблему.

Характеристика исторического этапа развития института была бы неполной, если не затронуть и не дать оценку источникам международного права. 16 декабря 1966 г. был принят Международный пакт о гражданских и политических правах. Документ был ратифицирован СССР в 1973 г. и вступил в силу на территории государства 23 марта 1976 г. [15]. В 1998 г. наше государство ратифицировало Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, принятую 4 ноября 1950 г. [16].

Указанные источники международного права содержали более прогрессивные нормы и положения, обеспечивающие обвиняемому права на защиту. В документах утверждались следующие положения: неотъемлемое право подозреваемого и обвиняемого иметь защитника, невозможность воспрепятствованию свиданий защитника с подзащитным, право лиц иметь достаточно времени для подготовки своей защиты, невозможность применения в ходе расследования по делу насилия к привлеченным лицам и многое другое, что для советского уголовного судопроизводства описываемого периода было неосуществимым в том контексте, который имел место в международных источниках.

УПК РСФСР содержал положения, идентичные международным источникам, но в нем отсутствовал реальный механизм обеспечения права на защиту подозреваемому и обвиняемому, что в отдельных проявлениях встречается и в современном уголовно-процессуальном законодательстве.

Литература

1. О суде: Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1917. – № 4. – Ст. 50; О третейском суде: Декрет ВЦИК РСФСР от 16 февраля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1918. – № 28. – Ст. 366; О суде: Декрет ВЦИК РСФСР от 18 февраля 1918 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1918. – № 26. – Ст. 420.

2. СУ. – 1917. – № 9. – Ст. 146.

3. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: сборник документов / Под ред. С.А. Голунского. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 457; О прокурорском надзоре: положение, утв. Постановлением III сессии ВЦИК IX созыва от 28 мая 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР. – 1922. – № 36. – С. 424.

4. СУ РСФСР. – № 20-21. – Ст. 230; № 36. – Ст. 424-425; 1923. – № 4. – Ст. 106).

5. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: утв. Законом СССР от 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

6. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры: сборник документов / Под ред. С.А. Голунского. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 479.

7. Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / А.М. Ларин, Ю.И. Стецовский. – М.: Наука, 1988. – С. 226.

8. Права личности в социалистическом обществе. – М.: Наука, 1981. – С. 11-12.

9. Новая Конституция СССР и задачи дальнейшего совершенствования судебной деятельности // Бюллетень Верховного суда СССР. – 1979. – № 2. – С. 13.

10. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и защита по уголовным делам / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: изд. Казан. ун-та, 1976. – С. 79.

11. Адаменко В.Д. Советское уголовно- процессуальное представительство / В.Д. Адаменко. – Томск: изд. Томского ун-та, 1978. – С. 211.

12. Самощенко И.С. Общая теория советского права / Под ред. С.И. Братуся, И.С. Самощенко. – М.: Новь, 1966. – С. 191.

13. Власов И.С. Внесудебная помощь несовершеннолетним, нуждающимся в социальной защите по законодательству Германии / И.С. Власов // Журнал российского права. – 2007. – № 11. – С. 24; Антонов, И.П. Права и свободы личности – высшая правовая ценность немецкого общества / И.П. Антонов // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 1. – С. 18.

14. Багаутдинов Ф. Уголовное преследование и правозащитная функция суда / Ф. Багаутдинов, А. Васин // Российская юстиция. – 2000. – № 8. – С. 29.

15. ВВС СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

16. Собрание законодательства РФ-1998. – № 20. – Ст. 2143; Собрание законодательства РФ-2001. – № 2. – Ст. 163.

Коротко об авторе — Some facts about author

Алабужева Ирина Рефатовна, аспирантка кафедры уголовного процесса и криминалистики, Байкальский государственный университет экономики и права (БГУЭП), alabuheva@mail.ru

Научные интересы: проблемы реализации и обеспечения права на защиту подозреваемых и обвиняемых лиц в рамках уголовного судопроизводства России. Анализ нормативных документов, регулировавших обозначенную область отношений на исторических этапах развития законодательства и регулирующих в настоящее время уголовное судопроизводство в Российской Федерации

Alabuzheva Irina, graduate of Criminal trial and Criminalistics Departmen, Baikalsky State University of Economics and Law (BSUEL), alabuheva@mail.ru

Scientific interests: problems of realization and ensuring the right of defence for the suspected and the accused under legal criminal proceedings in the Russian Federation. Analysis of normative documents stipulated this field including historical stages of the legislation development and their influence on legal criminal proceedings in present Russia

УДК 342.729 (47+57)

Р.С. Буянтуева
R. Buyantueva

СВОБОДА МАНИФЕСТАЦИЙ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРАВО И СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА

FREEDOM OF SPEECH AS POLITICAL RIGHT AND FREEDOM OF A PERSON

Свобода манифестаций является одним из политических прав и свобод человека. В статье показано, что правовой статус личности подразделяется на правовой статус человека и правовой статус гражданина. Политические права и свободы – это права, принадлежащие человеку как члену политического сообщества, когда он выступает, прежде всего, в качестве гражданина государства

Freedom of speech is one of the political rights and freedoms of an individual. The article shows, that legal status of a person is subdivided into legal status of an individual and legal status of a citizen. The political rights and freedoms belong to a human as a member of political association, when he comes out as the citizen of a state

Ключевые слова: свобода манифестаций, политическое право, свобода человека

Key words: freedom of manifestations, political right, freedom of a person

Социально-экономические перемены в обществе: переход к рыночным механизмам регулирования экономики, создание правового государства, гражданского общества – требуют и соответствующего нового мировосприятия, правосознания, основанного на общечеловеческих ценностях, каковыми являются в первую очередь права и свободы гражданина. Наиболее ярко взаимосвязь личности и государства проявляется при реализации политических прав и свобод человека и гражданина. Обеспеченность реализации политических прав и свобод граждан является критерием демократичности государства. В настоящее время права и свободы человека и гражданина стали первичными по отношению к государственным интересам, признаны высшей и абсолютной ценностью. Однако провозглашение демократических приоритетов во взаимоотношениях человека с обществом и государством в современных сложных экономико-политических условиях скорее является целью развития государства, нежели реальной действительностью.

К политическим правам и свободам в Российской Федерации относятся право народов на самоопределение, право народа на власть, право на местное самоуправление, право региональных коллективов на государственное самоуправление в статусе субъектов Федерации, право на свободные выборы, право граждан на объединение, право собираться мирно без оружия, право проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирование.

Таким образом, свобода манифестаций является одним из политических прав и свобод

человека. Правовое содержание свободы манифестаций включает в себя наличие возможностей следующих видов: на положительные действия, на самостоятельное поведение носителя свободы, возможности требования действий обязанных лиц, возможности притязания на предмет государственной защиты. Ведущим же является притязание на предмет государственной защиты. Другими словами, свобода манифестаций включает наличие правомочий трех видов:

1) право на личные положительные действия (организация манифестации и участие в ней);

2) право требования (предоставление общественного здания, улицы и т.д. как необходимый материальный фактор проведения манифестации);

3) право притязания (юридическая возможность в случае необходимости прибегнуть к помощи государственного принуждения и государственной защиты).

Очевидно, что это право должно выступать в форме реализации такого общеправового принципа, как разрешено все, что не запрещено законом (разумеется, применительно к данной сфере общественных отношений).

Правовой статус личности в зависимости от субъекта разделяют на правовой статус человека и правовой статус гражданина. Впервые эта классификация была нормативно закреплена Декларацией прав человека и гражданина 1789 г. В идеале все общепризнанные права и свободы должны быть зафиксированы в конституции каждого государства, т.е. должны быть гарантированы каждому гражданину (подданному) государства.

Отнесение тех или иных прав и свобод к правам человека или правам гражданина определяется рядом факторов (традициями, конкретными обстоятельствами принятия Конституции, позицией законодателя и т.д.), и поэтому перечни прав человека и прав гражданина не совпадают полностью в конституциях разных стран. Например, свобода передвижения по Конституции Испании является правом гражданина, а по Конституции Японии – правом человека; в большинстве конституций право на благоприятную окружающую среду является правом человека, а по Конституции Болгарии – правом гражданина и т.д.

Социалистический конституционализм в силу классового подхода не использовал внеклассовый термин «права человека». Социалистические конституции обращены к гражданам, прежде всего, к трудящимся, и некоторые их нормы регулируют статус иностранцев. Так, в Конституции Китайской Народной Республики 1982 г. до 2004 г. термин «права человека» не встречался, и до последнего времени считалось, что данный термин носит неклассовый характер. В редакции 2004 г. Конституция КНР содержит понятие «права человека». Однако в целом характер регулирования не изменился. Права, свободы и обязанности, закрепленные в Конституции КНР, обращены к гражданам, поэтому глава II Конституции КНР называется «Основные права и обязанности граждан».

В государстве живут не только граждане, но и иностранцы, лица без гражданства (апатриды). Поэтому существует разделение на права человека как такового и права человека как гражданина конкретного государства. В демократическом государстве иностранцы по своему правовому положению приравниваются к собственным гражданам (национальный режим), за отдельными указанными в законе изъятиями. Например, они не подлежат призыву на военную службу, не могут осуществлять некоторые занятия, занимать некоторые должности, иногда приобретать некоторые объекты собственности, не пользуются избирательными правами. На выборах в органы местного самоуправления постоянно проживающие иностранцы, не являющиеся официальными представителями иностранных государств и международных организаций, все чаще получают право голоса, а иногда и пассивное избирательное право. Так, ч. 1 ст. 28 Основного закона Федеративной Республики Германия предусматривает, что «на выборах в районах и общинах правом избирать и быть

избранными наделены в соответствии с правом Европейского Сообщества также лица, имеющие гражданство одного из государств, входящих в Европейское Сообщество» [1]. В ч. 1, ст. 13 Конституции Испании сказано: « Иностранцы пользуются в Испании общественными свободами, которые обеспечивает настоящий Раздел [конституции] в соответствии с договорами и законом» [2]. Конституция Мексики запрещает иностранцам любое вмешательство в политические дела страны [3]. Согласно ч. 2, ст. 2 Конституции Республики Болгария, «иностранцы, пребывающие в Республике Болгария, имеют все права и обязанности по настоящей конституции, за исключением прав и обязанностей, для осуществления которых конституцией и законами требуется болгарское гражданство» [4].

Политические права и свободы обычно признаются лишь за гражданами, т.е. обладание политическими правами связывается с принадлежностью к гражданству конкретного государства.

В отличие от прав человека права гражданина охватывают сферу отношений индивида с государством (сферу публичных интересов).

Критерием определения правового статуса человека и гражданина является отсутствие или наличие у лица гражданства. Гражданство как устойчивая правовая связь лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей, является возможностью участия лица в управлении делами государства. Тем самым обусловливается более широкий правовой статус гражданина, нежели человека, поскольку каждый гражданин является человеком, но не каждый человек является гражданином. При нормативной регламентации прав, свобод и обязанностей, принадлежащих человеку, они закрепляются при помощи терминов «каждый», «все», «никто», «любой», например, «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещенной законом экономической деятельности» [5, ст. 34].

В случае принадлежности правового статуса гражданину законодатель прямо указывает на это: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей» [5, ст. 32].

Одни общепризнанные права человека (например, право на жизнь, право на физическую и духовную неприкосновенность и т.д.) гарантируются каждому, кто находится на территории государства. Другие же (например, избирательные права, свобода митингов, собраний и т.д.) предназначены только для граждан страны.

Права и свободы человека принадлежат ему от рождения, независимо от всех его субъективных характеристик. В этом смысле они первичны и элементарны, а потому всеобщи, независимы от национальных и межнациональных границ. Права и свободы гражданина закрепляются за ним государством, то есть носят позитивный характер, поскольку гражданство порождает взаимные права и обязанности и лица, и государства. Реализация правомочного поведения лица, влияющая на государственные процессы, в силу этого предоставляется только гражданам. Следует отметить, что в полном объеме права и свободы осуществляются только по достижении гражданином возраста 18 лет, а для отдельных категорий граждан содержание их прав оговаривается дополнительными условиями.

Логично сделать вывод, что понятие «права человека» шире по объему, чем «права гражданина»: права человека – это не только права, гарантированные гражданам страны, но и каждому человеку вообще. Но, с другой стороны, гражданин в своей стране (как гражданин и как человек) должен обладать всеми общепризнанными правами человека, в то время как человек, не являющийся гражданином данной страны, в этой стране не обладает набором прав, гарантированных ее гражданам.

К правам и свободам гражданина, в частности, относятся политические права и сво-

боды: право собраний, митингов, демонстраций; право избирать и быть избранным. Однако современная интеграция, расширение Европейского Союза приводит к фактическому отказу от принадлежности политических прав только гражданам. В частности, большинство европейских государств предоставили избирательные права иностранным гражданам, проживающим на территории другого государства – члена ЕС на уровне местного самоуправления, основываясь на Конвенции об участии иностранцев в общественной жизни на местном уровне. Эту практику восприняла и Российская Федерация, наделив избирательным активным и пассивным правом при формировании органов местного самоуправления иностранных граждан, постоянно проживающих на территории муниципального образования, при условии наличия международного договора между Россией и иностранным государством и закона субъекта России [6].

Существует мнение о единстве прав и свобод человека и гражданина. На единство прав и свобод человека и гражданина указывал И.Е. Фарбер: «Именно государственное признание прав человека представляет собой форму их трансформации в права гражданина, которые есть лишь превращение права человека. Основные права и свобода гражданина – это юридическая форма прав человека, включенного в определенную социальную систему» [7]. Б.С. Эбзеев также определяет: «Права гражданина – форма опосредования прав человека, которые признаны государством и поставлены под его защиту» [8]. Однако реализация политических прав и свобод неразрывно связана с институтом гражданства, поскольку посредством данной группы прав воля народа трансформируется в волю государства. Указанный Б.С. Эбзеевым элемент признания государством прав граждан доказывает обязательность их нормативного закрепления для участия каждого гражданина в управлении делами государства. Еще Н.А. Бердяев, раскрывая основы демократии, писал: «Если есть вечное начало в демократии, то оно, конечно, связано не с идеей верховенства нации, а с идеей субъективных прав человеческой личности» [9].

Стирание «четких очертаний» между правовым статусом человека и правовым статусом гражданина является ошибочным. Такая практика приведет к массовому апатризму, в силу чего утратится само значение гражданства. Государство потеряет заинтересованность лица в наличии у него данной устойчивой правовой связи, ведь права и свободы предоставляются в полном объеме, а дополнительные обязанности не возникают. Предоставление отдельных прав и свобод, посредством которых лицо влияет на политико-государственные процессы, возможно только гражданам, людям, которым принятое решение не будет безразлично, поскольку они сами проживают в данном государстве и несут перед ним круг обязанностей. К таким правам относятся политические права и свободы.

Права и свободы, предопределяющие содержание всего правового статуса личности во всех сферах его жизнедеятельности, закрепляются в конституции государства. Тем самым государство подчеркивает их основное положение.

Конституция, закрепляя права и свободы человека и гражданина, придает им характер основных прав и свобод. Это не значит, что другие права и свободы не реализуются и не защищаются государством. Конституция Российской Федерации закрепляет, что «перечисление в конституции основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина» [5, ст. 55]. Другие права являются производными и возникают на основании основных прав и свобод. Конституционные, то есть основные права и свободы, являются гарантией иных прав и свобод. Закрепленные конституцией права и свободы признаются конституционными (основными). Они закладывают основу правового статуса личности, имеют первостепенное значение, поскольку на них ориентированы иные права и

свободы. Этим объясняется закрепление в Конституции Российской Федерации всего объема политических прав и свобод. Учитывая их позитивный характер и то, что участие граждан в управлении делами государства влияет на общее конституционное развитие, верховенство Конституции Российской Федерации является гарантом абсолютности реализации политических прав и свобод, участия граждан в реализации власти.

Именно реализация политических прав и свобод гражданина как проявления народовластия является механизмом обеспечения иных прав и свобод. Посредством политических прав и свобод гражданин участвует и контролирует государственно-политические процессы в стране, формируемую политику государства в отношении человека. Непосредственное или опосредованное участие граждан в управлении делами государства не позволяет ограничивать правовой статус человека.

В правовом статусе особенно уязвимыми являются политические права и свободы. Невозможность граждан участвовать в управлении делами государства может привести к игнорированию и других прав и свобод человека как личных, так и экономических, поскольку государство будет самостоятельно определять объем правового статуса личности. Этим определяется и значимость политических прав и свобод человека и гражданина, которые выступают проводником народовластия, ограничителем абсолютизации власти государства.

Политические права и свободы являются важной категорией субъективных прав и свобод человека и гражданина, специфической категорией института прав человека. Эти права обеспечивают политическую самореализацию человека в публичной власти. Демократическое правовое государство наделяет своих граждан достаточно широким спектром политических прав и свобод, позволяющим гражданину и государству осознавать меру своей ответственности за происходящее. Политические права, свободы и обязанности «характеризуют индивидов и их объединения как субъектов политической системы, участников публично-политических отношений, связанных с организацией и деятельностью публичной власти» [10]. Политические права и свободы – это права, принадлежащие человеку как члену политического сообщества, когда он выступает, прежде всего, в качестве гражданина государства. Они имеют своим назначением обеспечение политической свободы мнений, убеждений и высказываний личности в обществе. Политические права граждан являются непременным условием функционирования всех других видов прав, поскольку они составляют органическую основу системы демократии и выступают как ценности, которыми власть должна ограничить себя и на которые должна ориентироваться. В отличие от личных прав и свобод, политические права и свободы направлены не на обеспечение автономии человека, а на его проявление в качестве активного участника политического процесса. Ценность этой категории прав состоит в том, что они создают условия для укрепления связей между гражданином, обществом, государством. Политическая свобода, по существу, является одной из граней личной свободы: человек как разумное существо, носитель политического сознания и политической воли вправе действовать в качестве самостоятельного и свободного участника политического процесса.

Признание государством неотъемлемости политических прав и свобод и абсолютного народовластия является основной защитой от необоснованных вторжений и несоразмерных ограничений других прав и свобод человека. Политические права и свободы являются гарантом демократии, реализации других прав и свобод, верховенства закона, но одновременно требуют защиты как имеющие позитивный характер и зависящие от воли государства.

Данные концептуальные положения закреплены в Конституции Российской Федерации, в том числе в ее первой главе, в которой определены основы конституционного строя. В ст. 2 Конституции Российской Федерации зафиксировано, что «человек, его права и свобо-

ды являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [5].

Необходимо отметить, что фактическое осуществление основных политических прав и свобод человека и гражданина возможно лишь при помощи и посредством норм национального законодательства, которые должны предусматривать эффективные механизмы и процедуры их реализации. Существование демократического общества немыслимо вне формирования политического плюрализма и его ценностей, нонконформизма общественного сознания и поведения, активного и сознательного участия граждан в общественно-политической жизни. Поэтому в демократическом обществе политические права и свободы воспринимаются массовым общественным сознанием не как нечто второстепенное, а как одна из базовых гуманистических ценностей.

Политические права и свободы, провозглашенные изначально в рамках буржуазного конституционализма, впоследствии получили развернутый конституционно-правовой статус и утвердились сначала в качестве важнейшего института национального, а позднее и международного права. Многие современные международно-правовые документы о правах человека универсального и регионального характера, устанавливая объем неотчуждаемых прав и свобод человека, содержат такие политические права и свободы, как свобода мирных собраний и ассоциаций.

Литература

1. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. BGBl. I 1949. – S. 1. – Art. 28.
2. Конституция Испании // Boletin Oficial del Estado. – № 311. – от 29 декабря 1978 г. – Ч. 1. – Ст. 13.
3. Конституция Мексики. – Ч. 3. – Ст. 13.
4. Конституция Болгарии (Республики Болгарии) от 12 июля 1991 г. – Ч. 2. – Ст. 2.
5. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – № 237. – 25.12.1993.
6. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 17.06.2002. – № 24. – Ст. 2253. – П. 10. – Ст. 4.
7. Фарбер И.Е. Свобода и права человека в Советском государстве / И.Е. Фербер. – Саратов, 1974. – С. 35.
8. Эбзеев Б.С. Конституция. Демократия. Права человека / Б.С. Эбзеев. – М. – Черкесск, 1992. – С. 118-120.
9. Бердяев, Н.А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи / Н.А. Бердяев // Философия свободного духа. – М., 1994. – С. 330.
10. Конституционное право России: курс лекций / Отв. ред. Ю.Л. Шульженко. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – С. 146.

Коротко об авторе / Some facts about author

Буянтуева Раджана Сергеевна, аспирантка, Бурятский государственный университет (БГУ), <dari48@mail.ru>

Buyantueva Rajana, Buryat State university (BSU), <dari48@mail.ru>

Научные интересы: конституционное право

Scientific interests: constitutional law

УДК 343.123.52

В.Д. Макаров
V. Makarov

ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ ПО ДЕЛАМ О ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ РФ

PROBLEMS OF OVERCOME OF CRIMINAL PERSECUTION COUNTERACTION BY BREACH OF TRUST CASES IN THE RF ARMED FORCES

Актуальность статьи обусловлена появлением новых форм противодействия уголовному преследованию по делам о должностных преступлениях в Вооруженных Силах РФ и, как следствие, невозможностью решения проблем преодоления правоохранительными органами возникшего противодействия.

По результатам проведенного исследования автором предложены некоторые пути решения данных проблем, в частности, проведение организационных и правовых мер с использованием технико – криминалистических средств и т.д.

Topical interest of the article is determined by appearence of new forms of criminal persecution counteraction by breach of trust cases in the RF Armed Forces and, as a result, impossibility of solving the problem of overcoming the counteraction by law-protecting agencies. Nowadays new models of counteraction to accusation of malfeasance are appeared in criminal offences in Russian Armed Forces. At the same time law enforcement have no possibilities to overcome these counteractions.

According to the results of the research the author purposes some ways of solving these problems. For example, organizational and legal measures using technical and criminalistic means etc

Ключевые слова: преодоление противодействия, должностные преступления в Вооруженных Силах РФ

Key words: counteraction overcome, breach of trust in the Russian Federation Armed Forces

На протяжении нескольких десятилетий преступность в Вооруженных Силах и других войсковых формированиях нашей страны оказывает дестабилизирующее влияние на состояние боеготовности, всей военной организации нашего государства, а также является существенным криминогенным фактором общей преступности. Как отмечает судья В. Волчок, коэффициент преступности в воинской среде в 2005 г. приближается к аналогичным показателям, средним по России [1].

Особую тревогу вызывает рост совершаемых военнослужащими должностных преступлений, количество которых составляет 20…25 % всех преступлений, выявляемых в армии, на флоте и в других воинских формированиях РФ. Повышенная опасность данных преступлений определяется не только их высокой латентностью и причинением вреда одновременно многим объектам уголовно-

правовой охраны, наиболее активной ролью в совершении данных преступлений офицерского состава (41,5 % из числа привлеченных к ответственности в 2001-2002 гг.). Нередко подобные деяния совершаются организованными группами под руководством высших офицеров: военных финансистов, должностных лиц тыловых служб, непосредственно связанных с распределением и учетом вещевого имущества, ГСМ и т.п.; командиров частей и соединений.

По мнению профессора С.А. Соколова, данный вид преступности «приобретает характер организованной коррупции; симбиоз монополии «власти – единоначалия», дискреционных полномочий воинских должностных лиц в принятии решений и отсутствие жесткой правовой подчиненности, подконтрольности их армейской общественности… Коррупция выходит за пределы должностных преступлений (злоупотребление, взяточничество, присвоение ренты, растраты, должностной подлог и др.)… Она включает фаворитизм, протекционизм, непотизм (служебное покровительство)…, многочисленные и разнообразные формы незаконного присвоения публичных прав и средств для личного использования» [2].

Естественным следствием организованной преступности является появление новых форм и приемов противодействия привлечению к уголовной ответственности за совершение преступлений участников коррупционных связей и отношений. По мнению исследователей, в 90-е гг. XX в. произошла качественная трансформация форм противодействия от простейших (уклонение от явки в правоохранительные органы, дача ложных показаний, сокрытие, уничтожение следов преступления, попытки подкупа должностных лиц контрольных и следственных органов) до настоящего террора в отношении субъектов уголовного процесса (шантаж, угрозы, похищения родственников, физическое насилие, убийство) и применения ресурсов публичной власти и общественного мнения (через СМИ) для давления на следствие и суд [3]. Поскольку в это же время законодателем были предприняты значительные шаги по укреплению гарантий прав подозреваемого, обвиняемого на защиту, актуальной практической проблемой преодоления организованного противодействия для следователей, прокуроров и судей остаётся определение сущности противодействия.

При расследовании должностных преступлений военнослужащих участники уголовного процесса (как и иные лица) могут совершать самые разные действия, объективно влекущие дополнительные затраты времени и сил лица, ведущего расследование: приглашение и замена защитника, ограничение доступа на различные объекты, отказ предоставить определенные документы, некорректное поведение.

Нередко их действия и акты влекут ещё и дополнительные затраты бюджетных средств: при необходимости проведения дополнительных экспертиз по ходатайству стороны защиты, необходимости предоставления переводчика свидетелям, недостаточно владеющим языком делопроизводства и т.п. – Тогда как сущностью противодействия являются именно правонарушения, действия незаконные и целенаправленные, которые совершаются только с прямым умыслом, осознанием заведомо незаконной цели, воспрепятствования законно ведущемуся расследованию и (или) отправлению правосудия.

Как замечают А. Коробеев, Ю. Кулешов, Ф. Кравченко и некоторые другие авторы, действие (бездействие) противодействующего лица должно быть только незаконным, нарушающим определенное публично-правовое предписание [4]. Если отсутствует законодательное ограничение на проведение митингов, пикетов или голодовок в связи с расследованием определенного дела, дела в отношении определенного лица, то такими действиями и незаконно воспрепятствовать невозможно. Кроме того, действия, выражающиеся в противоправном вмешательстве в ход расследования и отправления правосудия, должны осуществляться только в целях нарушения поряд-

ка принятия решений органами и должностными лицами военной прокуратуры, военного командования, военного суда. Для достижения целей виновных вовсе не обязательно принуждать эти органы и должностные лица обязательно к принятию незаконного, несправедливого или необоснованного решения.

Так, в условиях недостатка актуальной информации на начальном этапе расследования достаточно направить расследование по ложному пути, например: «Это уволенный Н.Н.… совершил нарушения, а подозреваемый А.А. в своё время неаккуратно принимал дела, а потом заподозрил неладное и сам инициировал проверку». И вывод следует оформленный, как частное мнение бывалого командира: «Всыпать» бы А.А. за невнимательность, но и принципиальность проявил, молодец!»

Отсюда, цель незаконного воспрепятствования расследованию может быть реализована путем совершения уголовно-наказуемых, дисциплинарно- или административно-наказуемых деяний, комплексах действий и бездействия. Всего можно выделить три основные формы противодействия, на практике часто встречающиеся в сочетаниях:

1) ограничение доступа следователя к интересующим его объектам, лицам, документам как носителям информации о деянии определенного лица. Это – наиболее простой набор приемов «борьбы за информацию», практикуемый на всех этапах расследований, военными и гражданскими лицами, привлекаемыми за совершение самых разных должностных преступлений. Он практикуется в насильственных (насилие, угрозы) и ненасильственных формах (шантаж, подкуп, давление «на жалость») воздействия на лиц, обладающих процессуально значимой информацией. В середине 90-х гг. XX в. таких приемов среди всех выявленных фактов воспрепятствования расследованию и правосудию было выявлено до 76 %, в начале нового века – 62 % [5]. Также широко практикуется сокрытие, уничтожение следов, документов, орудий, средств преступной деятельности, отмеченные в 44 % случаев противодействия в середине 90-х гг. При расследовании должностных преступлений военнослужащих данные приемы практикуются ещё более широко, по разным оценкам, свыше 80 % случаев, но, как правило, на ранних этапах расследования, нередко ещё до возбуждения уголовного дела;

2) предоставление органам дознания, следователю и суду специально подготовленной информации, фальсификация доказательств невиновности определенного лица и, реже, фальсификация доказательств виновности другого лица. Это более «интеллектуальный» приём противодействия расследованию, к тому же часто связанный с совершением ряда других преступлений другими лицами (использование поддельных документов, склонение к даче заведомо ложных показаний, заведомо ложному доносу, хищение документов и др.). В 80…90 % случаев фальсифицируется именно вербальная информация, исходящая от свидетелей, потерпевших (их представителей), специалистов, иных лиц.

По наблюдениям автора и сообщениям сотрудников военной прокуратуры, по делам о должностных преступлениях в военной среде противодействие не менее чем в 50 % случаев было сопряжено с попытками искажения документов отчетности, материалов проверок, уже после привлечения отдельных лиц в качестве подозреваемых и обвиняемых. Достаточно широко (50…60 % случаев) используется содействие недобросовестных защитников, которые нередко откровенно злоупотребляют процессуальными возможностями для затягивания предварительного расследования и рассмотрения дела в военном суде.

Тем самым создаются дополнительные сложности с вызовом свидетелей, проверкой их показаний, возникают основания для изменения (отмены) меры пресечения в отношении обвиняемых, их сокрытия от следствия и суда; результаты огромной работы следователей и прокуроров обесцениваются [6]. За время рассмотрения дела могут возникнуть и законные основания для прекращения уголовного пре-

следования военных коррупционеров, например, принятие акта об амнистии – для лиц, имеющих государственные награды;

3) давление в различных формах на должностных лиц органов дознания, предварительного расследования, прокуроров и судей с целью принятия неправомерных решений (несправедливых, необоснованных) в отношении конкретных лиц, привлеченных к уголовной ответственности, включая подсудимых. Это обычно «крайние меры» противодействия расследованию, применяемые в тех случаях, когда все названные меры не способствовали избежанию ответственности.

Применение давления (вплоть до угроз личной безопасности и физического устранения лиц, представляющих опасность для преступной группы) сопряжено с совершением тяжких и особо тяжких преступлений. Значительно чаще практикуются такие методы, как дискредитация должностных лиц, ведущих расследование, в том числе и путем подачи многочисленных жалоб на любые их действия и решения (фактически – клевета); публичные заявления об ангажированности должностных лиц, прокуроров, судей («политический заказ», «прокурорский ресурс» и др.); кампании протеста в СМИ, массовые акции граждан. В первой половине 90-х гг. прошлого века такие приемы противодействия отмечались более чем в 80 % случаев (из них 35 % – попытки влиять на общественное мнение через СМИ), а в 72 % имело место установление незаконных каналов связи с арестованными.

К началу нового века подобные формы давления отмечаются практически в каждом случае расследования дел о должностных преступлениях военнослужащих. В целом, «с таким давлением в разных формах сталкивались 46,7 % опрошенных судей. При этом в правоохранительные органы обратились только 14 % в связи с осуществлением вмешательства» [7]. Возможно, реальной опасности для жизни и здоровья судей (их близких) вмешательство и не представляло.

Но и вынесенные после неправомерного вмешательства решения данных судей могут быть вполне опротестованы и отменены как вынесенные лицами, имеющими «иную заинтересованность» в исходе дела. Нет оснований признавать положение должностных лиц органов военного дознания, следствия, прокуратуры и судов при работе по «коррупционным» делам более благоприятным, поскольку у нас отсутствует независимый от органов военного командования институт военной полиции, уполномоченный вести в полном объеме дознание и ОРД в войсках, предоставлять защиту субъектам процесса. В то же время продолжается финансирование военных прокуратур через органы военного командования и части Вооруженных Сил [8].

Следовательно, способы совершения расследуемых преступлений, как правило, «в значительной мере определяют содержание способов противодействия. Это следует учитывать как при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в целях противодействия, так и при выборе методов и средств его преодоления» [9]. Проблему противодействия расследованию должностных преступлений не следует рассматривать как некую разновидность пресечения сокрытия деяния, хотя бы и с использованием служебного положения виновного и подчиненных ему лиц. Речь идет о специфическом направлении организованной преступной деятельности.

Без оперативно-розыскного и оперативно-технического сопровождения предварительное расследование дел о фактах коррупции в Вооруженных Силах и в военных формированиях иных министерств и ведомств, особенно в высших эшелонах управления, в современных условиях обречены на провал. Это давно доказано применительно к расследованиям организованной преступной деятельности гражданских лиц [10]. Были разработаны и соответствующие методики использования данных ОРД при планировании и ведении расследования. Вопрос заключается в том, чтобы, с одной стороны, адаптировать соответствующие рекомендации к условиям борьбы с кор-

рупцией в военной среде, с другой стороны, повысить уровень специальной криминалистической подготовки лиц, ведущих соответствующие расследования. В частности, ещё на ранних этапах расследования информация, полученная оперативным путем, позволит выявить связи субъектов возможного противодействия: непосредственные (подозреваемый – свидетель) и опосредованные (подозреваемый – служебный начальник подозреваемого – лидер преступной группировки – работодатель свидетеля и т.п.).

Поскольку система рассматриваемых связей и приемы совершения расследуемых преступлений ситуативны, то и варианты преодоления возможного (вероятного) противодействия должны определяться заранее для каждого случая с учетом множества объективных и субъективных факторов. Так, должностная иерархия подозреваемых в совершении служебных преступлений военных на практике редко совпадает с распределением неформальных преступных связей внутри группы. Лидер – далеко не всегда тот, у кого выше должность. Но именно лидер должен быть ограничен в возможностях неконтролируемых действий по руководству группой ещё до начала официального, «формального» расследования. Очевидно, что лишь процессуальными мерами доказать факты специфических связей лиц, «похожих» на Генерального прокурора или на Министра юстиции, оказалось бы невозможно.

Как отмечают исследователи, «по своему содержанию такие взаимосвязи характеризуются подчиненностью, зависимостью, взаимодействием и т.п. Через них… формируются мотивы и цель противодействия, определяются, согласовываются его способы, средства и методы их реализации». Результаты использования коррупционных связей при противодействии представляются в совокупном виде как ряд негативных факторов действий или бездействия участников процесса, но может выразиться и в виде организованного противодействия расследованию, когда сами руководители расследования имеют в его исходе неправовые интересы [9; С. 240].

Поэтому для фиксации оперативной информации, а также лучшего процессуального закрепления данных, полученных в ходе следственных действий, включая поведение их участников, огромное значение приобретает грамотное использование технико-криминалистических средств и методик, связанных с использованием технических средств, предназначенных для гласного и негласного получения и закрепления визуальной и вербальной информации. Например, аудио- видеозаписи, сделанные при задержании с поличным, и непосредственно после него, значительно сужают возможности отказа подозреваемого и обвиняемого от своих первоначальных показаний.

Таким образом, проблему противодействия расследованию должностных преступлений военнослужащих не следует рассматривать как некую разновидность простого сокрытия преступления, в некоем расширенном толковании, т.е. с «выходом» за пределы традиционных способов умолчания и уничтожения улик. Часто следственные органы имеют дело с организованным противодействием со стороны разветвленных ОПГ, с массой коррупционных и иных связей. Поэтому и организация противодействия воспрепятствованию расследованиям должна опираться на комплекс организационных и правовых мер. Совершенно нетерпимым в этой связи представляется отсутствие независимого от органов военного командования института военной полиции, уполномоченной вести ОРД в войсках в полном объеме, при необходимости предоставлять защиту субъектам процессуальных отношений; а равно продолжающееся финансирование военных прокуратур через органы военного командования и войсковые части. Повышение эффективности расследования связано с формированием оперативно-розыскного и оперативно-технического сопровождения всех этапов предварительного расследования и отправления правосудия.

Литература

1. Волчок В. Особенности воздействия на преступность в Вооруженных Силах / В. Волчок // Уголовное право. – 2006. – № 32. – С. 97; Тенденции преступности, её организованности, закон и опыт борьбы с терроризмом / Под. ред. А.И. Долговой. – М., Российская криминологическая ассоциация. – 2006. – С. 9.

2. Соколов С.А. Организованная коррупция и должностная преступность в войсках, меры по её сдерживанию / С.А. Соколов // Государственная граница, организованная преступность, закон и безопасность России / Под. ред. А.И. Долговой. – М.: Рос. крим. ассоциация, 2006. – С. 227-228.

3. Федоренко А.Ю. Роль технико-криминалистических средств и методов в преодолении противодействия расследованию преступлений / А.Ю. Федоренко // Проблемы укрепления законности и её влияние на эффективность работы органов внутренних дел в современных условиях: сборник статей адъюнктов и соискателей. – Вып. 10. – М.: ЮИ МВД России, 2000. – С. 184-185; Климов И.А. Противодействие криминальной среды как объект и предмет исследования теории ОРД / И.А. Климов, Г.К. Синилов // Организационное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации: материалы научно-практической конференции. – М., 1997. – С. 24-25.

4. Коробеев А. Уголовно-правовая защита независимости правосудия / А. Коробеев, Ю. Кулешов // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 38; Кравченко Ф. Презумпция невиновности в свете газетных и журнальных публикаций / Ф. Кравченко // Российская юстиция. – 1997. – № 1. – С. 26-27.

5. Климов И.А. Указ. соч. – С. 24-25; Попова Л. Квалификация угроз, высказываемых в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования / Л. Попова, Н. Попов // Уголовное право. – 2002. – № 3. – С. 47.

6. Савенков А.Н. Верхушке Минобороны плевать на правосудие / А.Н. Савенков // Независимая газета. – 2005. – 27 мая.

7. Коробеев А. Указ. соч. – С. 37.

8. Иншаков С.М. Системное воздействие на преступность в Вооруженных силах: автореф. дис… докт. юрид. наук / С.М. Иншаков. – М., 1997. – С. 8; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ / В.В. Ленеев. – М., 1977. – С. 386; Волчек В. Указ. соч. – С. 100.

9. Варфоломеев Е.В. К вопросу о понятии, субъектах и способах противодействия расследованию преступлений / Е.В. Варфоломеев, А.Я. Эрекаев // Проблемы борьбы с преступностью в Центральном федеральном округе Российской Федерации: материалы научно-практической конференции (28-29.11.2001 г. г. Брянск) / Под ред. А.М. Никитина. – Ч. 2. – М-Б.: ЮИ МВД России, 2002. – С. 239.

10. Кузнецов В.В. Криминалистические средства и методы борьбы с организованной преступностью / В.В. Кузнецов, А.В. Фефилатьев // Проблемы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. – М., 1994. – С. 103-106; Волынский В.А. Организация и тактика использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений / В.А. Волынский, М.А. Удовыдченко. – М., 1999. – С. 8-21.

Коротко об авторе — Some facts about author

Макаров Владимир Дмитриевич, помощник военного прокурора Сибирского военного округа, подполковник юстиции

Makarov Vladimir, military prosecutor assistant of Sibirian Military district, justice lieutenant-colonel

Научные интересы: уголовное право, уголовный процесс, расследование преступлений, совершенных военнослужащими Вооруженных Сил РФ

Scientific interests: criminal law, criminal trial, investigation of crimes, commited by servicemen of the RF Armed Forces

УДК 344

Ю.Н. Туганов
U. Tuganov

ОСОБЕННОСТИ ПООЩРЕНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ENCOURAGEMENT PECULIARITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION MILITARY MEN: THEORETICAL ASPECT

В статье рассмотрены актуальные проблемы развития российского военного законодательства о поощрении военнослужащих.

По результатам исследования данной проблемы делается вывод о том, что поощрение является важным средством воспитания военнослужащих и укрепления воинской дисциплины. Выделяются признаки и функции поощрения военнослужащих и дается его определение.

Отмечается, что возрастание роли поощрения, безусловно, требует развития принципов стимулирования военнослужащих за результаты служебной деятельности

The article is devoted to the actual problems of development of the Russian military legislation concerning encouragement of military men.

According to results of the research of the given problem there is a conclusion that encouragement is the important means of education of military men and strengthening of military discipline. Attributes and functions of encouragement of military men are selected, and there is a definition of this term.

It is noticed that the increase of encouragement role certainly demands the development of military men stimulation principles for the results of service

Ключевые слова: поощрения военнослужащих, обеспечение воинской дисциплины, военная реформа

Key words: encouragement of military men, ensuring military discipline, military reform

Абсолютное большинство людей, занимаясь любым видом деятельности, явно или неявно желает общественного признания ее результатов, т.е. общепринятых внешних форм выражения одобрения. Перспектива быть отмеченным, выделенным из общей массы, возвышает военнослужащего как в собственных глазах, так и, что может быть еще важнее, по его мнению, в глазах своих сослуживцев. Вдвойне возвышает и приносит чувство наибольшего удовлетворения, когда личное мнение поощренного и окружающих едины в оценке и признании его заслуг. В этом отношении военная служба представляется уникальной сферой, в которой изначально закладывался механизм такого внешнего общественного признания заслуг, профессиональных и личных достоинств человека, который состоит на военной службе у своего Отечества.

Государство в той или иной форме всегда заинтересовано в совершенствовании деятельности своего аппарата, которая, в конечном счете, направлена на повышение его эффективности, как она понимается в данную историческую эпоху. Напрямую это относится и к Вооруженным Силам РФ. Поощрения – важное средство воспитания военнослужащих и укрепления воинской дисциплины. Они, как стимулы, вырабатывают сознательное отношение к делу, способствуют развитию инициативы, смелости и решительности, мобилизуют на преодоление трудностей [1]. Сущность поощрения весьма точно выразил профессор К.С. Вельский, рассматривающий поощрение не иначе как особый вид управленческого «давления», такое государственное воздействие, которое не подчиняет, но специфическим образом направляет волю лица на действия, полезные для интересов коллектива и общества [2].

Одним из самых распространенных правовых стимулов военнослужащих является поощрение. При этом система мер поощрения эффективности деятельности военнослужащих занимает среди правовых средств обеспечения воинской дисциплины самостоятельное место. Как сказано в ст. 17 Дисциплинарного устава ВС РФ (далее – ДУ ВС РФ), «поощрения являются важным средством воспитания военнослужащих и укрепления воинской дисциплины» (аналогичным образом определялись поощрения и в ДУ ВС РФ 1993 г.).

Правовое поощрение – это эффективный способ признания заслуг лица, который можно рассматривать как совокупность правовых норм, в соответствии с которыми субъект за определенное положительное поведение приобретает соответствующие благоприятные последствия, которые одновременно являются призывом к установленному виду социально-активного правомерного поведения.

Развернутое определение правового поощрения требует выделения его признаков и функций [3]. Предлагаемый авторами, специально исследовавшими эти вопросы, перечень признаков, достаточно полон:

1) поощрение связано с заслуженным поведением;

2) поощрение сопряжено с сугубо добровольным поступком;

3) меры поощрения юридически одобряют позитивные действия;

4) поощрение взаимовыгодно для общества и субъекта, осуществляющего его;

5) поощрение – юридический стимул, причем, как правило, самый действенный;

6) вместе с тем, оно играет и определенную ограничивающую роль, что создает побочный эффект. Например, премия не только побуждает военнослужащего к высококачественному исполнению обязанностей военной службы путем заинтересованности в достижении поощряемого результата, но и косвенно сдерживает (опять же позитивными методами) от антиобщественного, противоправного поведения.

Практически совпадают и позиции авторов, исследовавших функции правового поощрения, различаясь только в степени их детализировки. Так, О.В. Левин, кроме выделяемых в литературе другими авторами функций (контролирующей, мотивационной, коммуникативной, оценивающей, гарантирующей, распределительной, воспитательной) (А.В. Малько считает, что «правовые поощрения выполняют контролирующую, стимулирующую, коммуникативную, оценивающую, гарантирующую, распределительную и воспитательную функции») [3] выделяет также следующие:

1) стимулирующая функция, поскольку поощрение развивает социально-правовую активность людей (поощрение как правовой стимул влияет на формирование правомерной мотивации);

2) ориентационная функция (устанавливая те или иные виды поощрения, государство тем самым определяет цели, к которым следует стремиться стимулирующим и стимулируемым субъектам);

3) обеспечительная функция следует из того обстоятельства, что с помощью мер по-

ощрения властный субъект не директивно, а косвенным образом «обеспечивает» социально-полезное поведение граждан;

4) функция согласования интересов (компромисса) состоит в том, что с помощью применения мер поощрения может достигаться цель согласования интересов государства и различных слоев граждан.

А.А. Гришковец, анализируя сложившийся в российском государственном аппарате порядок поощрения государственных служащих, выделяет две группы поощрений:

1) формализованные (нормативно закрепленные в законодательстве как меры поощрения);

2) неформализованные (хотя и не названные в законодательстве среди мер поощрения, но по своему характеру, содержанию, целям и значению реально таковыми являющиеся, и де-факто, широко используемые на государственной службе) [4].

В юридической науке имеются и иные мнения о классификации поощрений, применяемых к государственным служащим. Так, например, профессор К.С. Вельский выделяет три группы поощрений:

1) моральные (награждение Почетными грамотами, занесение в Книгу почета и на Доску почета, объявление благодарности, награждение орденами и медалями, присвоение почетных званий);

2) материальные (денежные премии, ценные подарки, вознаграждение по итогам года);

3) организационные (продвижение по службе).

Однако, по мнению А.А. Гришковца, данная классификация не может быть признана достаточно полной, т.к. она не принимает в расчет реальную практику, существующую в государственном аппарате, где поощрение нередко имеет неявный, т.е. неформализованный характер и юридически никак не оформляется, но фактически широко используется. Представляется, что это соответствует реальному положению дел не только в государственном аппарате, но и в ВС РФ.

Приходится признать, что ни в российском законодательстве, ни в юридической науке пока не закреплено всеохватывающее цельное определение понятия «поощрение военнослужащего», хотя потребность в этом очевидна. Правда, известны отдельные попытки ученых-юристов сформулировать понятие «поощрение государственного служащего». Например, профессор А.Ф. Ноздрачев понимает под поощрением меры морального и материального характера, связанные с публичным признанием заслуг и оказанием общественного почета государственным служащим за успешное и добросовестное исполнение должностных обязанностей и достигнутые результаты в государственной службе [5].

Представители науки трудового права тоже пытались внести свой вклад в определение понятия «поощрение». Например, В.И. Шкатулла определяет поощрение как положительную санкцию, заслуженную меру одобрения, как правило, публичное признание заслуг, отличий и успехов персонала в том или ином виде деятельности, выступающее как способ социального контроля, правового регулирования трудовых отношений, средство воздействия на субъектов, их интересы, цели и иные мотивы, призванное подкреплять позитивное и превосходящее обычные требования поведение [6].

Определение «поощрение государственного служащего» как более отвечающее требованиям современного права, по нашему мнению, дает А.А. Гришковец, понимая под таковым нормативно закрепленную или фактически используемую форму признания со стороны публичной власти личных заслуг государственного служащего, применяемую при наличии достаточных оснований, уполномоченным государственным органом или его должностным лицом путем издания правового акта установленной формы или совершения иных действий, приносящих поощряемому государственному служащему материальные и (или) нематериальные преимущества [4; С. 175].

При формулировании понятия «поощрение военнослужащего» нужно исходить из того, что это не только правовое поощрение, т.е. форма и мера юридического одобрения добровольного заслуженного поведения, в результате чего субъект вознаграждается и для него наступают благоприятные последствия [7], но и в целом ряде случаев – неправовое поощрение.

Военная служба в РФ как особый вид государственной службы требует формирования современной системы стимулирования, отражающей ее специфику. Ряд авторов считает, что «военная организация российского государства во все времена (выделено нами, Ю.Т.) отличалась несколько консервативным подходом к управлению практически любым видом деятельности и некоторой инертностью в принятии прогрессивных решений, что не могло не сказаться на военном законодательстве Российской Федерации, нормы которого содержат довольно небольшое количество позитивных санкций» [8]. Думается, что следует делать акцент не на консерватизме военного права России, имеющем свое историческое оправдание, а на степени зрелости объективных и субъективных предпосылок для созревших потребностей в изменении системы стимулирования военной службы.

Таким образом, особой разновидностью общих прав военнослужащих является право на поощрения, которые являются мощными правовыми стимулами в служебной деятельности военнослужащих. Правом на поощрение обладают не все военнослужащие, а только те, которые нормативными правовыми актами уполномочены их применять, т.е. командиры и начальники. Поощрение военнослужащих является, с одной стороны, правовым средством их воспитания, с другой – правовым средством обеспечения воинской дисциплины.

Анализ существующего законодательства о поощрении военнослужащих и сложившейся практики его применения, а также воззрений на существо рассматриваемой проблемы, которые имеются в отечественной юридической науке, позволяют сформулировать следующее определение понятия «поощрение военнослужащего».

Поощрение военнослужащих – разновидность правового стимулирования их военно-служебной деятельности, т.е. воздействие командиров (начальников) или иных должностных лиц и органов государственного управления на потребности, интересы, сознание, волю и практическое поведение военнослужащего, а следовательно, на результаты его военно-служебной деятельности. Поощрение (стимулирование) обеспечивает воинскую дисциплину, способствует улучшению качества исполнения военно-служебных обязанностей, воспитывает инициативу и ответственность военнослужащих.

Применение поощрения должно базироваться на правовой основе, т.е. соответствовать полномочиям воинского должностного лица (должностного лица, органа).

Для того чтобы поощрение сыграло свою стимулирующую роль, оно должно быть:

1) обоснованным, т.е. применено за конкретные положительные результаты в военно-служебной деятельности или заслуги;

2) своевременным;

3) справедливым (весомым, значимым), т.е. мера поощрения должна соответствовать результату или заслуге;

4) применено строго индивидуально, т.е. за конкретные личные положительные результаты и заслуги поощрению подлежит конкретный военнослужащий, а не коллектив в целом, в штате которого он состоит. В то же время индивидуальный подход не исключает возможности поощрения всего личного состава подразделения (воинской части, корабля и т.д.), если положительный результат достигнут в результате коллективной деятельности.

Повышению эффективности воспитательного воздействия поощрения способствует использование его различных видов с соблюдением постепенности в их применении, т.е. применение видов поощрений от более низких до более высоких. Однако постепенность не

исключает возможности поощрения особо отличившегося военнослужащего сразу же одним из высших видов поощрения, но с учетом индивидуальных особенностей поощряемого, его дисциплинированности, а также степени воспитательного воздействия на других военнослужащих.

Поощрение должно осуществляться с соблюдением принципа гласности, т.е. с доведением его до военнослужащих подразделения (воинской части, войск и т.д.).

Объявленное поощрение должно быть обязательно исполнено, т.е. завершиться совершением определенного действия (вручением Почетной грамоты, подарка, денежного вознаграждения, отменой приказа о наказании, внесением соответствующей записи в карточку поощрений и взысканий и т.д.).

Поощрение, с одной стороны, является субъективным правом командира (начальника), а с другой – его юридической обязанностью, что предусмотрено ч. 2 ст. 17 ДУ ВС РФ.

Субъективное право командира (начальника) по применению поощрения предусматривает предоставленную ему возможность по своему усмотрению применять виды поощрений, предусмотренных ДУ ВС РФ и другими нормативными правовыми актами. Военнослужащий не имеет субъективного права на применение к нему какого-либо вида поощрения, т.е. он не может требовать от командира (начальника) применить к нему поощрение. В то же время он может иметь законный интерес в применении к нему того или иного поощрения, которое влечет для него приобретение каких-либо прав и льгот. Так, например, при присвоении звания ветерана военной службы, с наступлением пенсионного возраста по старости, влечет для военнослужащего приобретение прав и льгот, предусмотренных для ветеранов труда [9].

С другой стороны, ДУ ВС РФ предусматривает необходимость должного поведения командира (начальника) по поощрению конкретного военнослужащего (военнослужащих конкретных подразделений, воинских частей и т.д.), и в таком качестве указанное поведение является юридической обязанностью в целях стимулирования подчиненных военнослужащих, исполняемой в интересах государства в целом. Однако необходимо отметить недостаточную процессуальную упорядоченность применения командирами (начальниками) видов поощрений, что ведет к увеличению влияния субъективного фактора в их использовании и как следствие – недостаточной эффективности поощрения как правового средства воспитания и обеспечения воинской дисциплины.

Государство, по сути, берет на себя обязанность при определенных условиях поощрять военнослужащих. Данная норма в целом заслуживает всемерной поддержки. Более того, ее вполне можно было бы закрепить на общеармейском уровне и в нормативных правовых актах о военной службе в РФ. Вполне очевидно, что действенный механизм поощрения позволит поднять эффективность работы не только командиров (начальников) в ВС РФ, но и аппарата военного управления в целом. Очевидно, что деятельность командира (начальника) воинской части (учреждения) или его аппарата, в конечном счете, должна быть направлена именно на достижение этой основополагающей цели. По существу, поощрение является как правом, так и обязанностью командира (начальника). Следовательно, начальник, который не поощряет достойного подчиненного, сам заслуживает взыскания, т.к. совершает проступок по службе в форме бездействия, не исполняя надлежащим образом свои служебные обязанности.

ДУ ВС РФ установлен запрет поощрять тех военнослужащих, на которых наложено дисциплинарное взыскание. Представляется, что необходимо предусмотреть, что исключением могут быть случаи проявления лицами, подвергнутыми дисциплинарным взысканиям, мужества при пожаре, при спасении утопающих, при защите правопорядка или в условиях боевых действий. В этих случаях они поощряются на общих основаниях.

Поощрение может быть индивидуаль-

ным и коллективным [10], а по содержанию – моральным, материальным или смешанным, т.е. включающим и моральные, и материальные элементы. По субъектам, осуществляющим стимулирование, поощрения подразделяются на:

1) поощрения со стороны командиров или начальников (объявление благодарности, награждение ценными подарками и деньгами, Почетными грамотами, нагрудными знаками и т.д.) (Указанные поощрения применяются в порядке ДУ ВС РФ);

2) награды, применяемые высшими органами государственной власти (награждение государственными наградами, Почетными грамотами, присвоение почетных званий и др.);

3) на поощрения со стороны общественных организаций (объявление благодарности, награждение Почетными грамотами, именными подарками, почетными знаками и др.).

ДУ ВС РФ на каждого командира (начальника) возложена обязанность поощрять подчиненных военнослужащих за подвиги, разумную инициативу, усердие и отличие в службе, которые являются основаниями для поощрения [11].

Права командиров (начальников) по применению различных видов поощрений дифференцированы занимаемой воинской должностью (должности) и воинским званием, то есть зависят от их служебно-должностного положения.

Когда командир (начальник) считает, что предоставленных ему прав недостаточно, он может ходатайствовать о поощрении отличившихся военнослужащих властью старшего командира (начальника).

Все меры поощрений военнослужащих можно разделить на общие и специальные. Первые в соответствии с законодательством установлены для всех граждан Российской Федерации. К ним относятся поощрения в виде награждения орденами и медалями, присвоения почетных званий, присуждения государственных премий. Так, Положением о государственных наградах Российской Федерации, утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 2 марта 1994 г. № 442 [12], положениями о почетных званиях, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 30 декабря 1995 г. № 1341 [13], предусмотрено, что отдельными государственными наградами и почетными званиями могут поощряться только военнослужащие, например: орденом Жукова; военными орденами Святого Георгия, Суворова, Ушакова, Кутузова, Александра Невского, Нахимова; медалями Ушакова, Жукова; почетными званиями «Заслуженный военный специалист». Военнослужащие, проходящие военную службу в ВС РФ, могут также награждаться ведомственными наградами: Министерства обороны РФ, других министерств и ведомств, например, медалями «За укрепление боевого содружества» и «За воинскую доблесть» [14].

Специальные меры поощрения установлены ДУ ВС РФ, они дифференцированы для различных категорий военнослужащих.

Так, например, ко всем военнослужащим могут применяться следующие меры поощрения: снятие ранее наложенного взыскания; объявление благодарности; награждение Почетными грамотами, ценными подарками или деньгами; занесение в Книгу почета воинской части (корабля) фамилии военнослужащего.

В то же время нельзя согласиться с мнением, что «благодарность может объявляться совместно с другими видами поощрения, которые перечислены в ст. 39 ДУ ВС РФ (награждением Почетной грамотой, ценным подарком или деньгами)» [15], поскольку благодарность является самостоятельным видом поощрения и не может быть объявлена одновременно с другими видами поощрений.

В то же время к солдатам, матросам, сержантам и старшинам, проходящим военную службу по призыву и контракту, наряду с указанными, могут применяться следующие меры поощрения:

– награждение личной фотографией военнослужащего, снятого при развернутом Бое-

вом знамени воинской части;

– присвоение солдатам, матросам воинского звания ефрейтора (старшего матроса); досрочное присвоение сержантам (старшинам) очередного воинского звания; присвоение сержантам (старшинам) очередного воинского звания на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного штатом для занимаемой воинской должности; награждение нагрудным знаком отличника [16].

К офицерам наряду с общими для всех применяются следующие меры поощрения:

– досрочное присвоение очередного воинского звания;

– присвоение очередного воинского звания до майора, капитана 3 ранга включительно на одну ступень выше воинского звания, предусмотренного по занимаемой штатной должности;

– награждение именным холодным и огнестрельным оружием.

Кроме того, их можно классифицировать и по правам должностных лиц, которые могут поощрять как своих подчиненных, так и других военнослужащих (командир роты, батальона, полка, дивизии и т.д.).

По нашему мнению, необходимо в ДУ ВС РФ включить поощрения, связанные с возможностью командира воинской части награждать военнослужащих по итогам года, например, медалью «За успехи». При награждении тремя медалями военнослужащий автоматически представляется к награждению ведомственной (МО РФ, ФСБ РФ и т.п.) или государственной наградой. Это дало бы военнослужащему право требовать представления его к награждению государственной наградой.

Таким образом, поощрение военнослужащих – разновидность правового стимулирования их военно-служебной деятельности, т.е. воздействие командиров (начальников) или иных должностных лиц и органов государственного управления на потребности, интересы, сознание, волю и практическое поведение военнослужащего, а следовательно, на результаты его военно-служебной деятельности. Поощрение (стимулирование) обеспечивает воинскую дисциплину, способствует улучшению качества исполнения военно-служебных обязанностей, воспитывает инициативу и ответственность военнослужащих.

Поскольку применение мер поощрения является исключительной прерогативой командиров и начальников, то в существующей в настоящее время системе поощрений очень велик субъективный фактор. В то же время в ходе военной реформы и перехода к профессиональной армии этот вопрос должен быть более четко регламентирован, т.е. должны быть нормативно закреплены критерии, при которых военнослужащие будут иметь право на поощрение:

– образцовое выполнение служебных обязанностей;

– самостоятельное повышение служебного и профессионального мастерства;

– продолжительная и безупречная служба;

– достижение положительных результатов с наименьшими затратами сил, времени и средств и др.

Литература

1. Овсянко Д.М. Государственная служба / Д.М. Овсянко. – М.: Юрист, 1996. – С. 167.

2. Вельский К.С. Персональная ответственность в советском государственном управлении (понятие, формы, факторы укрепления): учебное пособие / К.С. Вельский. – М., 1988. – С. 90.

3. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп., науч. – М.: Юристъ, 2003; Стимулы и ограничения как парные юридические категории // Правоведение. – 1995. – № 1 и др.

4. Гришковец А.А. Правовое регулирование государственной гражданской службы в Российской Федерации / А.А. Гришковец. – М.: Дело и Сервис, 2003. – С. 174.

5. Ноздрачев А.Ф. Государственная служба /

А.Ф. Ноздрачев. – М.: Статут, 1999. – С. 373.

6. Настольная книга государственного служащего. Комментарий к Федеральному закону «Об основах государственной службы РФ». – М.: Экономика, 1999. – С. 189.

7. Матузов Н.И. Теория государства и права: курс лекций / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 1997. – С. 656.

8. Тюрин А.И. Теоретические вопросы обоснования необходимости стимулирования исполнения обязанностей военной службы / А.И. Тюрин // Российский военно-правовой сборник. – 2004. – № 1.

9. Ст. 23 Федерального закона «О ветеранах» от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 3. – Ст. 168.

10. Ст. 34 ДУ ВС РФ. – М.: За права военнослужащих, 2008. – С. 312.

11. Ст. 17 ДУ ВС РФ. – М.: За права военнослужащих, 2008. – С. 309.

12. Действует в редакции Указа Президента Российской Федерации от 28 июня 2005 г. № 736 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – № 10. – Ст. 775.

13. Действует в редакции Указа Президента Российской Федерации от 23 декабря 2001 г. № 1474 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 2. – Ст. 64.

14. Приказ Министра обороны РФ «О наградах Министерства обороны Российской Федерации» от 27 марта 1995 г. № 123 // Официально опубликован не был.

15. Комментарий к Дисциплинарному уставу ВС РФ. – М.: За права военнослужащих, 2001.

16. Ст. 20 ДУ ВС РФ. – М.: За права военнослужащих, 2008. – С. 309-310.

Коротко об авторе / Some facts about author

Туганов Юрий Николаевич, к. юрид. н., доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса юридического института, Читинский государственный университет (ЧитГУ), тел. раб.: 8-30-22-32-01-16

Научные интересы: проблемы законодательного обеспечения военной реформы, обеспечения воинской дисциплины и дисциплинарной ответственности военнослужащих

Tuganov Yury, candidate of Laws, assistant professor of Civil Law and Civil Trial Department of Law institute, the Chita State university (ChitSU), official telephone: 8-30-22-32-01-16

Scientific interests: problems of legal ensuring of military reform, military discipline and disciplinary responsibility

УДК 327

К.А. Черепов
K. Cherepov

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В РОССИИ

INSTITUTIONALIZATION OF NON-PROFIT SOCIAL ORGANIZATIONS IN RUSSIA

Статья посвящена проблеме институциализации общественных организаций в России с точки зрения правовых норм. Рассматривается исторический аспект и современное понимание правового статуса общественных объединений и некоммерческих организаций

Article is devoted to a problem of the institutionalization of social organizations in Russia from the point of view of legal norms. The historical aspect and modern conception of a legal status of social and non-profit organizations is considered

Ключевые слова: некоммерческие общественные организации, законодательство Российской Федерации, правосубъектность общественных объединений

Key words: non-profit social organizations, the Russian Federation legislation, social organizations legal subjection

Понятия «некоммерческая деятельность», «некоммерческие организации» относятся к числу современных юридических категорий в Российской Федерации. Действующее законодательство Российской Федерации распространяет это понятие на организации, которые не имеют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяют полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации и объединения могут образовываться и реализуют свои права преимущественно в гуманитарной, благотворительной, попечительской, правозащитной, образовательной, информационной, просветительской, культурной, спортивной, оздоровительной, общественно-политической, духовно-религиозной и прочих социальных сферах. В целом некоммерческая деятельность предполагает ее негосударственный характер, осуществляется посредством самоорганизации и самоуправления.

Но в исторической ретроспективе в российском законодательстве XX в. развивался только правовой институт общественных объединений. В 1906 г. впервые был объявлен царский Указ, согласно которому в Российской Империи дозволялась организация обществ и союзов, но в тексте Указа еще отсутствовало понятие «политическое объединение». До принятия Указа царское законодательство допускало общественную инициативу в попечительских, благотворительных и просветительских формах. Революционные события 1905 г. стали началом трансформации государственного и политического строя России: образовалось много профсоюзных, кооперативных, сельскохозяйственных, кредитных, патриотических и политических общественных объединений.

Общественно-политические преобразования к 1913 г. нашли отражение в Своде Законов Российской Империи, который регулировал несколько форм участия общественных

объединений в публичных правоотношениях. Их можно разделить на три группы государственных общественных объединений:

а) сословные объединения;

б) правительственные объединения;

в) городские и земские объединения.

Новообразованиями стали государственные правительственные общественные объединения. Они образовывались при министерствах царского правительства в форме Комитетов, Советов, Ученых отделов и принимали непосредственное участие в их работе, принятии решений.

После 1917 г. советская власть упразднила все ранее существовавшие институты царской власти. Начался процесс огосударствления общественных объединений. Фактически при советской власти образование любых общественных объединений должно было отвечать не столько закону, сколько идейно-политической целесообразности в соответствии с принципами социалистической демократии. Почти все объединения советских граждан, в том числе профессиональные, творческие, спортивные, обязаны были выполнять в своей деятельности своеобразный «государственный заказ» – они в той или иной мере являлись проводниками государственной политики построения советской демократии под общим руководством коммунистической партии. В условиях организации советской власти общественные объединения не могли устанавливать задачи своей деятельности не в рамках государственной коммунистической идеологии. Поэтому советская власть сама создавала общественные объединения, отвечающие государственным интересам. Публичные правомочия приобретали государственные общественные органы (объединения), учреждаемые на основе специальных законов и правительственных актов. Единственным объединением с публичными политическими функциями являлась Коммунистическая партия Советского Союза.

Тем не менее, на протяжении всего XX в. самыми массовыми объединениями оставались религиозные. Правовой принцип конфессионального плюрализма впервые был закреплен в 1905 г., и православное духовенство получило представительство в Правительствующем Сенате. Советское законодательство предоставляло административное ограничение любой религиозной деятельности. Только 1990 г. законом РСФСР «О свободе вероисповеданий» религиозным конфессиям была гарантирована публичная правосубъектность.

Процесс демократизации общественных отношений в СССР во второй половине 80-х гг. отразился в законодательстве об общественных объединениях, которые стали субъектами публичных правоотношений на основе закона СССР «Об общественных организациях» от 9 октября 1990 г. Но советская демократия трансформировалась в политический режим, который административно-командными средствами подчинял общество интересам государства. К этому времени западные государства создали иную модель общественных отношений, в которых создавались условия для развития экономических, культурных, правовых, политических связей между членами общества, их объединениями и государством. Западные государства ограничивали свое вмешательство в общественную жизнь, поддерживая и содействуя общественной инициативе, движениям, партиям, группировкам по интересам и убеждениям, религиозным и благотворительным обществам, общественным фондам, территориальным объединениям с самоуправлением. Такая политика нацелена во многих случаях на передачу части государственных полномочий самоуправляемым общественным объединениям и организациям, что служит организационно-правовой предпосылкой развития институтов гражданского общества.

Исследователи западной модели гражданского общества отмечают, что в странах Европейского Союза правосубъектность общественных объединений закрепляется непосредственно конституциями, в них же устанавливаются организационно-правовые формы

реализации права на объединения, уведомительный порядок их государственной регистрации без особого разрешения властей, принцип равенства в процессе реализации права на объединение, основания ограничения конституционного права граждан на объединение. Эти принципы существенно отличают Конституцию Российской Федерации, в которой содержится единственное положение о праве граждан на объединения. Аналогичное положение содержалось и в Конституции РСФСР, но правосубъектность общественных объединений устанавливала не конституция, а закон 1990 г. Фактически закон «Об общественных организациях» легализовал правовое положение общественных объединений, которые называли в СССР в перестроечный период «неформальными», в том числе обрели публичный статус общественные движения, союзы, ассоциации, народные фронты разных направлений (националистические, патриотические, либеральные, демократические и т.д.), которые стали прообразом будущих политических партий.

Общественные отношения, формируемые в Российской Федерации на основе конституции 1993 г., в определенном смысле трансформируют предлагаемый западный опыт построения гражданского общества в исторически сложившуюся в России модель отношений общества и государства, в которой даже в условиях рыночных демократических реформ государственный аппарат является ведущим фактором правового обеспечения и гарантий формирования гражданского общества в Российской Федерации. В 90-е гг. падение уровня доходов, экономическое расслоение общества, его правовой нигилизм служили не лучшими условиями для общественной самоорганизации. Самоуправление в России только зарождалось. Принятые в эти годы федеральные законы «Об общественных объединениях» и «О некоммерческих организациях» в определенном смысле оказывали правовое, организационное и финансовое давление на процессы развития институтов гражданского общества. Государство фактически опережало общественные процессы, императивно устанавливая параметры организационных форм гражданской инициативы, невольно переводя эти взаимоотношения из гражданско-правовой сферы в административную.

Принципиально новым этапом этой политики государства в начале XXI в. стало развитие социально-экономической сферы, в которой реализуется более сорока федеральных целевых программ. Характерным признаком текущего этапа является то, что органы государственной власти создают социально-экономические и организационно-правовые предпосылки более активного участия самоуправляемых объединений в решении социально значимых вопросов. К этой деятельности в равной мере привлекаются коммерческие и некоммерческие организации. В последние несколько лет принят ряд нормативных актов, которые совершенствуют ранее установленные организационные формы некоммерческих объединений и организаций, и одновременно формы взаимодействия государства и субъектов некоммерческой деятельности.

Федеральные законы «Об общественных объединениях» 1995 г. и «О некоммерческих организациях» 1996 г. существенно дополнили положения Гражданского кодекса Российской Федерации, в котором понятие «юридическое лицо» применяется только к организациям (коммерческим и некоммерческим), в том числе законами дополнены организационные формы некоммерческих организаций. Особенностью российского законодательства является то обстоятельство, что правовой статус общественных объединений и некоммерческих организаций регулируется не Гражданским кодексом, а рядом федеральных законов, которые предоставляют отдельные публичные права незарегистрированным общественным объединениям. Кроме названных федеральных законов в Российской Федерации действует ряд иных федеральных законов, которыми регулируется правовое положение отдельных форм и видов общественных объе-

динений, организаций. Среди них можно выделить организационные формы, учреждаемые в интересах государства.

Отдельные стороны деятельности общественных объединений и некоммерческих организаций регулируются весьма значительным по объему нормативным материалом: международные акты, ратифицированные Российской Федерацией; Конституция Российской Федерации; конституции и уставы субъектов Российской Федерации; указы Президента Российской Федерации; федеральные законы; постановления Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации; акты Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, иные нормативные правовые акты. Таким образом, в настоящее время в Российской Федерации сложилась система источников правовых норм, которые регулируют достаточно обособленную группу правоотношений, связанных с реализацией права на объединения.

Регулируемую этой системой нормативных актов сферу общественных отношений в исследованиях последних лет относят либо к конституционному праву, либо к административному праву, либо к гражданскому праву. По нашему мнению, в настоящее время право на общественные объединения и некоммерческие организации имеет признаки самостоятельной сферы правоотношений, которые не регулируются полностью ни одной из отраслей законодательства. Более того, право на объединения обладает признаками самостоятельного правового института (подотрасли) российского законодательства. Ведущими признаками, по нашему мнению, являются обособленный предмет регулирования – право на объединения; установление правосубъектности, независимо от иного отраслевого законодательства.

Правовой статус некоммерческих организаций мы предлагаем рассматривать в тесной правовой связи со статусом общественных объединений, т.е. в качестве статуса общественных объединений и некоммерческих организаций. Для этого есть несколько оснований:

– во-первых, в тех и других реализуется право на объединение;

– во-вторых, правовое положение тех и других регулируется нормами, которые образуют самостоятельную сферу и систему правоотношений;

– в-третьих, статус общественных объединений и некоммерческих организаций имеет связи с несколькими отраслями российского законодательства (конституционным, гражданским, административным, финансовым и прочими), но полностью не принадлежит ни одному из них.

В настоящее время объем нормативного регулирования правового положения общественных объединений и некоммерческих организаций не соответствует полностью положениям федеральных законов «Об общественных объединениях» и «О некоммерческих организациях», в связи с чем необходим обновленный закон, устанавливающий общие принципы права на общественные объединения и организации.

Литература

1. ФЗ «Об общественных объединениях» // Сборник законов РФ. – М.: Норма, 2002.

2. ФЗ «О некоммерческих организациях» // Сборник законов РФ – М.: Норма, 2002.

3. Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. – М., 1999.

4. Комментарий к ФЗ «Об общественных объединениях» / Под общей ред. В.И. Шкатулла. – М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2003.

5. Holloway R. Organizations of Civil Society: Bangladesh. – Isagani,

6. Serrano R. Civil Society in the Asia – Pacific Region. Washington, 1994.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 550.42

С.В. Борзенко
S. Borzenko

РОЛЬ «ВТОРИЧНОГО» МИНЕРАЛООБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ СОДОВЫХ ВОД ОЗЕРА ДОРОНИНСКОЕ

ROLE OF «SECONDARY» MINERAL FORMATION IN SODA-WATER FORMING OF DORONINSKOYE LAKE

В статье рассмотрены термодинамические равновесия с позиции взаимодействия «вода-порода» в оз. Доронинское. На диаграммах показан «равновесно-неравновесный» характер растворения рапой алюмосиликатных минералов, входящих в состав осадочных пород. Определены основные позиции этапного развития системы «вода-порода», вносящие значительный вклад в формирование содовых озерных вод

The article considers thermodynamic balances from a position of «water-rock» interaction in the lake Doroninskoye. Diagrams show «balance-non-balance» character of rape solution of brine aluminosilicate minerals, which are in composition of sedimentary rocks. Main positions of stage development of «water-rock» system making significant contribution to formation of soda lake waters are determined

Ключевые слова: проблемы содообразования, химические типы поверхностных вод

Key words: problems of soda formation, chemical types of surface waters

Недостаточная изученность проблемы формирования содовых вод зоны гипергенеза вызывает разногласия среди исследователей и формирует разнообразные подходы к механизму содообразования [4, 5 и др.]. Известно, что равновесно-неравновесный характер системы «вода-порода» в поверхностных водах проявляется в разрушении водой горных пород с образованием «вторичных» минералов, органических соединений и новых геохимических типов воды. В таких водах катионный состав в подавляющей части является литогенным, он определяется составом контактирующих с водой пород и представляет собой разность между составом растворяемых и формируемых пород. Анионный состав воды в пределах алюмосиликатов не зависит от типа пород, а представляет собой продукт диссоциации самой воды (OH^-), который химически связан с конечным продуктом минерализации органического вещества (CO_2) [5].

Чтобы разобраться с механизмом образования содовых вод, мы рассмотрели влияние процессов «вторичного» минералообразования в рапе оз. Доронинское на фор-

мирование его химического состава.

Оз. Доронинское расположено на юго-западе Читинской области, в центре Доронинско-Бальзойской депрессии [3]. Подстилается оно раннемеловыми песчаниково-алевролитовыми породами и четвертичными отложениями в виде донных илов. Осадок пелитовых фракций донных отложений озера имеет смектит-каолинит-гидрослюдистый состав и содержит сульфиды железа и примесь карбонатов доломит-анкеритовой и содовой групп [1]. За вековую практику наблюдения за гидрохимическим состоянием оз. Доронинское установлен переход от рассольного типа вод до соленого. Колебания солености воды сказываются на ее химическом составе и являются следствием изменения термодинамических равновесий в системе «вода-порода». Так, равновесие воды с содой в оз. Доронинское наблюдалось в начале прошлого столетия, когда минерализация рапы достигала 94 г/л, а содержания гидрокарбонатов и карбонатов натрия – 72 г/л. [3]. Со второй половины прошлого века, по эпизодическим наблюдениям, новосадка соды не происходит, что подтверждают расчеты по данным наших анализов состава озерной воды [1].

Опреснение рапы оз. Доронинское изменило качественное и количественное соотношения между водой и формирующимся в ней минеральным комплексом, но сохранило содовый характер воды с основополагающими солевого состава гидрокарбонатными и карбонатными солями натрия.

Известно, что содообразование – это естественный этап развития системы вода-порода, связанный с осаждением карбоната Ca, монтмориллонитов и других глин, которые выводят из раствора катионы: Ca^{2+}, Mg^{2+}, K^{+} и частично Na^{+}. Однако большая часть последнего сохраняется в растворе, способствуя формированию содовых вод [4, 5].

На основании полученных аналитических данных химического состава рапы оз. Доронинское рассмотрены равновесия вод с кальцитом, который является основным барьером для кальция и не позволяет ему накапливаться в данном типе вод. Оказалось, что рапа действительно в высокой степени перенасыщена по кальциту ($CaCO_3$), т.к. точки расположены значительно выше границы его насыщения (рис. 1).

Расчет равновесия озерных вод с Ca-алюмосиликатными минералами показал, что большая часть точек располагается в поле устойчивости каолинита и Ca-монтмориллонита. Переход равновесия от одного минерала к другому находится в зависимости от содержаний Ca и Si, концентрации которого в рапе синхронно колеблются как в сторону роста, так и снижения. Равновесие с первичными минералами, в частности, с анортитом, достигается двумя точками. Остальные располагаются рядом с границей, предвещая скорое насыщение (рис. 2).

Диаграмма равновесия вод с Na-алюмосиликатами указывает на то, что в поле устойчивости Na-монтмориллонита оказывается большее количество точек, чем каолинита, что характерно для высокощелочных вод озера Доронинское. Остальные ложатся в поле устойчивости анальцима, свидетельствуя о равновесии воды с первичными минералами (рис. 3).

Иная картина характерна для равновесия воды с Mg-алюмосиликатами, т.к. в этом случае значительная часть точек ложится в поле устойчивости с Mg-хлоритом, располагаясь за его пределами, но не достигая равновесия с форстеритом, поле которого выше Mg-хлорита ($lg[Mg^{2+}]/[H^{+}]^2 = 16{,}26$ [5]), не имея равновесных значений с каолинитом, гиббситом и Mg-монтмориллонитом (рис. 4).

Наконец, на диаграмме равновесия с K-алюмосиликатами все точки располагаются в поле устойчивости мусковита, но ниже K-полевых шпатов (его поле выше границы устойчивости с мусковитом), исключая вторичную фазу в виде иллита, каолинита и K-монтмориллонита (рис. 5).

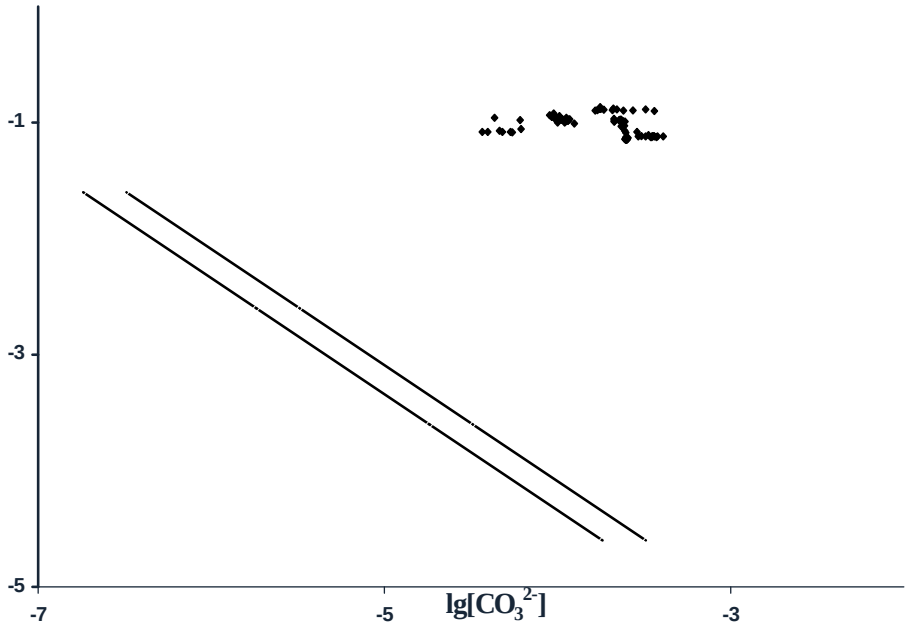


Рис. 1. Равновесие рапы оз. Доронинское с кальцитом (Шварцев, 1998 г.)

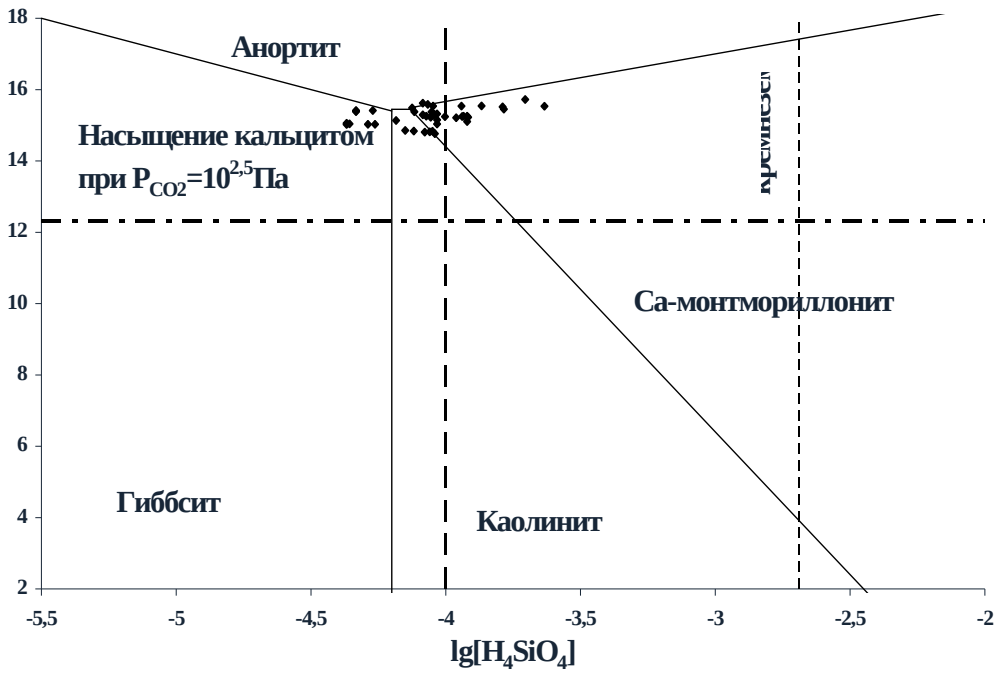


Рис. 2. Диаграмма равновесия анортит-гиббсит-каолинит-монтмориллонит с нанесением данных по составу рапы оз. Доронинское (Шварцев, 1998 г.)

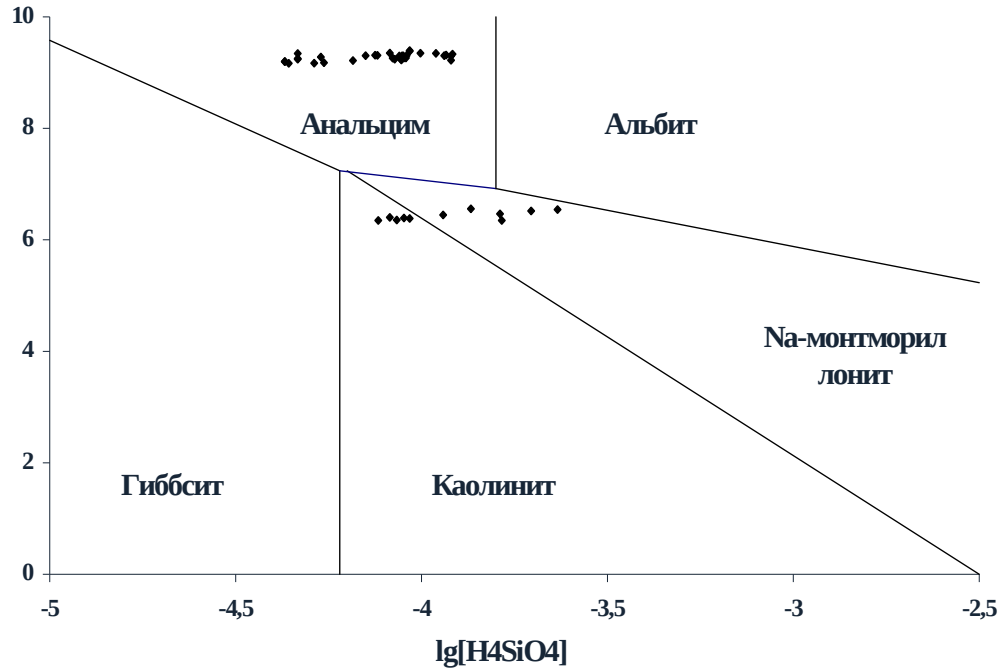


Рис. 3. Диаграмма равновесия анальцим-альбит-монтмориллонит-каолинит-гиббсит с нанесением данных по составу рапы оз. Доронинское (Шварцев, 1998 г.)

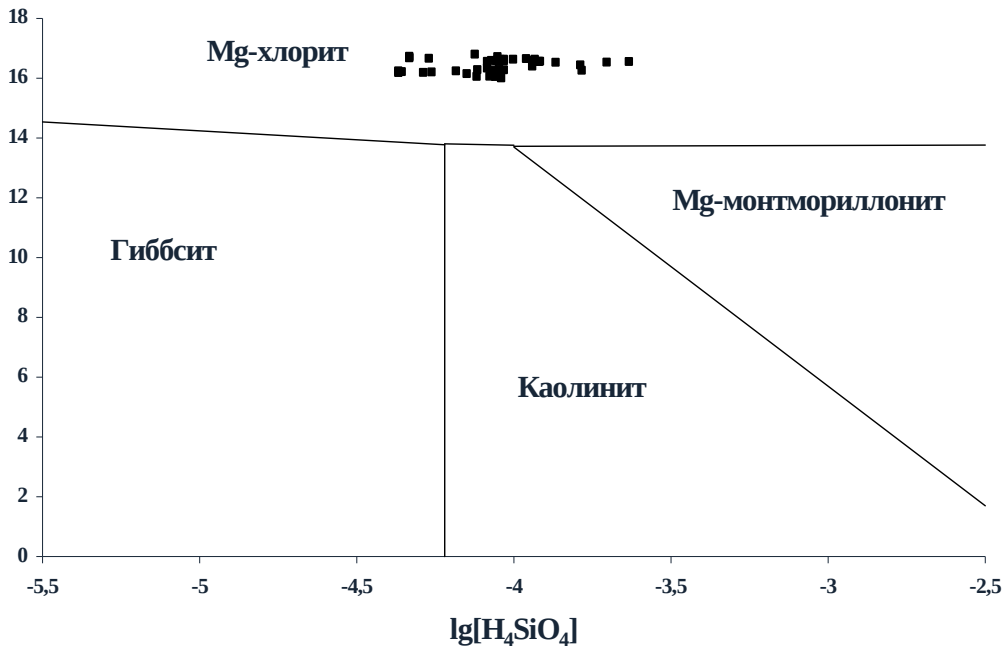


Рис. 4. Диаграмма равновесия хлорит-монтмориллонит-гиббсит-каолинит с нанесением данных по составу рапы оз. Доронинское (Шварцев, 1998 г.)

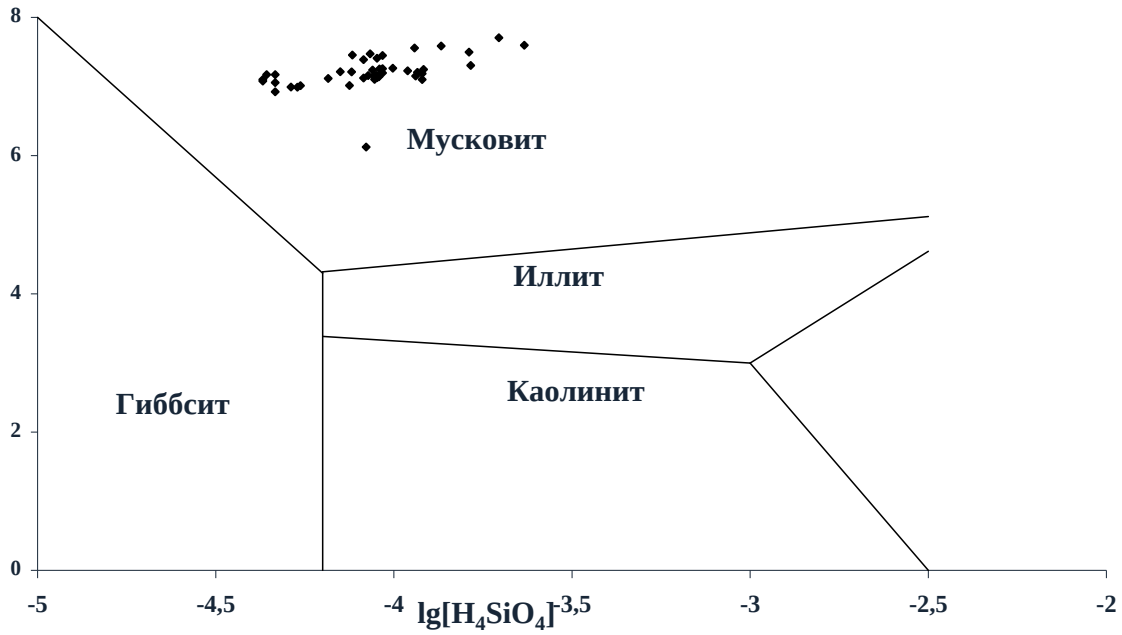


Рис. 5. Диаграмма равновесия мусковит-иллит-монтмориллонит-каолинит-гиббсит с нанесением данных по составу рапы оз. Доронинское (Шварцев, 1998 г.)

На диаграммах приведено ограниченное количество минералов, равновесия с которыми наиболее очевидны в силу химического состава озерной воды и алюмосиликатов, входящих в состав осадочных пород рассматриваемой территории. Невозможно учесть все их разнообразие, но из представленного материала видно, что некоторая часть минералов равновесна с первичными минералами, в частности, с мусковитом, Mg-хлоритом, в некоторой степени с анальцимом, а также с вторичными минералами (каолинитом, монтмориллонитом, кварцем, кальцитом и др.). Но большинство первичных алюмосиликатов (анортит, К-полевой шпат, форстерит и др.) неравновесны с озерной рапой [1] и способны инконгруентно растворяться [5; С. 96] в этих условиях. При этом значительная часть химических элементов, поступающих в раствор за счет растворения первичных минералов, связывается вторичными продуктами, а другая часть концентрируется в растворе.

Процесс растворения и осаждения минералов хорошо заметен на катионах озерной рапы. Так, с момента равновесия воды с кальцитом поведение Mg становится аналогичным Ca, т.к. Mg-хлорит является для Mg барьером. Равновесие с Mg-хлоритом достигается уже при более высоких концентрациях Mg, поэтому содержания его в воде более высоки, но не превышают 71 мг/л. Тот же процесс наблюдается и с K, но границы его растворимости выше, чем у предыдущих элементов, поэтому и содержания его в рапе достигают еще более высоких значений (до 262 мг/л). Иная картина характерна для Na, который, хотя и участвует в формировании глин, но в незначительных количествах, по сравнению с остальными катионами, поэтому его концентрации увеличиваются с ростом общей минерализации.

Анализ химического состава рапы оз. Доронинское показал, что общая минерализа-

ция складывается, в основном, из Na^+, Cl^-, HCO_3^- и CO_3^{2-}. Низкие содержания SO_4^{2-} объясняются активным его восстановлением до сероводорода сульфатредуцирующими микроорганизмами [2], которые служат барьером для этого аниона. Если сравнить содержания солевых компонентов рапы оз. Доронинское и вод водосборного бассейна, которые можно отнести к типичным водам выщелачивания, то становится очевидным, что максимальный рост характерен для Na^+ и Cl^-, минимальный – для Ca^{2+} (см. таблицу).

Химический состав вод (мг/л) и степень концентрирования воды оз. Доронинское

Тип вод	$\sum$	pH	CO_3^{2-}	HCO_3^-	SO_4^{2-}	Cl^-	F^-	Ca^{2+}	Mg^{2+}	Na^+	K^+
Оз. Доронинское	26766	9,69	4620	6771	150	5613	10,4	1,19	14,4	9456	130,1
Водосборный бассейн	549	7,71	–	383	25	8	0,6	70	25	37	1.3
Степень концентрирования	49			18	6	702	17	0,02	0,6	256	100

Причины неравномерного концентрирования очевидны из описанных диаграмм, где Ca выпадает в виде кальцита и различных глинистых минералов, K и Mg связывается слюдами, для Na наиболее характерно накопление в рапе, чем осаждение его в виде глин. Высокие концентрации Cl^- являются результатом испарительного концентрирования, т.к. не существует в данном случае источников, которые в значительной степени изменили его содержания в рапе. Этот анион не имеет геохимических барьеров в таких типах вод, его содержания синхронно увеличиваются с ростом карбонатности и pH воды. Заниженная степень концентрирования у HCO_3^- означает активное его выщелачивание поверхностными водами из пород водосборного бассейна, где действительно главным компонентом является HCO_3^-, который доминирует над остальными анионами.

Природа HCO_3^- в озерной рапе многогранна, помимо гидролиза алюмосиликатных минералов, на начальной стадии формирования содовых вод, где он является продуктом реакции [5]:

$$Me_X Al_X Si_X O_{4X} + H_2O = $$
$$= Al_{2X} Si_{2X} O_{5X} (OH)_{4X} + 2ME^{2+} + 4OH^-,$$
$$OH^- + CO_2 = HCO_3^-,$$

установлена и биохимическая возможность его продуцирования в оз. Доронинское по реакции [2]:

$$CH_2O + SO_4^{2-} = HS^- + HCO_3^-.$$

Как правило, для вод с высокощелочной средой CO_3^{2-} является результатом второй ступени диссоциации H_2CO_3 по схеме:

$$H_2CO_3 \rightarrow HCO_3^- + H^+ \rightarrow CO_3^{2-} + H^+.$$

Для озерной воды наиболее устойчивой формой будет CO_3^{2-}. По мере накопления (после осаждения кальцита и доломита) ему также свойственны высокие содержания.

С момента образования кальцита равновесие воды со всеми алюмосиликатами невозможно, поэтому они продолжают растворяться с переводом в раствор всех химических элементов, но на следующем этапе вместо каолинита и монтмориллонита формируются уже различные слюды, которые связывают в определенной последовательности: K^+, Mg^{2+}, Ca^{2+} и частично Na^+. Состав алюмосиликатов

разнообразен, отсюда следует огромное количество реакций гидролиза, которые протекают с образованием глин того или иного состава, кальцита с последующим концентрированием в растворе Na^+ и HCO_3^-, т.е. соды. Следовательно, на определенной стадии формирования химического типа вод возможно содонакопление, поскольку Na^+, HCO_3^- (CO_3^{2-}) в этих условиях не встречают существенных геохимических барьеров. Рассмотренные термодинамические равновесия с позиции взаимодействия в системе вода-порода подтверждают значительный вклад геологического субстрата в процессы формирования содовых вод оз. Доронинское.

Литература

1. Замана Л.В. Гидрохимическая и термодиномическая оценка минеральных равновесий водной толщи содового озера Доронинское: мат. конф. / Л.В. Замана, С.В. Борзенко // Улан-Уде: БНЦ СО РАН, 2007. – С. 68-71.

2. Замана Л.В. Сероводород и другие восстановленные формы серы в кислородной воде озера Доронинское (Забайкалье) / Л.В. Замана, С.В. Борзенко // Доклады Академии наук, 2007. – № 2. – С. 232-235.

3. Иванов А.В. Гидрохимия озер Центрального Забайкалья / А.В. Иванов, Л.Н. Трофимова. – Владивосток: Дальневосточное кн. изд-во, 1982. – С. 140.

4. Посохов Е.В. Происхождение содовых вод в природе / Е.В. Посохов. – Л.: Гидрометеоиздат, 1969. – С. 153.

5. Шварцев С.Л. Гидрогеохимия зоны гипергенеза / С.Л. Шварцев. – М.: Недра, 1998. – С. 365.

Коротко об авторе / Some facts about author

Борзенко Светлана Владимировна, младший научный сотрудник, Институт природных ресурсов, экологии, криологии Сибирского отделения Российской Академии наук (ИПРЭК СО РАН), inrec.sbras@mail.ru

Borzenko Svetlana, junior research worker, Institute of natural resources, ecology, criology of Sibirian branch of Russian Academy of science (INREC SB RAS) inrec.sbras@mail.ru

Научные интересы: гидрогеохимия минеральных озер, природа формирования химических типов поверхностных вод, проблемы содообразования в природе

Scientific interests: hydrogeochemistry of mineral lakes, the nature of formation of surface waters chemical types, problems of soda formation in nature

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.6

Н.П. Романова
N. Romanova

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ОДИНОКИХ ЖЕНЩИН В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

SOCIAL STATUS OF SINGLE WOMEN IN MODERN RUSSIAN SOCIETY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

Рассмотрены два аспекта социального статуса одиноких женщин:

1) развитие социально-философского воззрения на феномен одиночества вообще и женского, в частности;

2) социально-стратификационные позиции одиноких женщин в современном российском обществе

The theme is considered from two points: first, the essence of female solitude needs to be represented by social and philosophical conception concerning the phenomenon of solitude in general and female solitude specifically, second, there are social and stratificational positions of single women in modern Russian society

Ключевые слова: одинокие женщины, социальный статус

Key words: single women, social status

Новый этап развития России стимулирует необходимость изучения широкого круга вопросов, связанных с человеком, личностью вообще и женщиной, в частности. Исследование роли и места женщин в современном российском обществе, условий и механизмов включения женского социума во все сферы общественной жизни особенно важно на этапе становления и развития общества с новыми социально-экономическими отношениями.

Интегративной формой отражения положения в обществе любого его члена является занимаемая им позиция в рамках иерархически организованной шкалы социальных неравенств, или иначе, его социальный статус. Закономерным следствием этого является актуализация научного интереса ко всем факторам, определяющим социальный статус женщины в обществе.

Значительную часть женского населения России представляют одинокие женщины, доля которых только в возрастном диапазоне активной брачности составляет около 25 %, приближаясь к 50 % во всем возрастном спектре. Эти женщины отличаются специфическими социальными, психологическими и демографическими особенностями, многоролевыми функциями и определенным социальным статусом.

На протяжении последних лет качественно изменились структура общества и соци-

альный статус большинства его членов.

Женщины и мужчины занимают неравные позиции в социальной структуре общества. Гендерное неравенство, более ощутимо проявляющееся по отношению к одиноким женщинам, определяется степенью различия в получении социальных благ, дохода, власти, престижных занятий.

Принятую проблему следует рассматривать в двух аспектах: во-первых, для понимания сути женского одиночества следует проследить как развивались социально-философские воззрения на феномен одиночества вообще и женского, в частности, и второй аспект – это социально-стратификационные позиции одиноких женщин в современном российском обществе.

Проблема одиночества занимала умы философов и психологов с древних времен. В разные эпохи она трактовалась по-разному. Начиная с античности, феномен одиночества рассматривается классиками философской мысли: Аврелием, Аристотелем, Платоном, Сенекой, Эпикуром. В более поздний период эта проблема нашла свое отражение в трудах Г. Гегеля, С. Кьеркегора, Б. Паскаля, Т. Торо. Западное обществоведение уже не менее столетия исследует феномен одиночества, сначала с акцентом на психологический аспект этой проблемы (З. Фрейд, У. Джеймс, К. Юнг), что позволило разработать ряд психологических моделей одиночества, ставших уже классическими. Так, экзистенциалисты Н.А. Бердяев, М. Бубер, Ж.П. Сартр, М. Хайдеггер, К. Ясперс видели истоки одиночества в самой природе человека, неофрейдисты – во внешних условиях, формирующих у человека патологические черты характера.

Одной из последних обобщающих работ по проблеме одиночества и общения американских философов, социологов и социальных психологов является "The Anatomy of Loneliness", изданная в России под названием "Лабиринты одиночества" (редакция Н.Е. Покровского) [1]. В публикациях Д. Курьянски [2], Дж. Виткин [3] представлены сравнительные результаты анализа женского и мужского одиночества с позиций их удовлетворенности состоянием здоровья, достижениями в области образования, карьеры и т.д.

В последние два десятилетия и в отечественной научной литературе к проблеме одиночества проявляется повышенный интерес. В это же время в России активизируется гендерное направление в изучении социальных проблем общества. Выделены два основных типа гендерных установок сознания – патриархатные и феминистские.

Многие аспекты одиночества нашли свое отражение в трудах исследователей: Н.В. Тулиной (социально-политический), Ж.В. Пузановой (философско-социальный), С.В. Куртиян (как социального явления), Ю.М. Швалба и О.В. Данчевой (социально-психологический), Л.И. Старовойтовой (социально-философский).

Известны работы, касающиеся мужского одиночества (Т.А. Гурко, М.С. Мацковский, Ю.М. Черепухин).

Предмет настоящего исследования рассматривается обычно лишь в контексте общих рассуждений об одиночестве: в исследованиях о семье и браке (И.В. Бестужев-Лада, М.С. Мацковский, А.Г. Харчев, С.И. Голод, В.В. Бойко, К.К. Баздырев, Г.Г. Силласте, В.И. Зацепин, И.С. Кон, С.В. Ковалев, К.Д. Басаева. Б.Ц. Урланис, А.Б. Синельников и др.) либо как попутные размышления об одиночестве в многочисленной литературе по женскому вопросу (Л.Ю. Бондаренко, Л.Л. Рыбцова, М.В. Балахина, И.Ф. Рековская, О.А. Власова, Л.Т. Шинелева, А.И. Кравченко, И.Я. Кошелева, Е.В. Груздева, Э.С. Чертихина, М.С. Коган, К.Н. Ковалев, О.А. Воронина, Н.С. Юлина, О.В. Халтуева).

С активизацией гендерного направления (Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, Г.Г. Силласте, И.С. Клецина, С.Г. Айвазова, Г.Н. Карелова, С.М. Моор) в современной социологической литературе достаточно широко и многосторонне представлены работы, касающиеся социального статуса женщин. Он исследуется с различных позиций: дискриминационных и

насилия (Г.Г. Силласте, Г.Ж. Кожамжарова, О.В. Савастьянова, М. Либоракина); включенности в рынок труда (Л.В. Бабаева, М.Е. Баскакова, Л.С. Ржаницина, Г.Г. Силласте, З. Хоткина, Е. Груздева); материального положения (О.А. Хасбулатова); жизненных ценностей (Л.Л. Рыбцова, Т.Ю. Чистякова); предпринимательства (З.Н. Попова, Л.В. Бабаева и А.Е. Чирикова, Л.В. Корель, К.Г. Баразгова); конфликта ролей (А.Е. Дементьева, Ю.Е. Алешина и Е.В. Лекторская); семейного статуса (О.М. Здравомыслова); жизненных стратегий (Л.С. Егорова); карьеры (Л. Волкова, М.И. Чикалев).

Однако применительно к специфичной социальной группе одиноких женщин подобные исследования социального статуса носят ограниченный характер. В основном это работы, касающиеся статуса одиноких матерей (М.В. Киблицкая) и социальной защиты престарелых граждан, где рассматривается главным образом материальный статус одиноких женщин-пенсионерок (З.А. Бутуева, Н.В. Герасимова, Т.З. Козлова, Н.В. Панина).

Одной из острых женских проблем является избавление от одиночества, однако в основном она попадает в поле зрения психологов и практически не исследуется социологами. Определенный интерес к этой проблеме был инициирован публицистическими выступлениями журналистов. Приоритет научной разработки этой проблемы принадлежит литовским ученым В.А. Гайдис, С.С. Раппопорт, Д.П. Турейките, осуществившим на страницах журнала "Шейма" ("Семья") эксперимент по организации знакомства одиноких мужчин и женщин по брачным объявлениям и проанализировавшим его результаты. Ретроспективный анализ брачных объявлений приводит в своей работе Б.А. Еремеев. Проблему самопредъявления одиноких людей в тексте брачных газетных объявлений исследует Ю.П. Кошелева. Психологические аспекты совладания с жизненными кризисами рассматривает А. Либина. Кроме этого, известны научно-популярные работы по женскому одиночеству (Н.В. Самоукина).

Исследуемая проблема адаптации одиноких женщин к жизни в условиях новых экономических отношений носит комплексный характер. Различные ее аспекты (социально-философский, геронтологический, экономический, психологический, демографический) в той или иной мере получили отражение в научной литературе.

Социологическую направленность исследования адаптации приобрели благодаря трудам Л. Бристоля, Дж. Томпсона, Ф. Знанецкого, Т. Парсонса, Т. Ньюкомба, Д. Мид, Т. Сарбина, рассматривающих ее преимущественно с позиций теорий ролей как процесс приспособления к предписанным нормам и ролям в обществе.

В российской социологической науке социальным аспектом адаптации начали заниматься с середины 60-х гг. Исследования И.В. Бестужева-Лады, В.А. Ядова, Т.Н. Вершининой, И.А. Милославовой, Т.З. Козловой, В.Д. Шапиро, Л.Л. Шпака, Е.С. Маркаряна проводились на стыке демографии, социологии, социальной медицины и экономики. Общественная ситуация, возникшая в России в последнее десятилетие, обусловила появление нового направления – изучение адаптивных процессов в бифуркационных социальных системах. Эта проблема активно изучается Л.В. Бабаевой, Е.С. Балабановой, Л.В. Корель, О.Н. Бурмыкиной, Н.В. Паниной, В.О. Рукавишниковой, Л. А. Гордоном, Е.Н. Сметаниным, М.А. Шабановой и др.

Исследования социально-психологических, статусных, социальных барьеров адаптации к рынку различных социальных групп проведены Ю.Б. Чистяковой, О.А. Хасбулатовой, М.А. Шабановой, О.В. Шарниной, Л.Г. Луняковой, О.Н. Бурмыкиной, Н.А. Нечаевой, Т.З. Козловой, О.Б. Осколковой.

Большинство научных работ, посвященных проблемам адаптации к посттрудовому периоду, относятся, во-первых, к обобщенной категории пожилых мужчин и женщин и, во-вторых, к периоду развития общества, существенно отличающегося социальными параметрами от современных конкретно-истори-

ческих условий (Д.Б. Бромлей, Н.Ф. Дементьев, А.А. Дыскин, И.И. Мечников, Н.В. Панина, М.Я. Сонин, Д.Ф. Чеботарев, В.Д. Шапиро, Р.С. Яцемирская). Лишь в последнее время появились работы, касающиеся современных проблем одиноких пожилых людей в России.

Одним из важнейших направлений в исследовании социальной адаптации женщин является определение сущности, функционального значения и места ценностных ориентаций в системе детерминации жизни женщин и генерации факторов, влияющих на процесс адаптации. Исследования в этом направлении осуществляются А.И. Антоновым, М.С. Мацковским, В.М. Медковым, применительно к условиям современного российского общества – Л.Л. Рыбцовой, Н.И. Лапиным.

В настоящее время еще не выработано однозначное понимание сущности процесса социальной адаптации пожилых людей вообще и весьма специфичной их группы – одиноких женщин – к интенсивно изменяющимся социально-экономическим условиям. Идет процесс накопления фактов во всех сферах социальной адаптации людей к посттрудовому периоду. И.В. Романовой [4] выполнены исследования по социальной адаптации одиноких женщин к посттрудовому периоду на региональном уровне (на примере Читинской области).

Методологические проблемы получения социологической информации представлены в работах В.А. Ядова, В.И. Добренькова, А.Г. Здравомыслова, В.Я. Ельмеева, В.Г. Овсянникова, П.А. Чукреева, применительно к проблеме женского одиночества – И.И. Осинского [5], Н.П. Романовой, Л.И. Шиллер, И.В. Романовой [6].

Таким образом, приведенный обзор исследований проблемы социального статуса одиноких женщин показывает, что в социологической литературе названная проблема применительно к женщинам вообще получила определенное отражение. Однако применительно к социальной группе одиноких женщин эта тема представлена фрагментарно, а региональные аспекты практически отсутствуют.

Литература

1. Лабиринты одиночества / Пер. с англ; под ред. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с.

2. Курьянски Д. Как найти мужчину своей мечты / Д. Курьянски. – М.: Мирт, 1995.

3. Виткин Дж. Правда о женщинах (14 мифов, сочиненных мужчинами) / Дж. Виткин; пер. с англ. Царук Л. – СПб: Питер Пресс, 1996. – 256 с.

4. Романова И.В. Адаптация одиноких женщин к посттрудовому периоду в условиях современного российского общества: автореф. дис. канд. социол. наук / И.В. Романова. – Улан-Удэ: БГУ, 2002.

5. Романова Н.П. Одинокие женщины / Н.П. Романова, И.И. Осинский. – Чита: ЧитГТУ, 2000. – 232 с.

6. Осинский И.И. Женщины в тюрьме / И.И. Осинский, Н.П. Романова, Л.И. Шиллер. – Чита: ЧитГУ, 2004. – 161 с.

Коротко об авторе / Some facts about author

Романова Нелли Петровна, д-р социол. н., профессор кафедры педагогики высшей школы, Читинский государственный университет (ЧитГУ), rik@chitgu.ru

Romanova N., Doctor of Sociology, professor of higher school pedagogic department, the Chita State university (ChitSu), rik@chitgu.ru

Научные интересы: философия одиночества, гендерные исследования, деловые коммуникации

Scientific interests: phylosophy of loneliness, gender research, buisness communications

МАШИНОСТРОЕНИЕ И ТРАНСПОРТ

УДК 621.914.2

Н.Я. Смольников, Г.Г. Скребнев
N. Smolnikov, G.Skrebnev

ГРАФО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ ПРОЦЕССА СТРУЖКООБРАЗОВАНИЯ ПРИ ЗУБОФРЕЗЕРОВАНИИ ЧЕРВЯЧНЫМИ ФРЕЗАМИ

GRAPHICAL AND ANALYTICAL METHOD OF STUDYING OF SHAVING FORMATION PROCESS AT GEAR MILLING WITH HOB CUTTERS

В статье предложена методика графического отображения формы и размеров слоев, срезаемых зубьями червячной фрезы в любой момент времени. При заданных параметрах обработки определяется зуб, срезающий самые толстые слои сложной формы; вычисляются параметры коррекции модифицированного профиля зуба фрезы

The article represents methods of graphical depiction of shape and sizes of layers cut with cogs of gear-milling cutter at any time. Under determined parameters of machining the cog is identified, which cuts the thickest layers of complicated shape; parameters of correction of modified profile of cutter cog are estimated

Ключевые слова: процесс стружкообразования, графоаналититческий метод

Key words: shaving formation process, graphical and analytical method

Модификация червячных фрез [1] производится с целью снижения износа зубьев и выравнивания нагрузки между зубьями. Чтобы снизить износ фрезы, нужно облегчить условия стружкообразования при ее работе, для чего необходимо перераспределить стружки таким образом, чтобы не было взаимного влияния одной стружки на другую, то есть осуществить свободное резание. Параметры коррекции должны быть такими, чтобы обеспечить свободный сход стружки, срезаемой режущими кромками каждого зуба фрезы.

Из теории резания известно, что основным источником изменения износа является, в конечном счете, изменение размеров и формы срезаемого слоя, условия входа и выхода зуба фрезы из контакта с изделием, то есть геометрия срезаемого слоя. Многочисленными работами отечественных и зарубежных иссле-

дователей показано, что между мгновенной силой резания и мгновенной площадью сечения срезаемых слоев при зубофрезеровании существует значимая статистическая связь, вследствие чего оценки силовых параметров процесса резания могут быть построены как функции мгновенной ширины и толщины слоев, срезаемых различными участками режущих кромок зубьев червячной зуборезной фрезы. Учитывая, что загрузка зубьев по витку фрезы, а также режущих кромок зуба по профилю, при прочих равных условиях, является функцией размеров сечения среза, для назначения научно-обоснованных параметров коррекции режущих профилей червячных фрез с измененными схемами резания необходимо иметь четкое представление о форме и размерах срезаемых зубьями слоев (под срезом понимается снимаемая при резании стружка без учета ее деформации).

Вопросу определения параметров сечения срезаемого слоя при зубофрезеровании посвящено большое количество работ, проведенных как отечественными, так и зарубежными учеными. Анализ существующих работ в области математического моделирования и аналитического определения параметров среза при зубофрезеровании позволяет сделать вывод, что для решения поставленных задач наиболее подходящими являются методики, основанные на применении геометрических методов анализа процесса обработки.

По нашему мнению, для решения этих проблем прежде всего необходимо получить на мониторе компьютера графическое отображение картины резания, то есть следов мгновенных последовательных положений режущих кромок инструмента в рассматриваемой секущей плоскости, а в итоге – форму и размеры слоев, срезаемых зубьями фрезы в любой момент времени, потому что наглядные изображения позволяют сразу, без предварительных вычислений, оценить работу зубьев фрезы, определить точки на режущей кромке, срезающие наибольшие слои, кроме того, облегчается анализ схем резания, так как основная цель прогрессивных схем резания – разделение сложных срезаемых слоев на элементарные.

С этой целью был создан пакет прикладных программ, написанных на языке программирования AutoLISP, для работы в среде чертежно-графического пакета AutoCAD, который позволяет не только строить картину обката, но и, производя обкатку, получать геометрию и размеры стружек, срезаемых зубьями фрезы. Алгоритм работы программы следующий: выбираем систему координат, в которой ось Z совпадает с осью вращения заготовки, а ось Y лежит на межосевом перпендикуляре «фреза-заготовка». На первом этапе задаем профиль зуба фрезы в нормальном сечении (геометрический примитив). Затем корректируем полученный примитив с целью получения профиля зуба в осевом сечении. Далее вращением примитива вокруг оси X получаем след от вращения зуба вокруг оси фрезы и поворачиваем его в плоскости XY на угол установки фрезы на станке. На этом же этапе задаем размеры цилиндра–«заготовки». На следующем этапе происходит собственно «обработка» цилиндра-«заготовки» следами зуба, то есть совершается «вычитание» тел, полученных вращением профиля, из цилиндра. После каждого «реза» след смещается на величину конструктивной подачи (причем по оси Z – с учетом подачи на зуб S_z), а цилиндр-«колесо» – на угол:

$$\nu = 2\pi n_{zo} / (z_o z),$$

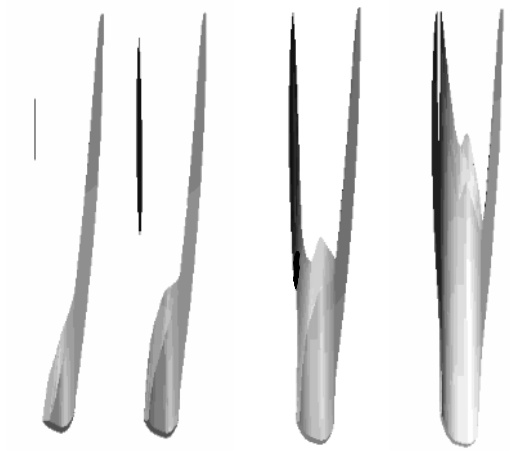
где n_{zo} – число заходов червячной фрезы;

z_o – число стружечных канавок фрезы;

z – число зубьев нарезаемого колеса.

Так как и нагрузка на зуб, и его кинематические параметры зависят от положения вдоль оси фрезы, а номер зуба N_z характеризует его положение на этой оси, то необходимо четко определить нумерацию зубьев фрезы. За центральный ($N_z = 0$) примем зуб, ось симметрии профиля которого лежит на линии межосевого перпендикуляра «фреза-заготов-

ка» (в рассматриваемом случае – на оси Y). Зубья, расположенные на входной части фрезы, имеют отрицательную нумерацию ($N_z = -1,-2,...$), на выходной – положительную ($N_z = 1,2,...$). Разработанный пакет прикладных программ позволяет получить размеры и форму слоя, срезаемого любым зубом червячной фрезы с любой модификацией при любых параметрах обработки. Для иллюстрации был проведен анализ работы червячно-модульной фрезы модуля m =4,25 мм при обработке колеса с числом зубьев z =24 при встречной подаче S_o =2 мм/об (рис.1).



N_z=-9 N_z=-8 N_z=-7 N_z=-5

Рис. 1. Слои, срезаемые зубьями червячной фрезы

Первым в резание вступает зуб $N_z = -15$. Он обрабатывает впадину нарезаемого колеса входной боковой (при повороте фрезы на угол φ_{-15}=14,27° и до φ_{-15}=26,70°) и входной радиусной (от φ_{-15}=25,28° и до φ_{-15}=27,52°) режущими кромками. Далее характер работы зубьев с $N_z = -14...-12$ не изменяется, только увеличиваются углы контакта, и возрастает активная длина режущих кромок. Фактически зубья срезают простые слои, если учесть, что радиусной кромкой они работают незначительное время и не всей её длиной.

Вершинной кромкой начинает работать зуб с $N_z = -11$, срезая стружку на дуге контакта в 1,37° (от φ_{-11}=30,32° и до φ_{-11}=31,69°) входным участком кромки. Далее в резание вступает выходная радиусная кромка: участком, примыкающим к вершине, она срезает слой на дуге всего в полградуса (начиная с φ_{-10}=31,41°). С этих зубьев начинается срезание стружек Г-образной формы на небольшой дуге контакта на выходе из резания.

На зубьях $N_z = -9,-8$ выходная кромка режет с перерывом: в начале она работает участком, близким к точке сопряжения прямолинейной и радиусной выходных кромок (от φ_{-9}=5,2° до φ_{-9}=10,31° и от φ_{-8}=0,55° до φ_{-8}=16,57°); затем, на выходе из резания, – участком, близким к вершинной кромке (от φ_{-9}=27,56° до φ_{-9}=32,75° и от φ_{-8}=23,2° до φ_{-8}=33,35° соответственно).

Начиная с $N_z = -7$ и по $N_z = 0$, зубья фрезы работают всеми кромками, причем вначале зуб режет входной, выходной и вершинной кромками раздельно, затем участки контакта этих кромок с заготовкой по мере поворота фрезы сливаются в один. Чем ближе к центральному зубу, тем раньше вступает в резание вершинная кромка и на большей дуге контакта срезается сложный П-образный слой.

Зуб $N_z = -7$ на дуге φ_{-7}=16,44° от начала врезания обрабатывает впадину входной прямолинейной, выходными прямолинейной и радиусной кромками; далее в работу вступают вершинная и входная радиусная кромки, а выходная прямолинейная выходит из резания (φ_{-7}=19,26°). На этом участке зуб срезает стружку П-образной формы. При повороте фрезы на угол φ_{-7}=29,03° выходит из резания входная прямолинейная кромка, и зуб до выхода работает вершинной и радиусными кромками.

Характер работы последующих зубьев (до $N_z = -1$) существенно не меняется, только с зуба $N_z = -5$ выходные прямолинейная и радиусная кромки в начале контакта режут порознь и чем ближе к зубу с $N_z = -1$, тем дольше. По мере приближения к межосевому перпендикуляру увеличивается значение угла выхода из резания выходной прямолинейной кромки, а для входной – уменьшается.

Работу центрального зуба ($N_z = 0$) рассмотрим подробнее.

На рис. 2 представлен слой, срезаемый центральным (расположенным на межосевом перпендикуляре «фреза-заготовка») зубом, полученный при обработке колеса с числом зубьев z =20 стандартной фрезой модуля m = 5 мм при встречной подаче S_o = 2 мм/об. На рисунке углы (град.) поворота зуба фрезы в процессе резания отсчитываются от прямой, соединяющей оси заготовки и фрезы. На виде «в плоскости ZY» показаны углы контакта входной и выходной режущих кромок зуба ($\varphi_{вх}$, $\varphi_{вых}$), а также полный угол контакта зуба фрезы с заготовкой. На рис. 2 приведены также сечения слоев, срезаемых рассматриваемым зубом фрезы.

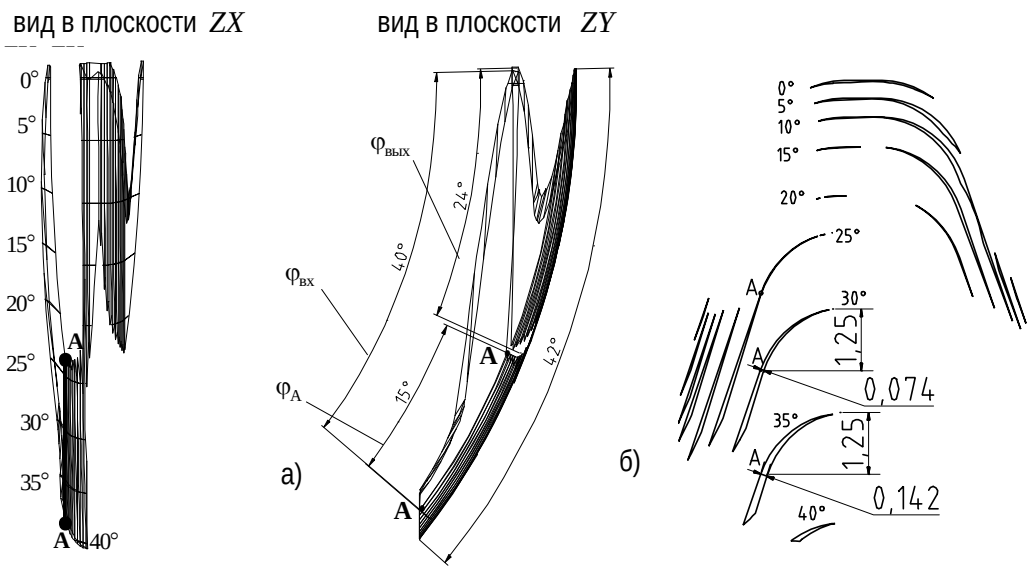


Рис. 2. Слой, срезаемый центральным зубом фрезы:
а) форма срезаемого слоя; б) сечения срезаемого слоя

Хорошо видно, что сначала зуб начинает резать тремя кромками, причем каждая из них срезает элементарные слои столь незначительной толщины, что может иметь место скольжение и интенсивный износ задней поверхности зуба фрезы. При повороте зуба фрезы на угол φ =12° слой, срезаемый вершинной кромкой, разделяется на два: один сливается со слоем, срезаемым входной кромкой; другой постепенно «перетекает» на выходную кромку и при φ =23° сливается со слоем, срезаемым этой кромкой. Таким образом, центральный зуб срезает Г-образные слои сначала вершинной и входной кромками (φ =10-23°), а затем вершинной и выходной кромками (φ = 23-39°). Входной кромкой рассматриваемый зуб режет 55 % времени, выходной – 90 %.

На рис. 3 представлены фотографии стружек, полученных при обработке впадины колеса определенными зубьями фрезы, и изображения соответствующих срезов, полученных при моделировании обработки заготовки теми же зубьями. Сравнивая фотографии с соответствующими срезами, можно заключить, что стружка, срезаемая выходной стороной зуба (точнее – прямолинейным участком выходной режущей кромки), имеет вид винтовой спирали. Такая форма стружки обусловлена тем, что в процессе резания площадка контакта зуба со срезаемым металлом по мере поворота перемещается вдоль выходной кромки от основания зуба к его вершине. Таким образом, срезаемый слой совершает относительное перемещение вдоль кромки зуба фрезы, что приводит к образованию винтовой стружки. Но только до тех пор, пока не вступят в резание уголок и вершинная кромка, и зуб не начнет срезать слои сложной формы.

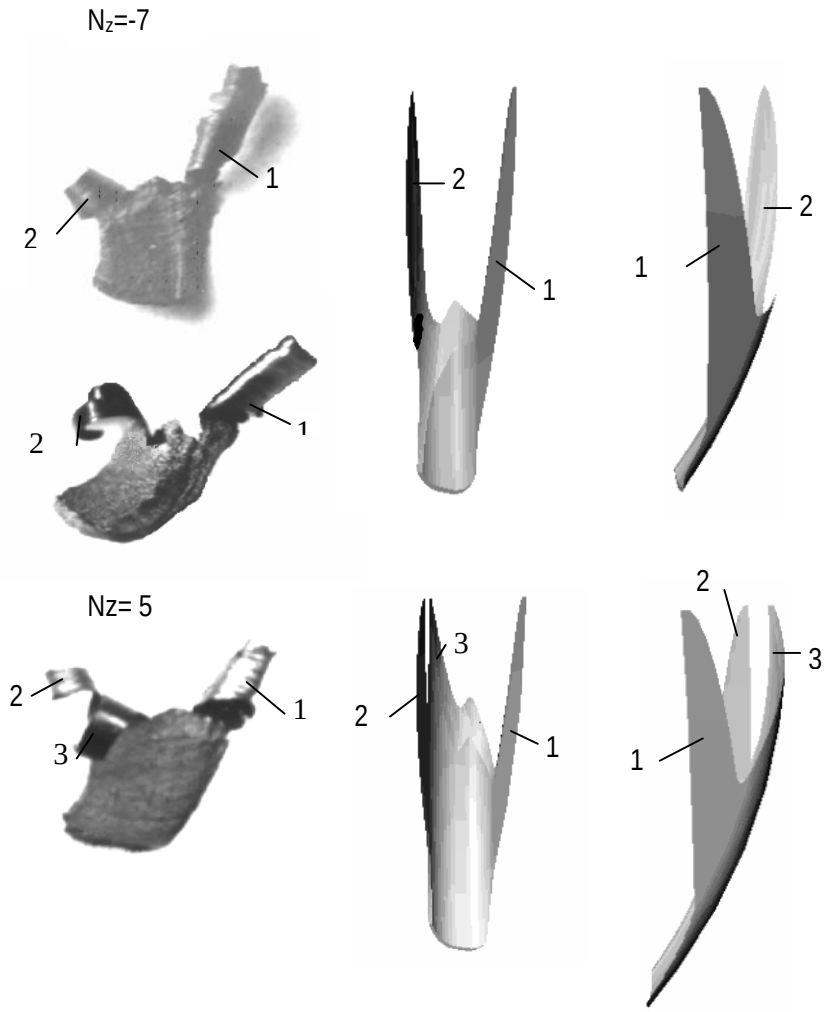


Рис. 3. Сравнение срезов со стружками, срезаемыми режущими кромками зубьев червячной фрезы: 1 – входной, 2 – выходной, 3 – выходной радиусной

Форма стружки, срезаемой входной кромкой зуба, обусловлена тем, что в процессе резания входная кромка зуба постоянно контактирует с заготовкой одним и тем же участком – в окрестностях точки сопряжения прямолинейной и радиусной кромок, вследствие чего стружка завивается в плоскую спираль.

Сравнение изображений срезов, полученных в результате моделирования со стружками, получаемыми в результате нарезания колеса зубьями фрезы, позволяет сделать вывод о высокой степени соответствия принятой методики моделирования реальному процессу.

Описанная программа дает возможность изучать строение срезаемых слоев, получить их толщину в любой момент резания и длину дуги контакта для любой точки профиля зуба. На рис. 1 и 2 показаны дуга контакта и толщины срезаемых слоев для точки A выходной кромки зуба фрезы, отстоящей от вершины на величину радиального зазора.

С помощью разработанного инструмента исследования становится возможным решить задачу выбора оптимальных (исходя из условия разделения сложных резов на более простые) параметров коррекции для любых схем резания. При заданных параметрах обработки определяется зуб, срезающий самые толстые слои сложной формы; вычисляются параметры коррекции (в частности, для прогрессивной схемы – e_1 и e_2 [1]); на ЭВМ производится имитационная обработка корригированным профилем с целью проверки правильности выбора.

Кроме того, разработанный пакет программ позволяет вычислять объемы срезанных слоев стружки, а следовательно, далее автоматизированно определять силы и эффективную мощность резания. Таким образом, созданный пакет прикладных программ позволяет более полно анализировать обработку зубьев червячными фрезами, давать качественную и количественную оценку процессу, а также решать ряд задач, касающихся выбора параметров коррекции.

.

Литература

1. Медведицков С.Н. Высокопроизводительное зубонарезание фрезами / С.Н. Медведицков. – М.: Машиностроение, 1981. – 104 с., ил.

Коротко об авторах — Some facts about author

Смольников Николай Яковлевич, д-р техн. н., профессор кафедры металлорежущих станков и инструментов, Волгоградский государственный технический университет, stanki@vstu.ru

N. Smolnikov, Doctor of the Technical Science, professor of Metal-Cutting Machines and Tools Department, the Volgograd StateTechnical University, stanki@vstu.ru

Научные интересы: разработка конструкций зуборезного инструмента, совершенствование технологии производства зубчатых колес

Scientific interests: design of cog-cutting instrument construction, improvement of cog-wheels production technology

Скребнев Герман Георгиевич, к. техн. н., доцент кафедры металлорежущих станков и инструментов, Волгоградский государственный технический университет, stanki@vstu.ru

Screbnev G., Candidate of Technical Science, assistant professor of Metal-Cutting Machines and Tools Department, the Volgograd State Technical university,stanki@vstu.ru

Научные интересы: разработка конструкций зуборезного инструмента, совершенствование технологии производства зубчатых колес

Scientific interests: design of cog-cutting instrument construction, improvement of cog-wheels production technology

УДК 62-52

Е.В. Стещенко
E. Steshchenko

АДАПТИВНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ СУХОГО И ВЯЗКОГО ТРЕНИЯ В СИСТЕМАХ АВТОМАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

ADAPTIVE COMPENSATION OF DRY AND VISCOUS FRICTION IN SYSTEM OF AUTOMATIC CONTROL

В работе развивается и обобщается подход к компенсации трения, представленный в статье G. Fridman. В отличие от указанной статьи, где используется система только с сухим трением, рассмотрен важный для практики случай одновременного присутствия сухого и вязкого трения

This article develops and summarizes the compensating friction method represented by G. Fridman in his article. Unlike mentioned article where describes only a dry friction system there is an important practical example of simultaneous availability of dry and viscous friction in this article

Ключевые слова: компенсация трения, сухое и вязкое трение

Key words: friction compensation, dry and viscous friction

Для широкого класса управляемых технических объектов характерным является наличие трения. Как правило, этот факт отрицательно влияет на точность осуществления заданных программных траекторий систем управления. Это, например, снижает качество обработки деталей в станках и т.п. Для улучшения процессов в системах управления может быть использована идея компенсации трения. По-видимому, возможный способ, позволяющий в определенной мере решить эту проблему, состоит в использовании адекватной модели трения и создании на ее основе сил (моментов), нейтрализующих отрицательное влияние на реальное трение.

При простейшем подходе, когда коэффициенты в модели трения выбираются постоянными, полная компенсация едва ли достижима, т.к. истинные параметры трения, на которые нужно настроить модель, достоверно неизвестны. Более того, с течением времени они могут изменяться непредсказуемым образом (например, с изменением температуры и др.). В связи с отмеченным, более перспективными представляются способы компенсации трения, использующие адаптивную подстройку к его параметрам.

В настоящей работе развивается и обобщается подход к компенсации трения, представленный в статье G. Fridman. В отличие от указанной статьи, где используется система только с сухим трением, нами рассмотрен важный для практики случай одновременного присутствия сухого и вязкого трения, а также разработана структурная схема и выполнено моделирование в среде Matlab.

Работа системы управления без трения

Рассмотрим сначала идеальный случай,

когда на состояние системы не влияют какие-либо посторонние факторы. В этом случае закон управления имеет вид

$$U = -g_1(x - x_d) - g_2 V \ , \qquad (1)$$

где x_d – желаемая траектория системы управления;

g_1, g_2 – некоторые коэффициенты усиления. Пусть, например, $g_1 = 200, \ g_2 = 30$. На рис. 1 показана структурная схема системы (1).

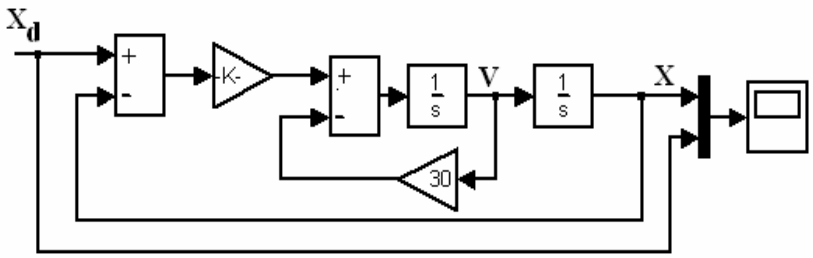


Рис. 1

На рис. 2 показаны переходные процессы по траекториям x_d и x.

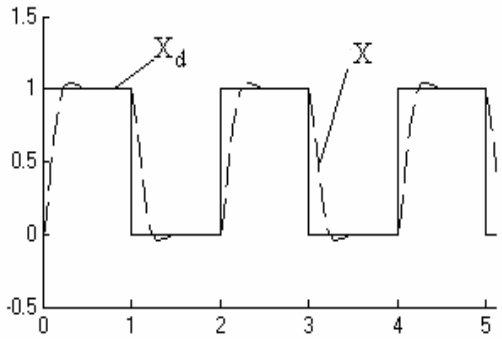


Рис. 2

Влияние трения на работу системы управления

В реальной жизни таких идеальных случаев почти не встречается. Практика показывает, что на большинство объектов действует ряд факторов, которые отрицательно влияют на работоспособность системы управления. Так, трение, как правило, существенным образом ухудшает качество многих процессов. Остановимся теперь на общей постановке этой задачи.

Модель

Рассмотрим модель движения

$$\dot{V} = -f(V, a_1, a_2) + W, \qquad (2)$$

где V – скорость;

W – управляющие силы (моменты), закон формирования которых определяется так, чтобы достичь желаемого поведения системы;

$f(V, a_1, a_2)$ – характеризует присутствующие в системе сухое и вязкое трение.

Предположим, что справедлива следующая принятая модель трения (3):

$$f(V, a_1, a_2) = a_1 V_{sign}(V) + a_2 V^2_{sign}(V), \qquad (3)$$

где f – сила трения;

V – скорость;

a_1, a_2 – неизвестные параметры.

На рис. 3 показаны графики переходных процессов по траекториям x_d и x, которые характеризуют работу системы (2), (3) в присутствии трения и без него.

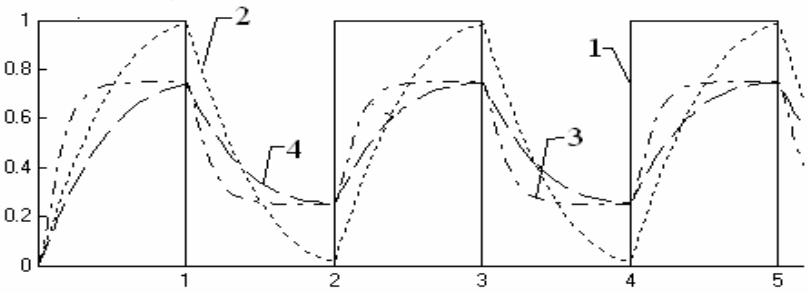


Рис. 3

На рис. 3 показаны переходные процессы системы в различных ситуациях. Желаемая траектория совпадает с линией 1; кривая 2 характеризует поведение системы при наличии только вязкого трения, если же на объект управления действует только сухое трение, то в этом случае имеет место траектория 3. Но чаще всего в реальных условиях наблюдается наличие одновременно сухого и вязкого трений (кривая 4).

Таким образом, наличие трения существенно ухудшает качество управляемых процессов и в некоторых случаях даже может привести к неработоспособности функционирующего объекта. Между тем, возникающую в этой ситуации проблему в некоторой степени можно решить путем увеличения коэффициента усиления g_1. Однако в ряде случаев увеличить данный коэффициент так, как это необходимо для погашения трения, бывает невозможно.

В связи с этим возникает необходимость разработки закона управления, позволяющего обеспечить высокое качество работы системы. Так как коэффициенты трения могут изменяться непредсказуемым образом под действием многих факторов, то для синтеза закона управления в нашем случае будем использовать алгоритм адаптивной настройки. Данный метод позволит компенсировать трение, присутствующее в системе. Опишем общую идею метода.

Предположим, алгоритм настройки параметров имеет вид:

1) для параметра a_1 сухого трения:
$\hat{a}_1 = z_1 - k_1$,где $k_1 > 0$, $\mu_1 > 0$.

Тогда наблюдатель сухого трения имеет вид

$$\dot{z}_1 = k_1\mu_1 |V|^{\mu_1 - 1}\left(W - \hat{a}_1 \operatorname{sgn}(V)\right)\operatorname{sgn}(V).$$

Оценим ошибку между истинным параметром a_1 (будем считать его постоянным) и его оценкой $\hat{a}_1$: $e_1 = a_1 - \hat{a}_1$.

Тогда после дифференцирования и ряда преобразований получим следующую формулу: $\dot{e}_1 = -k_1\mu_1 |V|^{\mu_1 - 1} e_1$;

2) аналогичные выкладки выполним относительно коэффициента вязкого трения

$\hat{a}_2 = z_2 - k_2 |V|^{\mu_2}$,

откуда наблюдатель вязкого трения имеет вид

$$\dot{z}_2 = k_2\mu_2 |V|^{\mu_2 - 1}\left(W - \hat{a}_2 V^2 \operatorname{sgn}(V)\right)\operatorname{sgn}(V)$$

Аналогично тому, как оценивалась ошибка e_1, выполним подобные рассуждения для $e_2 = a_2 - \hat{a}_2$.

Таким образом, получили систему уравнений, описывающих адаптивный наблюдатель трения:

$$\begin{cases} \dot{z}_1 = k_1\mu_1 |V|^{\mu_1 - 1}\left(W - \hat{a}_1 \operatorname{sgn}(V)\right)\operatorname{sgn}(V) \\ \dot{z}_2 = k_2\mu_2 |V|^{\mu_2 - 1}\left(W - \hat{a}_2 V^2 \operatorname{sgn}(V)\right)\operatorname{sgn}(V) \end{cases}.$$

Численное моделирование

С целью проверки работоспособности предложенного алгоритма адаптивной идентификации и компенсации трения (2) были проведены численные эксперименты с использованием модуля SIMULINK программы Matlab. Для этого использовалась система второго порядка

$$\begin{cases} \dot{x} = V \\ \dot{V} = -f(V) + U, \end{cases}$$

где U – закон управления, который в случае отсутствия трения имеет вид

$$U = -g_1(x - x_d) - g_2 V.$$

С учетом того, что в системе присутствует наблюдатель сухого и вязкого трения, получаем

$$\begin{cases} \dot{x} = V \\ \dot{V} = -f(V, a_1, a_2) + g_1(x - x_d) - g_2 V + f(V, \hat{a}_1, \hat{a}_2), \end{cases}$$

где

$$f(V, \hat{a}_1, \hat{a}_2) = \hat{a}_1 V_{sign}(V) + \hat{a}_2 V^{2}{}_{sign}(V).$$

На рис. 4 представлена SIMULINK-диаграмма моделирования адаптивной системы компенсации трения.

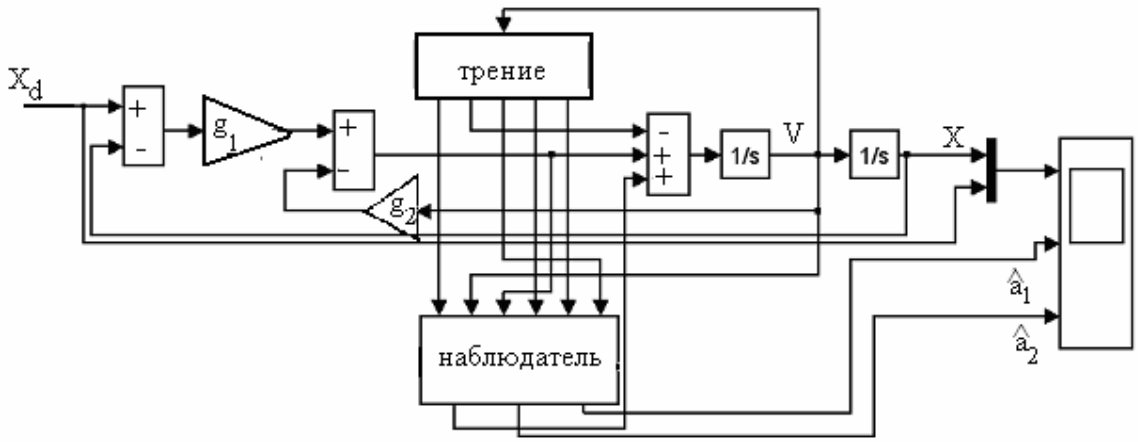


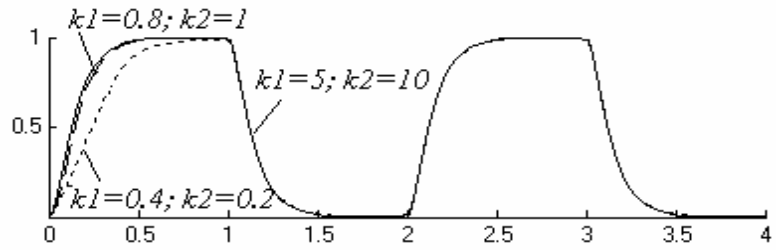
Рис. 4

Использованы следующие значения параметров объекта:

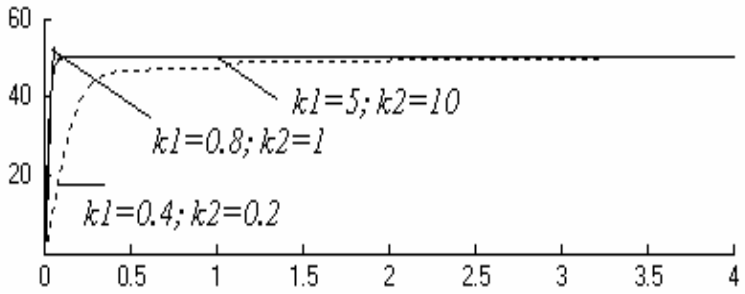
$$a_1 = 50,\ a_2 = 30,\ g_1 = 200,\ g_2 = 30.$$

Заметим, что от значений параметров наблюдателя ($\mu_1, \kappa_1, \mu_2, \kappa_2$), а также от задаваемого воздействия будет зависеть точность настройки модели на параметры трения, а значит, и качество работы системы. Поэтому представляет интерес сравнение результатов моделирования в различных ситуациях.

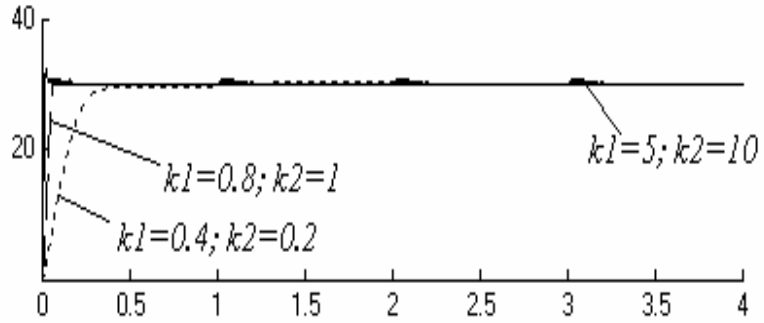
На рис. 5 продемонстрирована работа синтезированной системы, использующей задающее воздействие в виде прямоугольных импульсов при различных комбинациях значений параметров наблюдателя.



(a)



(b)



(c)

Рис. 5. Компенсация трения при μ=2:
a – переходный процесс по траектории; b, c – изменение оценок параметров соответственно сухого и вязкого трения ($\hat{a}_1$ и $\hat{a}_2$) при настройке

Сравнивая результаты работы синтезированной системы, видим, что скорость настройки параметров трения тем выше, чем больше значения коэффициентов k_1, k_2, μ.

Таким образом, в работе представлен метод оценки и компенсации трения в системах управления. Между тем, данные исследования, несомненно, важны для практики. На основании полученных в ходе численного эксперимента данных можно сделать следующие выводы: если трение подчиняется классической модели, то синтезированный в работе алгоритм адаптивной компенсации позволяет практически полностью нейтрализовать его отрицательное влияние на работоспособность системы управления. Кроме того, можно показать, что компенсатор с небольшими изменениями может быть использован, если реальное трение не подчиняется адекватной модели.

Литература

1. Friendland B., Park Y.J. On adaptive friction compensation // IEEE Trans. AC., 1992. Vol. 37. P. 1609-1611.

2. Александров А.Г. Оптимальные и адаптивные системы / А.Г. Александрова. – М.: Высшая школа, 1989. – 325 с.

3. Андриевский Б.Р. Избранные главы теории автоматического управления / Б.Р. Андриевский, А.Л. Фрадков. – СПб.: Наука, 1999. – 467 с.

4. Мирошник И.В. Нелинейное и адаптивное управление сложными динамическими системами / И.В. Мирошник, В.О. Никифоров, А.Л. Фрадков. – СПб.: Наука, 2000. – 549 с.

5. Фрадков А.Л. Адаптивное управление в сложных системах: беспоисковые методы / А.Л. Фрадков. – М.: Наука, 1990. – 296 с.

Коротко об авторе / Some facts about author

Стещенко Екатерина Викторовна, старший преподаватель, Арсеньевский технологический институт (филиал ДВГТУ)

Steshchenko Ekaterina, chief professor, the Arsenyev Technological institute (branch of FESTU)

Научные интересы: вопросы синтеза адаптивной компенсации сопутствующих нелинейностей в системах автоматического управления

Scientific interests: questions of synthesis of adaptive compensation of attendant unlinears in automatic control system

МАТЕМАТИКА И ИНФОРМАТИКА

УДК 517.51

Т.Ю. Шерстюк
T. Sherstuk

НЕКОТОРЫЕ СВОЙСТВА ФУНКЦИЙ $\Phi_i(\rho)$, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ АППРОКСИМАТИВНЫЕ СВОЙСТВА ОПЕРАТОРОВ БАСКАКОВА

SOME PROPERTIES OF FUNCTIONS $\Phi_i(\rho)$, WHICH CHARACTERIZE APPROXIMATE PROPERTIES OF BASKAKOV'S OPERATORS

Рассматриваются некоторые свойства функций $\Phi_i(\rho)$ ($\rho \geq 0, i \geq 1$), характеризующих аппроксимативные свойства последовательностей операторов $M_n^{[m](k_1, k_2, \ldots k_m)}(f(t), x)$ (операторы Баскакова)

In the article some properties of functions $\Phi_i(\rho)$, ($\rho \geq 0, i \geq 1$), are described. They characterize approximate properties of consistencies of operators $M_n^{[m](k_1, k_2, \ldots k_m)}(f(t), x)$ operators)

Ключевые слова: аппроксимативные свойства

Key words: approximate properties

В работах [1, 2] В.А. Баскаков предложил следующую аппроксимирующую последовательность операторов:

$$M_n^{[m](k_1, k_2, \ldots k_m)}(f(t), x) = \frac{2^{m-1}\prod_{i=1}^{m}\sin^2\frac{\pi k_i}{n}}{\pi n}\int_{-\pi}^{\pi}\frac{f(t+x)\cdot\sin^2\frac{nt}{2}}{\sin^2\frac{t}{2}\prod_{i=1}^{m}(\cos t - \cos\frac{2\pi k_i}{n})}dt, \qquad (1)$$

где m, n, $k_1,\ldots,k_m$ – зафиксированные целые постоянные,

$m \geq 0$, $(0 < k_1 < k_2 < \ldots < k_m < \frac{n}{2})$.

Аппроксимативные свойства операторов (1) изучались в ряде работ, отметим [3-6]. Операторы Баскакова (1) при любых допустимых параметрах являются методами суммирования рядов Фурье, то есть представляются в виде

$$M_n^{[m](k_1,\ldots,k_m)}(f(t), x) = \frac{1}{\pi}\left(\frac{1}{2} + \sum_{j=1}^{n-m-1}\lambda_{j,n}^{[m](k_1,\ldots,k_m)}\cos(jt)\right)dt.$$

Аналитическое выражение для $\lambda_{j,n}^{[m](k_1,\cdots k_m)}$

найдено В.А. Баскаковым [2], так как в дальнейшем эти формулы нам не понадобятся, мы их приводить не будем.

Операторы $M_n^{[m](k_1,k_2,\ldots k_m)}$ характерны тем, что приближают функции классов $W^r H^\alpha$ при $r+\alpha<2m+1$ с наилучшим порядком, то есть с порядком $O(n^{-r-\alpha})$. Изучение вопросов, связанных с приближением операторами Баскакова функции Хевисайда, имеет выход на практические применения (расчет цифровых фильтров, см. [3]).

В статье мы рассматриваем задачу об оценке приближения операторами (1) функций, имеющих непрерывную (i-1)-ю производную. При этом $f^{(i)}(t)$ может иметь изолированные точки разрыва первого рода, при $i\ge 1$; а также подробнее рассмотрим свойства функции $\Phi_i(\rho)$. Если $i=0$, то под 0-й производной понимается сама функция $f(t)$. Эта задача связана с вопросами замены приближающего периодического сплайна тригонометрическими полиномами.

Сформулируем основной результат.

Теорема. Пусть $i>0$ – целое, $f(t)\in {}^{i-1}_{2\pi}$, $x\in(-\infty;+\infty)$ – произвольным образом фиксированная точка действительной оси; существует $c>0$, такое, что $f^{(i)}(t)$ непрерывна на $[x-c,x]$ и на $[x,x+c]$, $\rho\ge 0$ – действительное число, тогда (при $i\le 2m$)

$$M_n^{[m](k_1,\ldots,k_m)}\left(f(t),x+2\rho n^{-1}\right)=$$
$$=f(x+2\rho n^{-1})+$$
$$+\frac{1}{i!}(-1)^{j+1}\Phi_i(\rho)\left(f_+^{(i)}(x)-f_-^{(i)}(x)\right)n^{-1}+ \quad (2)$$
$$+o(n^{-1}),$$

где $f_+^{(i)}(x)=\lim\limits_{t\to x+}f^{(i)}(t)$, $f_-^{(i)}(x)=\lim\limits_{t\to x-}f(t)$, (3)

$$\Phi_i(\rho)=$$
$$=2^i\pi^{2m-1}\prod_{j=1}^{m}(k_j)\int_\rho^\infty\left(1-\frac{\rho}{t}\right)^i\frac{t^{i-2}\sin^2 t dt}{\prod\limits_{j=1}^{m}\left(\pi^2k_j^2-t^2\right)}. \quad (4)$$

При $i=1$ результат получен Е.С. Коган [4].

Доказательство теоремы приведено в [6], поэтому в данной статье приводить его не будем.

Подробнее остановимся на свойствах функции $\Phi_i(\rho)$.

Из (4) видно, что в определении функции аргумента ρ $\Phi_i(\rho)$, кроме параметра i, фигурируют еще целые параметры m и совокупность параметров $\{k_j\}_{j=1}^m$. Мы, однако, не будем загромождать обозначение. Интересующие нас функции будем обозначать $\Phi_i(\rho)$, относительно же значений остальных параметров будем оговаривать отдельно в каждом случае. В общем случае считаем, что m и $\{k_j\}$ зафиксированы каким-либо образом.

Предложение 1. При $i>1$ имеет место равенство

$$\Phi_i'(\rho)=-2i\Phi_{i-1}(\rho).$$

Предложение 2. При $i>0$ имеет место равенство

$$\Phi_{2i}(0)=0.$$

Предложение 3. При любом $m>0$ и при

$$0<i<2m+1$$
$$\lim_{\rho\to\infty}\Phi_i(\rho)=\lim_{\rho\to\infty}\Phi_i'(\rho)=0.$$

Предложение 4. При $m=1$ и любом допустимом значении k выполняется неравенство

$$\Phi_1(0)>0.$$

Предложение 5. Имеет место равенство

$$\lim_{k\to\infty}\Phi_{1(k)}(0)=\infty,$$

точнее, $\Phi_{1(k)}(0) = O(\ln k)$.

Ограничимся доказательством предложения 5.

Обозначим

$$\Phi_{1(k)}(0) = 2\pi k^2 \int_0^{\infty} \frac{\sin^2 t dt}{t(\pi^2 k^2 - t^2)}. \qquad (5)$$

Доказательство

$$\Phi_{1(k)}(0) = \Phi_{1(k)}^{(1)}(0) + \Phi_{1(k)}^{(2)}(0) +$$
$$+ \Phi_{1(k)}^{(3)}(0) + \Phi_{1(k)}^{(4)}(0),$$

где

$$\Phi_{1(k)}^{(1)}(0) = 2\pi k^2 \int_0^{\frac{k\pi}{2}} \frac{\sin^2 t dt}{t(\pi^2 k^2 - t^2)},$$

$$\Phi_{1(k)}^{(2)}(0) = 2\pi k^2 \int_{\frac{k\pi}{2}}^{k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t(\pi^2 k^2 - t^2)},$$

$$\Phi_{1(k)}^{(3)}(0) = 2\pi k^2 \int_{k\pi}^{\frac{3}{2}k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t(\pi^2 k^2 - t^2)},$$

$$\Phi_{1(k)}^{(4)}(0) = 2\pi k^2 \int_{\frac{3}{2}k\pi}^{\infty} \frac{\sin^2 t dt}{t(\pi^2 k^2 - t^2)}.$$

Заметим, $\Phi_{1(k)}^{(1)}(0) > 0$, $\Phi_{1(k)}^{(2)}(0) > 0$, $\Phi_{1(k)}^{(3)}(0) < 0$, $\Phi_{1(k)}^{(4)}(0) < 0$.

Далее установим, что $\Phi_{1(k)}^{(1)}(0) = O(\ln k)$, $\Phi_{1(k)}^{(2)}(0) > -\Phi_{1(k)}^{(3)}(0)$, $\Phi_{1(k)}^{(4)}(0)$ равномерно по k ограниченны. Этого достаточно для доказательства предложения 5.

Для $\Phi_{1(k)}^{(1)}(0)$ имеем

$$\Phi_{1(k)}^{(1)}(0) = 2\pi k^2 \int_0^{\frac{k\pi}{2}} \frac{\sin^2 t dt}{t\left(\pi^2 k^2 - t^2\right)} =$$

$$= 2\pi^{-1} \int_0^{\frac{k\pi}{2}} \frac{\sin^2 t dt}{t\left(1 - \frac{t^2}{\pi^2 k^2}\right)} \geq 2\pi^{-1} \int_0^{\frac{k\pi}{2}} \frac{\sin^2 t dt}{t} = O(\ln k).$$

Далее,

$$\Phi_{1(k)}^{(2)}(0) = 2\pi k^2 \int_{\frac{k\pi}{2}}^{k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t\left(\pi^2 k^2 - t^2\right)} =$$

$$2\pi k^2 \int_{\frac{k\pi}{2}}^{k\pi} \frac{\sin^2 t dt}{t(\pi k - t)(\pi k + t)}.$$

Делаем замену

$\pi k - t = u$, $t = \pi k - u$,
$\pi k + t = 2\pi k - u$;

получаем

$$\Phi_{1(k)}^{(2)}(0) = 2\pi k^2 \int_0^{\frac{k\pi}{2}} \frac{\sin^2 u du}{u(2\pi k - u)(\pi k - u)}.$$

$$-\Phi_{1(k)}^{(3)}(0) = 2\pi k^2 \int_{\pi k}^{\frac{3}{2}\pi k} \frac{\sin^2 t dt}{t(t - k\pi)(t + \pi k)}.$$

Делаем следующую замену $t - \pi k = u$, $t = \pi k + u$, $\pi k + t = 2\pi k + u$, тогда

$$-\Phi_{1(k)}^{(3)}(0) = 2\pi k^2 \int_0^{\frac{k\pi}{2}} \frac{\sin^2 u du}{u(u + k\pi)(u + 2k\pi)}.$$

Так как

$$\int_0^{\frac{k\pi}{2}} \frac{\sin^2 u du}{u(k\pi + u)(2k\pi + u)} < \int_0^{\frac{k\pi}{2}} \frac{\sin^2 u du}{u(k\pi - u)(2k\pi - u)},$$

получаем $\Phi_{1(k)}^{(2)}(0) > -\Phi_{1(k)}^{(3)}(0)$.

Для $\Phi_{1(k)}^{(4)}(0)$ имеем

$$\Phi_{1(k)}^{(4)}(0) = 2\pi k^2 \int_{\frac{3}{2}k\pi}^{\infty} \frac{\sin^2 t dt}{t\left(\pi^2 k^2 - t^2\right)} =$$

$$2\pi k^2 \int_{\frac{3}{2}}^{\infty} \frac{\sin^2 (k\pi u) du}{k^2 \pi^2 u\left(1 - u^2\right)}$$

(сделана замена $t = k\pi u$). Итак,

$$\Phi_{1(k)}^{(4)}(0) = 2\pi^{-1}\int_{\frac{3}{2}}^{\infty}\frac{\sin^2(k\pi u)}{u(1-u^2)}du.$$

То есть $\Phi_{1(k)}^{(4)}(0)$ равномерно по k ограничено.

Предложение 5 доказано.

Предложение 6. При $m = 2$ выполняется $\Phi_3(0) < 0$.

Доказательство

Обозначим

$$E_3(0) = \int_0^{\infty}\frac{t\sin^2 tdt}{(\pi^2k_1^2 - t^2)(\pi^2k_2^2 - t^2)}.$$

$E_3(0)$ отличается от $\Phi_3(0)$ положительным постоянным множителем.

Известно, что

$$\int_0^{\infty}\frac{\sin^2 t}{(\pi^2k_1^2 - t^2)(\pi^2k_2^2 - t^2)}dt = 0. \qquad (6)$$

Рассмотрим интеграл

$$J = \int_0^{\infty}\frac{(\pi k_1 - t)\sin^2 tdt}{(\pi^2k_1^2 - t^2)(\pi^2k_2^2 - t^2)}$$

$$= \int_0^{\infty}\frac{\sin^2 tdt}{(\pi k_1 + t)(\pi^2k_2^2 - t^2)}.$$

Заметим, $\int_0^{\infty}\frac{\sin^2 t}{\pi^2k_2^2 - t^2}dt = 0$.

Отсюда

$$\int_0^{\pi k_2}\frac{\sin^2 t}{\pi^2k_2^2 - t^2}dt = -\int_{\pi k_2}^{\infty}\frac{\sin^2 t}{\pi^2k_2^2 - t^2}dt.$$

Далее

$$J_1 = \int_0^{\pi k_2}\frac{1}{\pi k_1 + t}\cdot\frac{\sin^2 t}{\pi^2k_2^2 - t^2}dt$$

$$= \frac{1}{\pi k_1 + \xi_1}\int_0^{\pi k}\frac{\sin^2 tdt}{\pi^2k^2 - t^2}, \text{ где } \xi_1 \in (0, \pi k_2),$$

$$J_2 = -\int_{\pi k_2}^{\infty}\frac{1}{\pi k_1 + t}\cdot\frac{\sin^2 t}{\pi^2k_2^2 - t^2}dt =$$

$$= -\frac{1}{\pi k_1 + \xi_2}\int_{\pi k_2}^{\infty}\frac{\sin^2 tdt}{\pi^2k^2 - t^2},$$

где $\xi_2 \in (\pi k_2, \infty)$.

Из того, что

$$(\xi_1 < \xi_2) \Rightarrow \left(\frac{1}{k_1\pi + \xi_1} > \frac{1}{k_1\pi + \xi_2}\right),$$

получим $J_1 > J_2$. А это значит, что $J > 0$, то есть

$$\int_0^{\infty}\frac{(\pi k_1 - t)\sin^2 tdt}{(\pi^2k_1^2 - t^2)(\pi^2k_2^2 - t^2)} =$$

$$= \int_0^{\infty}\frac{\pi k_1\sin^2 tdt}{(\pi^2k_1^2 - t^2)(\pi^2k_2^2 - t^2)} -$$

$$-\int_0^{\infty}\frac{t\sin^2 tdt}{(\pi^2k_1^2 - t^2)(\pi^2k_2^2 - t^2)} > 0.$$

Отсюда, учитывая (6), получим $E_3(0) < 0$.

Предложение 6 доказано.

Предложение 7. При $m = 1$ и $k_1 < k_2$ выполняется

$$\Phi_{1(k_1)}(0) < \Phi_{1(k_2)}(0).$$

Доказательство

Имеем

$$\Phi_{1(k_2)}(0) - \Phi_{1(k_2)}(0) =$$

$$2\pi\int_0^{\infty}\frac{\sin^2 t}{t}\left(\frac{k_2^2}{\pi^2k_2^2 - t^2} - \frac{k_1^2}{\pi^2k_1^2 - t^2}\right)dt =$$

$$= 2\pi(k_1^2 - k_2^2)\int_0^{\infty}\frac{t\sin^2 tdt}{(\pi^2k_1^2 - t^2)(\pi^2k_2^2 - t^2)}$$

$$= 2\pi(k_1^2 - k_2^2)E_3(0).$$

Учитывая предложение 6 и то, что $k_1^2 - k_2^2 < 0$,

получим $\Phi_{1(k_2)}(0) - \Phi_{1(k_1)}(0) > 0$.

Предложение 7 доказано.

Литература

1. Баскаков В.А. Об одном методе построения операторов класса S_{2m} / В.А. Баскаков // Теория функций и приближений. Интерполяция по Лагранжу. – Саратов, 1984. – С. 19-25.

2. Баскаков В.А. Об операторах класса S_{2m}, построенных на ядрах Фейера / В.А. Баскаков // Применение функционального анализа в теории приближений. – Тверь, 2001. – С. 5-11.

3. Дубровина Т.В. Оценка характеристик, определяющих аппроксимативные свойства тригонометрических операторов Баскакова и некоторых других методов суммирования рядов Фурье: автореф. дис. … канд. физ.–мат. наук / Т.В. Дубровина. – Красноярск, 2005. – 13 с.

4. Коган Е.С. Некоторые методы получения точных и экстремальных констант в оценках приближения линейными операторами функций классов $Lip_M \alpha$: автореф. дис. … канд. физ.–мат. наук / Е.С. Коган. – Красноярск, 2005.

5. Коган Е.С. Оценка приближения функций операторами Баскакова в точке разрыва производной и в близи этой точки / Е.С. Коган // Применение функционального анализа в теории приближений. – Тверь: ТвГУ, 2004. – С. 107-115.

6. Шерстюк Т. Ю. Приближение операторами Баскакова функций вблизи точек разрыва производных / Т.Ю. Шерстюк // IV Всероссийская научно-практическая конференция «Кулагинские чтения» (материалы конференции). – Чита: ЧитГУ, 2006. – Ч. III. – С. 196-200.

Коротко об авторе / Some facts about author

Шерстюк Татьяна Юрьевна, ст. преподаватель кафедры математики, Читинский государственный университет (ЧитГУ), раб. тел.: 41-73-28

Sherstyuk Tatyana, ChitSU, chief professor of Mathematics Department, Official telephone: 41-73-28

Научные интересы: исследование тригонометрических операторов Баскакова

Scientific interests: Research of trigonometrical Baskakov operators

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора…….. 3
Юбилейные даты…….. 4

Философия

Залунин В.И.
Диалектика мифологизации и демифологизации
социальной реальности в кризисном социуме…….. 5

Педагогика

Балданова Е.А.
Формирование толерантности у молодежи
в современном российском обществе…….. 13

Григорьева Н.В.
Педагогика индивидуальности как инновационное явление…….. 20

Филология

Астанавонг С.Г.
Графические и орфографические особенности
памятника «Эрдэнийн сан субашид»…….. 24

Кучешева И.Л.
Лексико-семантический анализ имен собственных в составе
английских и русских фразеологических единиц:
лингвокультурологический подход…….. 30

Лаврентьева Л.Р.
Динамика концепта «верность» в англосаксонской культуре:
лингвоэтнический аспект…….. 34

Смирнова Е.Е.
Функция числа в поэме Вен. Ерофеева «Москва – Петушки»…….. 43

Философова М.В.
Специфика литературно-критического дискурса И. Анненского…….. 48

Политические науки

Галуза В.П.
Политико-правовые аспекты концепции дворянских
революционеров по реформированию России…….. 53

Ланда К.Г.
Транснациональные корпорации как «локомотивы»
глобализации в Каспийском регионе…….. 59

Мармилова Е.П.
Соответствие избирательного законодательства
РФ международным стандартам о выборах…… 65

Родионовский М.А.
Терроризм как угроза национальной безопасности
РФ в контексте эволюции постсоветского пространства……... 70

Право

Алабужева И.Р.
Развитие принципа обеспечения права на защиту
подозреваемому и обвиняемому в советском уголовном процессе…….. 76

Буянтуева Р.С.
Свобода манифестаций как политическое право и свобода человека…… 82

Макаров В.Д.
Проблемы преодоления противодействия
уголовному преследованию по делам о должностных
преступлениях в вооруженных силах РФ…… 88

Туганов Ю.Н.
Особенности поощрения военнослужащих вооруженных
сил Российской Федерации: теоретический аспект……... 94

Черепов К.А.
Институализация некоммерческих общественных объединений в России…… 102

Науки о земле

Борзенко С.В.
Роль «вторичного» минералообразования в
формировании содовых вод озера Доронинское……... 106

Социология

Романова Н.П.
Социальный статус одиноких жещин в современном российском обществе:
теоретико-методологический аспект…… 113

Машиностроение и транспорт

Смольников Н.Я., Скребнев Г.Г.
Графо-аналитический метод изучения процесса
стружкообразования при зубофрезеровании червячными фрезами…… 117

Стещенко Е.В.
Адаптивная компенсация сухого и вязкого
трения в системах автоматического управления…….. 123

Математика и информатика

Шерстюк Т.Ю.
Некоторые свойства функций $\Phi_i(\rho)$,
характеризующих аппроксимативные свойства операторов Баскакова…….. 129

CONTENTS

Editor's section…….. 3
Anniversaries…….. 4

Phylosophy

Zalunin V.
MYTHOLOGIZATION AND DEMYTHOLOGIZATION DIALECTICS
OF SOCIAL REALITY IN CRISIS SOCIUM…….. 5

Pedagogics

Baldanova E.
THE PROBLEM OF FORMING YOUTH PEOPLE
TOLERANCE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY…….. 13

Grigorieva N.
PEDAGOGICS OF INDIVIDUALITY AS AN INNOVATIVE PHENOMENON…….. 20

Philology

Atsanavong S.
GRAPHIC AND SPELLING PECULIARITIES OF
"THE TREASURY OF WISE SAYINGS" MONUMENT…….. 24

Kuchesheva I.
LEXICO-SEMANTIC ANALYSIS OF PROPER NAMES IN COMPOSITION OF
ENGLISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS:
LINGUISTIC-CULTURE SCIENCE APPROACH…….. 30

Lavrentyeva L.
«LOYALTY» CONCEPT DYNAMICS IN ANGLO-SAXON CULTURE:
LINGUISTIC-ETHNICAL ASPECT…….. 34

Smirnova E.
THE FUNCTION OF A NUMBER IN
V. EROFEYEV POEM «MOSKVA-PETUSHKI»…….. 43

Philosofova M.
SPECIFIC CHARACTER OF LITERARY CRITICAL DISCOURSE OF I. ANNENSKY…….. 48

Political Science

Galuza V.
POITICAL AND LEGAL ASPECTS OF NOBLE REVOLUTIONISTS
CONCEPTION ABOUT THE REFORMING OF RUSSIA …….. 53

Landa K.
THE ROLE OF TRANSNATIONAL CORPORATIONS AS
GLOBALIZATION DRIVING FORCE IN CASPIAN REGION 59

Marmilova E.
CONFORMITY OF THE RF LEGISLATION WITH
INTERNATIONAL ELECTORAL STANDARDS..... 65

Rodionovsky M.
TERRORISM AS A THREAT TO THE RF NATIONAL SECURITY IN THE CONTEXT OF
THE POST-SOVIET AREA EVOLUTION 70

Law

Alabuzheva I.
THE DEVELOPMENT OF PRINCIPLE OF PROVIDING THE RIGHTS FOR DEFENSE TO
SUSPECTED AND ACCUSED INDIVIDUALS 76

Buyantueva R.
FREEDOM OF SPEECH AS POLITICAL RIGHT AND FREEDOM OF A PERSON..... 82

Makarov V.
PERSECUTION COUNTERACTION BY BREACH OF TRUST CASES IN THE RF ARMED FORCES..... 88

Tuganov U.
PROBLEMS OF OVERCOME OF CRIMINAL
ENCOURAGEMENT PECULIARITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION MILITARY MEN:
THEORETICAL ASPECT..... 94

Cherepov K.
INSTITUTIONALIZATION OF NON-PROFIT SOCIAL ORGANIZATIONS IN RUSSIA..... 102
.

Physical Sciences

Borzenko S.
ROLE OF «SECONDARY» MINERAL FORMATION IN SODA-WATER FORMING OF
DORONINSKOYE LAKE..... 106

Sociology

Romanova N.
SOCIAL STATUS OF SINGLE WOMEN IN MODERN RUSSIAN SOCIETY:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT 113

Engineering Industry and Transport

Smolnikov N., Skrebnev G.
GRAPHICAL AND ANALYTICAL METHOD OF STUDYING OF
SHAVING FORMATION PROCESS AT GEAR MILLING WITH HOB CUTTERS..... 117

Steshchenko E.
ADAPTIVE COMPENSATION OF DRY AND VISCOUS FRICTION
IN SYSTEM OF AUTOMATIC CONTROL…… 123

Mathematics and Information Science

Sherstuk T.
SOME PROPERTIES OF FUNCTIONS $\Phi_i(\rho)$,
WHICH CHARACTERIZE APPROXIMATE PROPERTIES OF BASKAKOV'S OPERATORS…… 129

Вестник

Читинского государственного университета

№ 3 (48) 2008

Научный редактор д-р социол. н. Н.П. Романова
Литерат. редактор Т.А. Эпова
Технический редактор М.А. Витовская
Подписано в печать 27.06.2008
Сдано в производство 25.05.2008
Форм. бум. 60 х 84 1/8
Печать офсетная
Уч.-изд. л. 11,5
Тираж 500 экз.
Бум. тип. № 2
Гарнитура литературная
Усл. печ. л. 10,7
Заказ №

Читинский государственный университет

РИК ЧитГУ
672039, Чита, ул. Александро-Заводская, 30